

У Р А Л Ь С К И Й № 4 (574), 2005
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

АПРЕЛЬ

**ЧЕТЫРЕ
ИСТОРИИ
НА ЧУСОВОЙ**

**ПОЧЕМУ ЛЮДИ
ЛЕТАЮТ
КАК ПТИЦЫ**

**«БАСЕГИ»
- ОТ СЛОВА
КРАСИВЫЙ**

«СЛЕДОПЫТ»

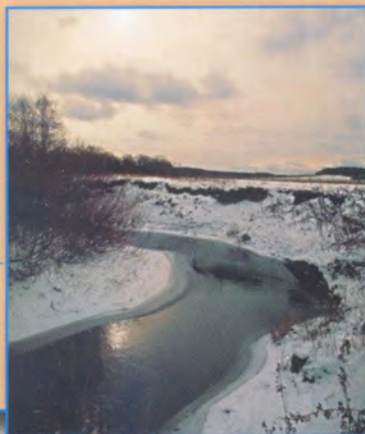
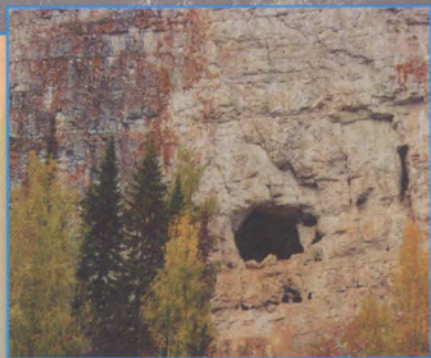
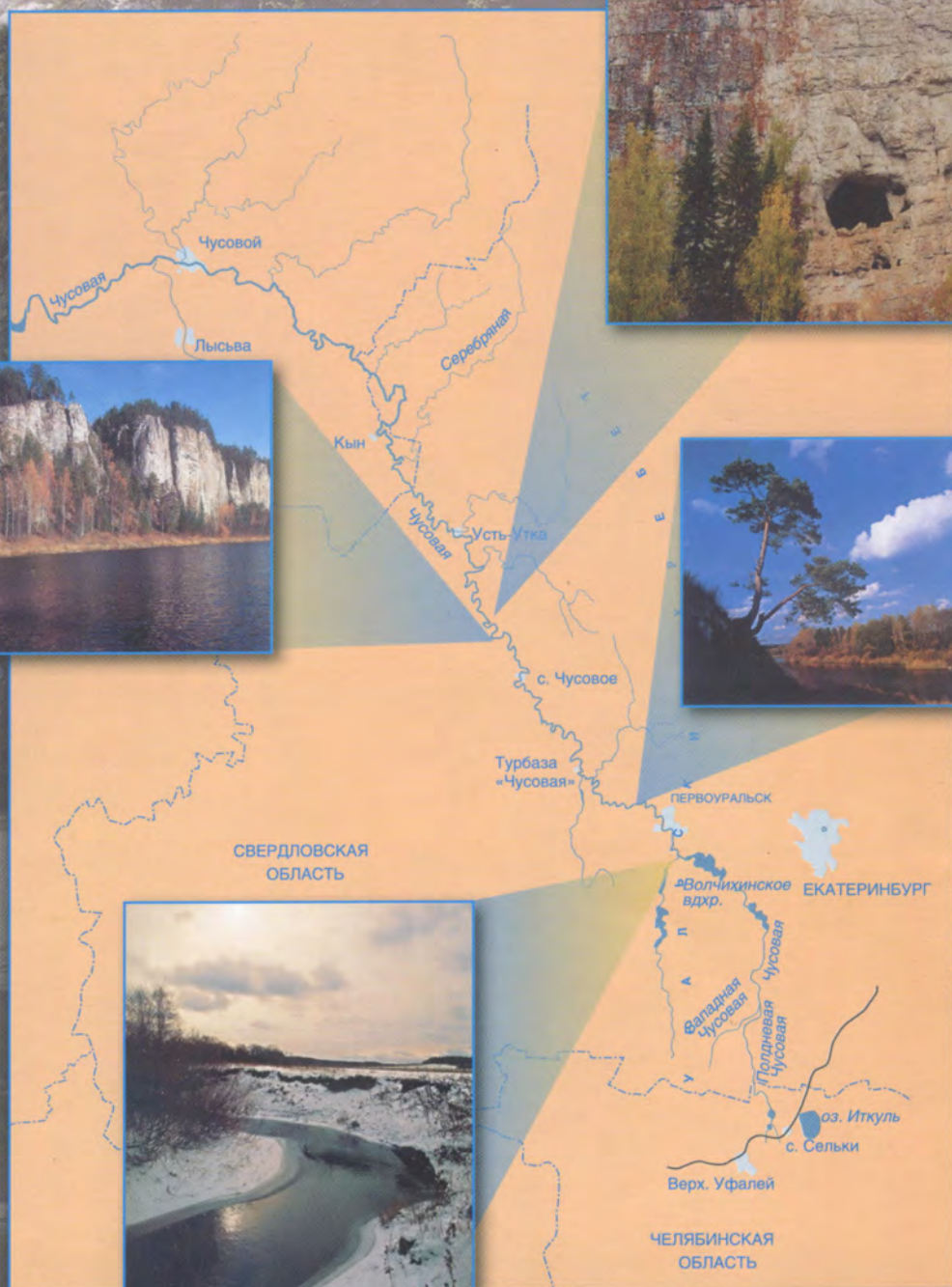
от 1935 до 2005

Маршруты Уральского следопыта

Чусовая - одна из самых капризных горных рек... Начать с того, что падение Чусовой превосходит все сплавные русские реки... в самом гористом месте течения Чусовой это падение достигает двадцати двух сотых сажени на версту.

Д.Н.Мамин-Сибиряк.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Юбилей

Ю.ГОРБУНОВ	Жив, Курилка!	2
Е.ЗАХАРОВА	Наследство старого свердловчанина	41
А.АНТОНОВ	Спартак Киприн - художник «Следопыта»	58
Н.ЕРОХИН	Вечный «бегун», или Необычная картотека «Следопыта» ...	71

Поиски и находки

Ю.ГОРБУНОВ	Писательницы России	25
------------	---------------------------	----

Далекое-близкое

Н.АКИФЬЕВА	Леса Билимбаевской дачи: исторический аспект.....	26
------------	---	----

Версия

В.БАЙДУКОВ	Окно в эпоху мезолита	37
С.БАННЫХ	Первая культурная революция	80

Проекты «Уральского следопыта»

ФОТОКОНКУРС	.....	40
-------------	-------	----

Заочная экспедиция

В.ШУМКОВ	Страна пещер.Сикияз-Тамак	49
----------	---------------------------------	----

Портреты

Ю.КЛЮШНИКОВ	Творец «Касьяна Остудного»	53
-------------	----------------------------------	----

Клуб собирателей

В.ПОПОВ	Уральские боны гражданской войны .	56
---------	------------------------------------	----

Тропой поиска

В.ТРУСОВ	Причальные столбы на Чусовой....	69
В.ИЩЕНКО	Малахит первых рудознатцев	84

АЗИТА

Фантастика

А.БУТОРИН	Возвращение себя	4
-----------	------------------------	---

Сказка

Н.СРЕДИН	Добрыня и Змий	22
----------	----------------------	----

Современная проза

Л.ИЗМАЛКИНА	Алтынжель	29
-------------	-----------------	----

Современная поэзия

Ю.КОНЕЦКИЙ	Стихи	46
------------	-------------	----

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

История уральского туризма а

Л.БУКРИН	Два похода подряд... ..	13
В.МИТРОФАНОВ	Наш капитан	76

Человек и природа

Ю.КАТИН	«Никакая Швейцария с Уралом не сравнится»,или По Чусовой в компании с губернатором	17
---------	--	----

Человек в экстремале

Д.ПОРУБОВ	Тальковский микст	20
Т.НИКОЛАЕВА	Купола	65

Туристские байки

	«Неспортивное» поведение	52
--	--------------------------------	----

Путешествия

И.АБРАМОВ	Зимой на Басеги	60
-----------	-----------------------	----

Советы специалиста

	Групповое снаряжение туриста-водника	74
--	--	----

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов-
Юний Горбунов,
Александр Челноков,
Андрей Наседкин,
Денис Порубов.

Художественный редактор,
верстка-
Юлия Ульянова.

Художник-
Ирина Овсянникова.
фото 1 пол. обложки-
Евгений Савенко.

Набор-
Валентина Кадочникова.

Корректор-
Юрий Виноградов.

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

издано при поддержке

министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница

рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматриваются

рукописи, дополненные электронной
версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел.(343) 257-36-62.

Подписано к печати 30.04.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

Жив, Курилка!

«Уральскому следопыту» 70 лет. Звезда этого историко-приключенческого журнала взошла в апреле 1935 года, когда закатилась недолго горевшая на литературном небосводе звездочка «Всемирного следопыта».

«Виновником» появления «Следопыта» на Урале стал талантливый и неугомонный организатор научно-популярной и приключенческой российской периодики Владимир Алексеевич Попов-Штарк. В Москве у издателя-патриарха И.Д.Сытина он был душой таких журналов, как «Всемирный следопыт», «Вокруг света», «Мирок», «Всемирный турист»... И когда в начале 30-х годов почти все они «приказали долго жить», их эстафету подхватили уральские литераторы-приключенцы, задумав издание «журнала занимательного краеведения «Уральский следопыт» – по образу и подобию «Всемирного следопыта». Из Москвы на Урал, в Свердловск, был приглашен «заведовать редакцией» легкий на подъем Владимир Алексеевич Попов.

Тогда, в 35-м, век «Уральского следопыта» оказался недолгим: начиная с апреля, вышло только девять номеров журнала. Приключенческие, научно-фантастические, занимательные жанры в нашей стране негромко, но настойчиво признавались врагами литературы. Не будь этого, не было бы и столь длительного – 23-летнего – перерыва в бытовании «Уральского следопыта» – журнала занимательного краеведения, научной фантастики и приключений.

Но крону в любом случае нельзя отрывать от кор-

Обложка 1-го номера журнала, выпущенного в 1935 году.

ней без ущерба для всего древа – можно легко лишиться питательной среды... «Уральский следопыт», возродившийся, как сказочная птица Феникс, в 1958 году, был плоть от плоти «Уральского следопыта» 1935 года: тот же формат и дизайн, те же жанры, тот же приключенческо-поисковый нор. Эстафету краеведов и «приключенцев» 35-го – Владимира

Попова, Михаила Зуева-Ордынца, Анатолия Климова, Вильгельма Вогау и других – подхватили организаторы, авторы, художники «Следопыта» рождения 1958 года: Вадим Очеретин, Владислав Крапивин, Юрий Курочкин, Спартак Киприн...

Биография старейшего российского историко-фантастического журнала, на сильно прерванная в 35-м, была триумфально продолжена в 58-м.

Первым главным редактором возрожденного «Следопыта» стал известный прозаик, ветеран Уральского добровольческого танкового корпуса Ва-

В гостях у «Следопыта» Герой Советского Союза М.В.Водопьянов.

Юбилей

РЕКА ВРЕМЕНИ

Станислав Мешавкин (справа) и Григорий Каёта.

дим Кузьмич Очеретин. Затем, начиная с 1961-го, журнал возглавляли писатели Владимир Николаевич Шустов и Иван Иванович Акулов, впоследствии лауреат Государственной премии. А с 1971-го и вплоть до начала очередной российской пертурбации, т.е. более двадцати лет, главным редактором «Следопыта» был замечательный организатор печати Станислав Федорович Мешавкин. Поклониться этим людям в первую голову – наш долг, ибо судьба российских журналов в неизбывно единой державной стране всегда ой как сильно зависела от личности, воли, характера главных редакторов!

В эту пору – в 70 – 80-е годы прошлого века – «Уральский следопыт» праздновал свой расцвет. Здесь сложился сильный творческий коллектив ав-

Виталий Бугров.

торов и редакторов, подчас они воплощались и в одном лице. Тираж «Следопыта» достиг немислимой по сегодняшним меркам цифры – 500 000 экз. И это при том, что подписка на журнал была ограничена. Не было в СССР уголка – поселка, деревни, полустанка, куда не проникал бы этот вездесущий мальчик с ледорубом. А коли так, то «Следопыт» был больше чем журнал – он являл собой уральско-следопытский образ жизни. Достаточно сказать, что он долгие годы был законодателем мод в отечествен-

Владислав Крапивин.

ной фантастике, а его приз «Аэлита» до сих пор не потерял престижа. И не случайно за именами Владислава Крапивина (а я не ошибусь, если скажу, что все его произведения приходили тогда к читателю сначала со страниц «Следопыта»), Юрия Курочкина, Виталия Воловича, Юрия Липатникова, Виталия Бугрова, Юрия Борисихина и еще многих, кого вырастил журнал и кто принес журналу славу, – за этими именами стоит незаемное миропонимание и бескомпромиссная нравственная позиция.

Время рыночного беспредела, конечно же, не баловало «Уральский следопыт». Минувшее десятилетие стало для него суровым испытанием на прочность. Были годы, когда пламя свечи «Уральского следопыта» едва теплилось на ветру. Выход каждого номера – подчас сдвоенного, строенного, черно-белого, держащегося на тоненькой ниточке энтузиазма двух-трех сотрудников – был праздником со слезами на глазах. Однако журнал выстоял и на этом ветру.

Ему на помощь пришли неравнодушные люди, возглавляющие крупные коллективы. Уже многолетним другом журнала стал Заслуженный врач России С.И.Спектор. В самые трудные годы «Следопыту» протянул руку помощи Уральский мебельный центр (Т.П.Насырова). Цветными вкладками и улучшенной полиграфией журнал обязан строительной компании «Химтехстрой» (А.А.Девярых). Несколько лет назад началось и продолжается творческое сотрудничество журнала с госпиталем ветеранов войны.

Несмотря ни на что, журнал не изменил себе, он по-прежнему стоит на трех своих «китах» – истории, научной фантастике и приключениях; «портфели» отделов вынужденно безгонорарного издания не пустуют, а поредевшие его подписчики по-прежнему живут во всех уголках России.

Одним словом, жив Курилка!

Фото из фонда Объединенного музея писателей Урала.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕБЯ

Дождь лил, не переставая, уже больше часа. По крайней мере, это подтверждали залитые водой и потому остановившиеся часы. На самом деле прошло уже два, даже два с половиной часа – чувство времени у Павла было развито хорошо. Да и на ориентирование в пространстве Павел Гром раньше не жаловался. И вот – на тебе! Заблудился! И где – в родных местах, в хоженных-перехоженных северных лесах!

Ну, если быть совсем справедливым к себе, лес хоть и оставался северным, а место "хоженным", и уж тем более "перехоженным", не являлось. Здесь, в ста пятидесяти километрах от дома и в полусотне от саамского* поселка Кулозеро, Павел еще не был. В самом Кулозере – да, приходилось бывать: ездил на прошлогодний «праздник Севера», смотрел на гонки оленьих упряжек... Затащил Герка Коготков, любитель всяческого экстрима, от тех же лопарских оленьих гонок до ралли на джипах по лесотундре и соревнований дельтапланеристов-самодельщиков. Тогда-то Герка и рассказал о Святылище – скоплении сейдов километрах в пятидесяти от Кулозера. Сейды – это культовые камни у древних саамов. Павел и раньше кое-что про них слышал, но Герка рассказал все подробно и "в цвете". Во-первых, о самих камнях – какими они бывают необычными и по форме, и по расположению. Огромные булыжники, настоящие обломки скал, лежат там, где и скал-то никаких поблизости нет! Некоторые лежат на "подставочках" из камней поменьше, иногда на пологом склоне сопки, и просто удивительно, как такой "булыган" с этих подставочек не скатывается! Другие формой напоминают зверей, хотя камень явно не обработан – таким его вылепила природа или что еще неизвестно... Рассказал Коготков и о "летающих" сейдах – находят, дескать, каменные "подставочки", на которых еще пару лет назад видели сейд, а теперь его нет, причем нигде – ни рядом, ни у подножия сопки, куда он мог скатиться... Или такое: в прошлый раз видели сейд на одном месте, а потом – уже в десятке метров, и необязательно ниже, бывало и наоборот! Но самое интересное – по ле-

гендам, такие камни наделены магическим силами: внутри сейда обитает дух! И они, сейды эти, вместе с духами, в них заключенными, помогали шаманам в камлании, охотнику – в охоте, соответственно, и вообще выполняли всякие просьбы, если, конечно, человек им нравился. Сейдам для этого жертву приносили, чаще всего оленя, – до сих пор возле них олени рога находят. Женщины и дети, правда, к сейдам не допускались – не признавали их почему-то духи за достойных просителей. А еще на человека, сейдам не понравившегося, они и всякую-разную бяку могли напустить – болезнь, например, или в лесу закружить так, что тот в трех шагах от собственного дома блудился. Некоторых сейды к себе даже и близко не подпускали, – нападал на такого "отверженного" безотчетный дикий страх, отчего он и шагу в нужную сторону ступить не мог! Или сваливались вдруг неожиданные препятствия: то олени разбегутся, то ногу на ровном месте человек подвернет или сломает.

В общем, заинтересовал тогда Герка Павла здорово! Договорились сходить к Святылищу еще прошлым летом, но у Герки все никак не получалось выкроить денек-другой: то соревнования, то авралы на работе. А потом и сам Павел в командировку до осени уехал. Договорились в сентябре – дотянули до октября, а там и снег пошел...

Этим летом Павел дал себе зарок сходить к сейдам обязательно! Как только растаял снег, стал теревить Коготкова. Но прошлогодняя история повторилась: Геркины гонки, полеты, поездки не прекращались. Наконец, "железно" договорились на август, даже число наметили. И как раз накануне Герка сверзнулся с небес вместе со своим мотодельтапланом! Переломал ребра, сломал ключицу и голень, получил сотрясение мозга. Отделался сравнительно легко, но загремел в больницу надолго, как раз до нового снега, как минимум.

И тогда Павел решил идти к Святылищу сам. Герку он в больнице навестил, все у того о дороге выспросил. Получалось так, что почти до самого места можно было проехать на машине – сначала

ла сотню километров по шоссе, затем – около сорока – по проселочной дороге, ведущей на Кулозеро. И лишь последние десять–пятнадцать километров предстояло пройти пешком. Павел даже слегка разочаровался: он-то рассчитывал, что поход ожидается по-настоящему сложный, по местам, где нога современного человека ступала нечасто. А так... Да там, поди, все уже грибниками-туристами вытоптано и на каждом сейде помечено, что "Вася Пупкин был здесь"!

Коготков, однако, Павла успокоил:

– Там мало кто бывает... Идут многие, а вот доходят единицы. Никто не знает, почему так получается, но найти Святилище трудно. Вроде и карты есть у людей, и компасы – а все мимо! Бывает, не по одному дню плутают – и назад-то дорогу не сразу находят! Я бы тебе, Палтус, не советовал туда одному соваться! Погоди, вот я оклемаюсь...

– ...и мы пойдем туда на лыжах! – закончил за приятеля Павел, слегка обидевшись на "Палтуса" – старое школьное прозвище.

– Ну, в следующее лето... – поморщился от боли Герка.

– Ладно, лечись, – положил Павел руку на здоровое плечо экстремала. – Послезавтра придю, расскажу. Принесу тебе ма-а-аленький сейдик!

– Ты что, не вздумай!!! – вскинулся Герка, но тут же застонал и опустил голову на подушку. – Не вздумай трогать камни...

– Что так?

– Нельзя! Касаться сейдов нельзя. Даже подношения бросались к ним с расстояния!

– А если потрогать? – усмехнулся Павел.

– Не стоит, – очень серьезно ответил Герка. – И вообще ходить туда одному не советую.

– Ладно... – неопределенно кивнул Павел. – Лечись давай!

И вот сбылись Геркины "страшилки" – Павел заблудился! Ему, заядлому и опытному грибнику, никогда даже компас с собой в лес не бравшему, стало стыдно. И, если честно, страшно. Сначала страх был именно таким, которым, по рассказам Коготкова, отгоняли от себя непрошенных гостей духи камня. Но Павел быстро стряхнул с себя наваждение, и страх стал самым обыденным – не найти дороги до ночи. В августе ночи на севере хоть и короткие, но все равно неприятно. Да еще дождь!

О Святилище Павел уже и не думал. Найти бы дорогу, на которой оставлена машина! Можно бы было заночевать в ней, а завтра поискать сейды еще раз. Или – ну их? Поехать домой, принять горячую ванну, переодеться в сухое, выпить коньяку или просто водки и завалиться в теплую, уютную постель... А завтра пойти к Герке в больницу и признать, что тот был прав – сейды к себе не пускают.

Вот уж хрен! Позору потом не оберешься! По-

добная мысль Павла сразу подстегнула, и он зашагал наугад, непонятно уже – к Святилищу или к машине. Страх почти прошел, оставалась злость – на дождь, на себя, на Герку, на бабу-лопарку...

Бабка встретила его почти сразу, едва он отошел от машины. Старая саамка собирала чернику на лесном взгорке. Медленно разогнула спину, глянула на Павла острыми маленькими глазами, скрипуче ответила на его приветствие:

– Здравствуй, молодой человек! По грибы собрался? Далёко забрался!

– По грибы, бабушка! – махнул ведерком Павел. Он всегда собирал грибы в небольшое ведро, а потом пересыпал их в жестяной короб, упрятанный в рюкзаке за спиной. – Есть тут грибов-то?

– Как не быть! Лес же... – беззубо засмеялась старуха.

– А вы-то как тут? До поселка же полсотни верст!

– Не только в поселке люди обитают, – загадочно улыбнувшись ответила старуха. Павел кивнул и отошел уже метров на десять, когда старая лопарка бросила вслед: – Эй, парень! Только к камням не ходи! Не пугай тебя духи-то!

Павел от неожиданности замер. Хотел обернуться, но понял, что сделать этого не может. Зябкий ветерок шевельнул волосы на затылке, и тут же Павла "отпустило". Он медленно повернул голову. Бабки нигде не было.

"Ерунда, это же лес, – успокоил себя Павел. – Отойди на пару шагов в сторону – из-за кустов и деревьев тебя и не видно!" Но лес-то тут как раз был редким – на полсотни метров вокруг все видно! Вот и дорогу отсюда видать, и его красную "семерку".

И все-таки Павел решил не брать в голову ни исчезнувшую бабу, ни ее дурацкое предостережение. А может, она вовсе поиграть с ним решила? Такая вот старушка-затейница попалась? Захотелось парня пугнуть, а потом еще и спряталась для пушшего эффекту! Но вот отчего он повернуться сразу не мог? Гипноз? Старая шалунья-гипнотизерша, развлекаясь в безлюдном лесу в полусотне верст от ближайшего селенья! Глупости какие – да просто он испугался по-детски старухиных слов про духов! Испугался от неожиданности, потому что накануне как раз об этом говорил с Геркой! Вот он и боялся повернуться – причуды психики и собственного подсознания! Павлу наконец-то стало смешно, бабкино "колдовство" полностью рассеялось. Он даже понял, откуда здесь взялась старуха: в паре километров отсюда Павел видел стоящую у обочины белую "девятку". Павел представил, как древняя бабка лихо наруливает по лесной дороге, и рассмеялся уже в голос. Конечно, на самом-то деле старуха здесь не одна, а с сыном, зятем, внуком, кем еще там...

"Да-а-а... – протянул Павел. – И в такой глуши шагу не ступишь, чтобы с человеком не столкнуться!" Он поддернул рюкзак и зашагал вперед в самом прекрасном расположении духа. Сразу стали попадаться грибы – в основном подосиновики, маленькие, крепкие, похожие издали в грязно-белом мху на оранжевые шарики от пинг-понга. Сначала Павел радовался: не прошло и полутора часов, а он уже вывалил в заплечный короб два ведерка. Но вскоре грибное изобилие начало его немного раздражать. Сколько он прошел? Километров пять? Значит, до Святилища, если верить Коготкову, оставалось еще столько же, а то и вдвое больше. А время уже близилось к полудню. Значит, два-три часа туда, час там, часа четыре обратно... Получается, к машине он выйдет часов в восемь вечера, а то и в девять. До дому ехать не менее пары часов, хорошо, если к полнотемноте вернется! Впрочем, что в этом такого уж страшного? В девять вечера в августе еще светло, дома, кроме кошки, никто не ждет... Ничего страшного, абсолютно ничего! Бутерброды есть, два литра минералки...

Вспомнив про минералку, Павел понял, что хочет пить. Снял рюкзак, сел на большой плоский камень. Это, случайно, не сейд? Да нет, непохоже. Невзрачный, серый, вросший в мох... Павел сделал пару больших глотков из бутылки. От пузырьков газа защекотало в носу. Настроение сразу улучшилось. "Подумаешь, десять километров, – подумал Павел, пряча минералку в рюкзак. – И никто меня не заставляет собирать эти грибы всю дорогу! Лучше даже так сделать – набрать сейчас еще ведерко, высыпать в короб и оставить этот короб где-нибудь под кустиком! И больше до Святилища на грибы внимания не обращать. Так и идти легче, и отвлекаться он не будет, значит, дойдет гораздо быстрее! А на обратном пути можно будет пособирать грибы еще".

Разумное решение прибавило настроения и сил. Павел еще пару километров пути пособирал грибы, потратив на это минут сорок. Высыпав очередное ведерко подосиновиков в короб, Павел вынул его из рюкзака, отнес в кусты, положил рядом ярко-красное ведерко. Подумал, не оставить ли тут и рюкзак, но в нем были бутерброды, минералка... Может, переложить в ведерко и идти с ним? Нет, пусть лучше руки будут свободными! И Павел забросил легкий рюкзак за плечи. Затем он осмотрелся и увидел поблизости три высокие ели, две из которых, казалось, срослись макушками – так переплелись их верхние ветки. "Вот и метка для схрона отличная!" – обрадовался Павел.

Дальше он шел, как учил Герка – строго на север, легко ориентируясь по солнцу.

"Увидишь горушку с лысой макушкой – обходи ее, лучше с правой стороны, – говорил Коготков. – Ее ты никак не пропустишь, если в правильном направлении пойдешь. За горушкой – большое болото, но если смотреть на него от горы, то

опять же справа будет узкий участок, там переходи смело – не топко. Затем еще километра два на север – и будет сопка. Левый склон ее пологий, там и есть сейды. Сопку ты еще издали увидишь, от болота. А если на горушку ту лысую не поленишься забраться, то весь путь будет у тебя как на ладони!"

Все в Геркином объяснении казалось предельно понятным. Павел ничуть не сомневался, что все он найдет быстро и правильно. Только вот теперь он шел и шел, а никаких горушек видно не было, ни лысых, ни волосатых. Павел глянул на часы. Он оттопал уже полтора часа после того, как оставил короб. Пусть и по лесу, но налегке и быстрым шагом, километров шесть-семь он всяко должен был бы пройти! Итого получается, что он протопал километров четырнадцать, ну пусть тринадцать. Уже, по идее, должен бы дойти до Святилища, а он еще не добрался до этой дурацкой лысой горы! Правильно он идет? Правильно! Сейчас два часа, вот солнце, вон там – юг, значит, там – север. Туда он и идет. Солнце врать не будет. А вот Герка насчет расстояний вполне мог ошибиться! Он и так сказал "километров десять-пятнадцать", разброс немаленький! Если пять кэмэ он спокойно допустил в минус, то почему бы те же пять не прибавить в плюс? Легко! Стало быть, все нормально, и лысая горушка покажется вот-вот!

Примерно так успокаивал себя Павел еще в течение часа, пока небо не затянуло тучами и не зарядил нудный, хоть и не очень сильный, дождь. "Ну вот, ты-то откуда взялся, – чертыхнулся Павел. – Небо же час назад совсем чистым было – ни облачка!" Дождь – это очень плохо. Во-первых, сыро и неудобно, а во-вторых, пропал основной ориентир – солнце. Теперь Павел стал сожалеть, что не взял компас, сыграла дурацкая гордость – как же так, он, такой крутой грибник, будет ходить в родных лесах с компасом! А перед кем гордился-то? И чем? Теперь вот ищи его, север-то! Павел прекрасно знал и по собственному опыту, и из книг, что всякие советы из учебников насчет ориентирования по мху на деревьях или по их годичным кольцам для заполярных лесов абсолютно не подходят! Не срабатывают здесь подобные законы – и все тут! Ориентир один – красно солнышко. Или звезды ночью. Есть, правда, еще один способ – компас... Тьфу ты, вот идиот!

Можно было еще натереть о сухую тряпку иголку, намагнитить ее и аккуратно положить на воду. Иголка тоже покажет на север, не хуже компаса. Но где ее взять в лесу! Если только еловую или сосновую. Ха-ха.

Становилось совсем не смешно. Павел продолжал идти в прежнем направлении, но он уже сильно сомневался, прежнее ли оно. Оставался еще вариант: залезть на дерево и посмотреть, где же эта горушка-лысовушка, зараза... А деревья стали мокрыми, скользкими, тронешь за ветку –

получишь холодный душ за шиворот! Но лезть все равно надо, Павел все отчетливей это понимал. И полез, куда ж деваться... Выбрал ель повыше да покрепче, с прочными частыми ветвями – и полез. Руки сразу же испачкались в смоле, искололись о хвою, ноги то и дело соскальзывали с наклоненных вниз мокрых веток; пару раз Павел чуть было откровенно не сорвался. Что делать, в северном лесу на березу не полезешь – она кривая и низкорослая, а у сосны ветки высоко начинают расти! Остается ель – колючая и смолянистая. И покорить ее, "зимой и летом стройную", Павлу все-таки удалось. Но, как оказалось, зря. Никаких горушек и сопок поблизости не наблюдалось. И весь горизонт был зятанут сплошной пеленой дождя. От расстройства Павел едва не сорвался в третий раз.

А потом он стал делать то, чего ни в коем случае нельзя делать, заблудившись в лесу – и Павел это хорошо знал, – он начал метаться! Почему-то подумал, что север совсем в другой стороне – и дернул туда. Через полчаса бега по мокрым кустам запыхался и остановился отдышаться. Решил вернуться к прежнему направлению, пошел сначала быстрым шагом, но снова сорвался и побежал... На бегу решил, что надо искать уже не Святилище, а обратную дорогу. Не останавливаясь, развернулся, бросился назад. Споткнувшись о корень, уткнулся носом в мокрый, как губка, мох. Вскочил, тут же поскользнулся и снова упал. Захотелось реветь – от обиды и злости, а еще – от подступившего к сердцу холодному, как этот сырой мох, страха...

До наступления темноты Павел так никуда и не вышел – ни к сейдам, ни к машине. Дождь почти утих – моросило совсем чуть-чуть. Но небо было по-прежнему зятануто низкими тучами. Впрочем, ориентироваться по звездам Павел все равно не умел. Да и не мог он уже никуда идти; от блужданий по лесу и нервного потрясения он устал так, что ноги больше не держали. Благо что рядом росла разлапистая старая ель, раскинувшая нижние ветви почти по самой земле, образуя подобие шалаша. В этот импровизированный

шалаш и рухнул Павел, как стоял, не снимая даже с плеч рюкзака. И сразу же провалился в тяжелый, бездонный, беспросветный, как хмурое небо, сон.

Впрочем, скоро в глухой черноте сна забрезжил неяркий изменчивый свет, словно бы вдалеке горел костер. Вот свет стал ярче, огонь будто бы стал приближаться к Павлу. То, что костер может двигаться, его ничуть не удивило. Но все-таки это был именно костер, и его горячие языки ласково тянулись уже к озябшим рукам Павла. А по другую сторону искрящего пламени сидела бабка-лопарка – та самая, что встретила утром у дороги.

– Ну что, не послушался? – зашамкала старуха беззубым ртом. – Говорила ж тебе, парень, не ходи к камням! Не пустили тебя духи-то!

– Кто вы? – спросил Павел, зачерпывая в ладони горячее, но совсем не обжигающее пламя. Тепло от рук побежало вверх, к плечам, шее, голове, разлилось блаженной волной по всему телу.

– Кто я? – переспросила старуха. – Не помню, сынок. Я здесь так долго... Я здесь – всегда... Да и неважно сейчас это. А вот кто ты? И зачем тебе духи камней?

– Ни за чем, – пожал плечами Павел. – Мне ни к чему духи. Я просто хотел посмотреть камни.

– Эти камни не для того, чтобы смотреть. Они могут помочь, но могут и навредить. Кому как. Их выбор неведом, но всегда верен. Потому я и спросила тебя: кто ты? Ты мне сможешь ответить?

– Наверное, нет, – сказал Павел и сам удивился своим словам. – Я не знаю, кто я.

– Ты правильно ответил, сынок, – печально засмеялась саамка. – Очень правильно! И потому, когда ты найдешь себя, духи станут к тебе благосклонны, и все пути – открыты...

Старуха вместе с костром стремительно стала удаляться от Павла.

– Пойдите! – закричал Павел, но, как часто бывает во сне, вместо крика раздался лишь неразборчивый шепот.

Павел проснулся. Над ним весело сияло солнце. Рядом чернели головешки от костра. От кост-

ра?! Но костер же был во сне! Наяву была лишь ель с ветками шалашиком! Кстати, где она? Павел вскочил на ноги и эволюционировал вокруг. Что за чертовщина?! Никаких елей рядом не было! Вернее, были, но совсем маленькие – под такими не от дождя укрываться, а лишь в угол на Новый год ставить! Еще – молоденький березняк, чуть дальше – большие березы... И гора! Гора с лысой макушкой! Совсем рядом! По сути, Павел находил сейчас у ее подножия.

Вот-те нате! Как он вчера умотался в поисках чертовой горы, а оказывается, ходил совсем рядом! Может быть, даже крутился вокруг нее! Вполне возможно, что сама гора была скрыта завесой дождя... Хорошо, но где тогда ель? Ведь он точно помнил, что лег спать под большой елью! И откуда эта странная легкость во всем теле? Павел даже подпрыгнул и с изумлением понял, что совсем не ощущает своего прежнего веса! По теперешним ощущениям, он сбросил килограммов двадцать!! И что это так странно тряхнулось на груди?! Павел опустил глаза и... заорал во все горло от ужаса! Точнее, не заорал даже, а завизжал, как завизжало бы большинство женщин при виде крысы на собственной груди. Только Павел увидел не крысу, а нечто гораздо более страшное – он увидел собственную грудь! Женские груди, обтянутые сереньким свитерком! Павел, не веря глазам, схватился руками за эти нелепые выпуклости и взвизгнул снова: и груди оказались настоящими, и руки – тонкие кисти с изящными наманикюренными пальчиками – не его руками! Тогда он схватился за голову, ощущал лицо... Выщипывая волосы до плеч, маленький нос, само лицо тоже маленькое, никаких намеков на щетину! Все было чужим!!! Мало того – женским!!! Он, Павел Гром, двадцатипятилетний мужик, стал женщиной!!!

Павел заметался, завертелся волчком, не представляя, как быть, что делать, куда бежать! Нет, не надо никуда бежать, надо проснуться! Просто надо проснуться! Ведь это сон, всего лишь сон, продолжение сна! Нужно сесть, нет, даже лечь, закрыть глаза, а потом открыть и проснуться! Или сначала проснуться, а потом открыть... Главное – проснуться!!! Павел глянул под ноги и увидел прямые еловые лапки, с которого он только что и поднялся. Вот и хорошо, какой сон чудесный, не надо на мокрую землю ложиться! Павел опустился на колени, растянулся на пахнущем праздником ложе, закрыл глаза. Даже попытался заснуть и тут же подумал, что засыпать во сне глупо. Но, полежав так минут пять, он и правда начал задремывать... И когда, отпугивая подступающий сон, вздрогнул – сразу открыл глаза в полной уверенности, что теперь-то проснулся окончательно. Он осторожно, боясь, что навядение вернется, поднес к глазам руку. И теперь уже не завизжал, а просто заплакал, тихонечко поскуливая; рука была все той же – изящной, тонкой и... женской.

Отплакавшись, Павел остался лежать. Теперь наступила апатия – не хотелось ни вставать, ни что-либо делать, ни даже думать... Но мысли сами полезли в новую голову Павла – коварно, без спроса. Итак, он стал женщиной. Хорошо. То есть плохо, конечно, ужасно, отвратительно, но... допустим. Теперь вопрос: почему это произошло и как такое вообще стало возможно? Сразу вспомнился Шекли, "Обмен разумов". Но сейчас-то, в данном случае, – ведь это не Шекли! На сей раз – не Шекли... Увы! На сей раз все по-настоящему. Значит, старуха! Да-да, проклятая старая лопарка! Кто она – колдунья, шаманка?! Что она там говорила в дурацком сне? "Когда ты найдешь себя, духи станут к тебе благосклонны". Чуть как-то: "найдешь себя", "духи"... А вот и не чушь! Павел сел. Никакая не чушь! Духи – это же те, которые в сейдах! К ним же он и шел вчера целый день! Но дойти не смог. Потому что духи этого не хотели. Ведь бабка еще раньше предупреждала: "К камням не ходи, духи тебя не пустят". А он не послушался, пошел. И вот результат! А зачем пошел, если честно? Поперся один, в такую даль? Ни за чем, как сказал старухе? Просто посмотреть на камни? Ой ли? А может, захотел, пусть и неосознанно, в серой своей подкорке, в закоулках ленивой душонки, эдакой "легкой жизни"? Дескать, духи помогут, если они есть, сделают его и богатым, и счастливым! Для этого и нужно-то всего лишь прогуляться десяток-другой километров по лесу! Да если и не будет никаких духов, чего он теряет? Погуляет, воздухом лесным подышит, да еще и грибов наберет! А оказалось, что и духи есть, и "облегчать" ему ничего не собираются! Правда, тело вот слегка "облегчили"! В назидание: не гонись, дескать, за дармовщинкой! Или дали таким образом понять, что у всего есть своя цена. Хорошо, он все понял, на собственной шкуре почувствовал, что такое "бесплатный сыр в мышеловке". И что теперь делать? Теперь ему надо "найти себя", тогда духи... Что? "Станут благосклонны"! Но это ведь вовсе не значит, что они снизойдут до корыстных помыслов его подсознания! Это значит, они пощадят его, смилостивятся, вернут тело! А больше уже Павлу ничего и не надо! Стало быть, надо срочно "найти себя", причем в буквальном смысле!

Павел снова вскочил и стал лихорадочно соображать. Во-первых, куда бежать? К Святилищу? Но что толку, если он себя не нашел! Тогда к машине? Стоп! А где его вещи? Где ключи от машины, документы? Павел впервые осмотрел себя внимательно. На ногах – коричневые резиновые сапожки, линейные джинсы, туго обтягивающие стройные... – гм-м! – ноги. На теле – тонкий серый свитерок, сверху – расстегнутая ветровка, застиранная почти до белизны. На голове – платок, завязанный сзади. Из под платка выбиваются каштановые локоны, явно крашенные. На руках – никаких украшений, только маленькие часики,

которые – тик-так... – на удивление, ходят. И показывают, между прочим, девять часов! Долго же он спал! Что дальше? Интересно, а какое у него теперь лицо? Говорят, что женщины никуда не ходят без зеркала... А ну-ка! Павел обернулся и увидел рюкзак – маленький, не в пример его собственному, совсем... дамский. Так ведь и принадлежал он даме – хозяйке этого, нужно признаться, довольно ладненького тела! Так, а что внутри? Бутерброды, минералка – тот же запас, что и в его рюкзаке! О-о! Маленький охотничий топорик в чехле! Благоразумная... тетенька! А что в карманах рюкзака? Полиэтиленовый пакетик! Снимаем резинку – как все продуманно и аккуратно! – разворачиваем. Ого! Компас! Павел почувствовал, что краснеет. Ничего, это реакция НЕ ЕГО организма! Но как бы пригодился вчера этот нехитрый приборчик! Ладно, проехали. Что еще в пакетике? Спички, перочинный ножик, таблетки... Нет, это только баночка из-под таблеток, а в ней – соль... Все. Что в другом кармане? Опаньки! Косметичка! Ну надо же! Даже в лес... А что в ней? Вот и зеркальце. Ну-ка, ну-ка... А ведь ничего! Совсем-таки ничего! В смысле, ничего-таки себе! Аккуратненький носик, губки пухленькие, а глаза-то, глаза! Век бы глядел, не отрываясь! Нет, век не надо!!! Павел даже испугался: вдруг духи его мысли подслушают и, шутки ради, желание выполнят... Век не надо! Посмотрел, и хватит! Павел отложил зеркальце, снова полез в косметичку. Так... Помада, карандаши какие-то, щеточки, красочки... Или это тени? Один хрен! Что еще? Ключи! Два – от машины, а эти два, возможно, – от квартиры. И вот – самое главное! Ура-ура-ура!!! Документы! Правда, техпаспорт... Замечательно! Так, Громова Полина Аркадьевна... Почти сестра, даже отчество совпадает! Дата рождения: "02.04.1980". Слава богу – не его, а то можно поверить в полное перевоплощение! Теперь адрес... Город – тот же, улица Гагарина, дом – 22, квартира – 14. Знаем, где это! Что у нас за тачка? Марка, модель: "ВАЗ 21093", цвет: "БЕЛЫЙ"... Постой, так это же та "девятка", что он видел у дороги! Замечательно! Значит, эта Полина Аркадьевна приехала сюда на машине, пошла к Святилицу и попросила у духов превратить ее в мужика? А духи, чтобы сильно не париться, взяли первое подвернувшееся тело, то есть его, и быстренько совершили "exchange". Мило! Очень мило! Хотя, стоп! Герка говорил, что женщины и дети к духам не допускаются. А мы это сейчас проверим!

Павел быстренько покидал вынутые вещи в рюкзак, приладил его за спиной и пошел к лысой горушке. Идти было очень легко и непривычно. Все тело словно пружинило в такт шагам. Захотелось даже петь – так легко отчего-то стало и на душе. "Погоди, напоешься еще!" – одернул себя Павел, и веселое настроение моментально съезжилось, но совсем из души не удрало. И все-таки легко, очень легко и хорошо было сейчас Павлу,

несмотря на всю непотребность ситуации. "Неужели у женщин всегда так? – подумал Павел. – И все равно женщиной я оставаться не хочу!"

Павел снова посмотрел на гору. Как ему показалось, гора ничуть не приблизилась. "Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе", – вспомнилось отчего-то. Павел прибавил шагу. Потом побежал. Гора не приближалась. Только немного будто бы сдвинулась в сторону. Павел побежал быстрее, не отрывая глаз от лысой вершины. Гора плавно перемещалась, будто Павел бежал по периметру ее основания. Теория подтверждалась – духи камней не хотели пускать к себе женщину! А если идти вокруг горы? Герка Когтов говорил, что справа за горой болото, а за тем болотом – сопка со Святилицем... Давай попробуем! Павел пошел направо. Через какое-то время он увидел, что гора отдалилась. Прошел еще с полчаса – гора стала дальше. Все понятно, духи к себе не подпустят! Стало быть, надо идти к машине. И идти как можно скорее, чтобы застать там... собственное тело! Ведь если девица и впрямь поменялась телами сознательно, то она удерет! Приедет к нему на квартиру, заберет остальные документы, деньги, ценности (хотя какие там ценности, а тем более деньги!), а потом вообще слиняет из города! Ищи ее потом свищи! И в милицию не заявишь: хорош же он будет с заявлением о похищении тела! Дурдом обеспечен!

Павел достал компас, несмотря на то, что солнце ярко светило на безоблачном небе, тщательно выбрал направление. И поехал! К сожалению, хотя бежать в женском теле было несравнимо легче, чем в собственном, но и устал он гораздо быстрее. Пришлось сделать передышку, во время которой Павел подкрепился бутербродами и минералкой, проклиная себя за потерю времени. Потом Павел уже не бежал, а шел быстрым шагом, экономя силы. И вот он дошел, наконец, до елей со "сросшимися" вершинами. Нашел свой короб с грибами, ведро. И куда теперь с ними? Короб в этот рюкзачок не залезет, да и лишняя тяжесть совсем ни к чему. Впрочем, о грибах ли сейчас думать? Вот закончится все, вернется он сюда за вещами! А грибы придется сейчас вытряхнуть, а то раскиснут они в коробе, сгниют – чисти его потом! Павел открыл и безжалостно опрокинул короб. Подосиновики, обиженно поблескивая красно-оранжевыми шляпками, полетели на землю.

Когда Павел вышел к дороге, была уже половина третьего. Родная красная "семерка" отсутствовала. Павел пробежался туда-сюда по дороге – нет, место точно это! Вот и след колес на песке – именно здесь его машина поворачивала, выезжая на дорогу. Без него! С сумасшедшей авантюристкой за рулем! Павлу так стало жалко машину – родную, любимую, о которой он так много мечтал и на которую так долго копил, – что

забылась даже потеря куда более существенная – собственного тела.

Зато "девятку" он нашел быстро. Машина завелась сразу, послушно доверившись знакомым рукам. Павел резко рванул с места и, лихо объезжая камни и ямы, порулил в сторону шоссе. А там он уже вдавил педаль "газа", что называется, "до полика" и не отпускал ее до самого поста ГАИ на въезде в город. Он мчался бы и дальше, не снижая скорости, но очень боялся сейчас, что его могут остановить гаишники. Ведь они начнут что-то у него спрашивать, а он и представить себе не мог, как будет говорить о себе в женском роде... Это казалось просто невыносимым! Да у него и язык не повернется сказать: "Ты чё, командир, я ехала шестьдесят!" Или что-нибудь в этом роде...

Кстати, а куда сейчас лучше поехать? К себе домой? Но у него нет ключей... Зато похитительница может быть там! Или уже была... Тогда все напрасно. Да и в квартиру ему в этом случае тоже будет не попасть. А если и попадет, что он будет делать дальше? В милицию обращаться нельзя, к знакомым – тоже. И то и другое чревато одним – психушкой! А вот в квартиру Полины он как раз попасть сможет легко, не вызывая подозрений выламыванием двери. К тому же она наверняка попытается проникнуть и к себе домой – надо же ей взять какие-то личные вещи, те же деньги, ценности... А если в квартире еще кто-то есть: муж, родители, братья-сестры? Как тогда себя вести? Все равно надо молчать, притворяться и ждать! Если у нее есть семья, то вряд ли она полезет домой в мужском обличье. Будет выжидать, когда все уйдут, предпринимать что-то еще... В любом случае, ждать Полину лучше всего у нее. Но сначала нужно заехать все-таки к себе: а вдруг она там именно сейчас?

Возле подъезда красной "семерки" не было. Но это еще ничего не значило. В подъезд Павел заходил с опаской, ожидая, что по лестнице навстречу спустится он сам, собственной персоной. Хоть он и искал этой встречи, но одновременно ее и боялся. Зрелище не для слабонервных – встретить себя самого! Да и что делать дальше, что говорить? "Отдай мое тело!"?

Но говорить "самому себе" ничего не пришлось. Никто не попался навстречу, да и дверь квартиры оказалась запертой. Павел осторожно прикинул к двери ухом. Тишина. Даже кошки не слышно. Бедная Дамка! Вторые сутки не кормлена... И тут вдруг щелкнул замок двери напротив. На пороге возник сосед, пенсионер Николай Иванович. С ним у Павла были хорошие отношения, иногда они даже заходили друг к другу, выпивали по бутылочке пива, играли партейку-другую в шахматы. Вчера, кстати, перед отъездом в лес Павел его встретил во дворе, и они перекинулись парой слов.

– Что вы хотите, девушка? – строго спросил сосед, грозно выпятив пузо.

Павел раскрыл рот, но нужных слов не нашлось.

– Вы к Павлу Аркадьевичу? – подсказал Николай Иванович.

– Да... К Павлу... – промямлил Павел, – Вы не знаете, он дома? Почему-то не открывают...

– Если не открывают, значит, никого дома нет! – сверкнул глазами пенсионер. – Неужели непонятно? А подглядывать и подслушивать нехорошо!

"Между прочим, подглядывал сейчас не я, а ты, Николай Иванович! – мысленно ответил Павел. – Я только подслушивал!" Вслух же он сказал другое:

– Понимаете, мы договаривались... А Павел не позвонил, и не открывает вот...

Глаза соседа несколько потептели:

– Договаривались? Вообще-то Павел очень обязательный человек... Но я его и сам сегодня не видел. А вчера он ездил за грибами... Пойдите, но я не заметил, чтобы он возвращался! Да и машины его нет... – Николай Иванович вышел на середину лестничной клетки, разглядывая через окно двор. – Странно... Не случилось ли чего? Наверное, стоит позвонить в милицию...

– Не надо в милицию! – испугался Павел. – Он... он и не собирался возвращаться вчера... Павел ночевал у меня... – "Что я несу!" – ужаснулся Павел, но продолжил: – А сегодня он поехал на работу и обещал позвонить...

– Да?! – обрадовался пенсионер. – У Павла наконец-то появилась девушка? Да еще такая симпатичная! Почему же он мне не похвастался?

"Можно подумать, я всегда посвящаю тебя в личные дела!" – хмыкнул про себя Павел и сказал:

– Вы знаете, мы познакомились недавно... Я пойду, пожалуй. Если придет Павел, скажите, что я заходила, пусть он мне позвонит!

– Хорошо, передам, – кивнул Николай Иванович, о чем-то задумавшись. А когда Павел уже спускался по лестнице, крикнул вдруг ему в спину: – Пойдите! Но какая может быть работа?! Сегодня же воскресенье!

– Его вызвали! – пискнул Павел и поскакал вниз.

У подъезда дома двадцать два по улице Гагарина стояла красная "семерка". Павел резко тормознул, и автомобиль Полины, обиженно фыркнув, заглох. В три прыжка допрыгнув к родной машине, Павел рванул водительскую дверцу. Из салона на него глянули полные слез глаза. Его глаза! Нет, все-таки не его... И цвет их, и форма были до боли знакомыми, но это все-таки были НЕ ЕГО глаза. И голос, со стороны показавшийся совсем незнакомым, сказал:

– Извини...

У Павла разом пропал весь гнев, вылетели из головы те слова, что он собирался сказать ковар-

ной похитительнице. Он-то готовился к бою, а противник сразу выкинул белый флаг. А может, он никогда и не был противником.

Полина вышла из машины, хлопнула дверью. Павел мысленно назвал ее "Полиной", но на самом-то деле это был он сам! Видеть "себя" со стороны было столь непривычно и... неприятно, что Павел закрыл глаза.

– Пойдем в квартиру, – дотронулась до его руки Полина. И голос ее, и ладонь дрожали. Ведь и она сейчас увидела себя впервые не в зеркале и не на фото.

Павел кивнул и пошел за "собой" в подъезд. Перед дверью квартиры он нерешительно остановился.

Ключи он заранее переложил в карман ветровки, но сейчас воспользоваться ими не решился. Полина догадалась о причине заминки и молча протянула ладонь.

Однокомнатная квартирка Полины ничем особенно не выделялась, но Павлу на мгновение показалось, что он вернулся домой – так поманил к себе уютный дух чистенькой, светлой комнаты. Павел вспомнил о духах и вздрогнул: а ведь квартира приняла его за хозяйку! Оттого и окутало его теплое чувство дома...

– Садись, – показала на диван Полина. – Я сейчас, только переоденусь. – Она сделала шаг к шкафу, замерла и нервно засмеялась: – Я забыла...

Махнув рукой на шкаф, Полина тоже присела на краешек дивана.

– Чаю будешь? – не глядя на Павла, спросила она, вновь порываясь встать. – Или приготовить поесть?

– Сядь, – попросил Павел, впервые заговорив с Полиной. – Сейчас не до чая...

– Ты думаешь, это сделала я? – с ходу сменила тему Полина, сжав в "замок" пальцы так, что побелели костяшки. Павел отметил, что этот жест – его собственный; волнуясь, он всегда так делал. Видимо, тело тоже имеет какую-то память.

– Зачем же ты убежала?

– Я... испугалась. Очень.

– А что ты попросила у духов? – Павел второй раз за все время заглянул в "собственные" глаза.

Полина отвела взгляд:

– Я не пошла к сейдам...

– Почему?! – Павел даже встал с дивана. – Ведь тебе специально для этого дали мое тело!

Теперь вскочила Полина и тоже выкрикнула:

– Почему?!

– Ты разве не знала? Женщины и дети не допускаются к духам!

– Так вот что такое "большая цена"...

– Не только это, – скрипуче раздалось из угла комнаты. Старая саамка, скромно сложив узловатые руки на коленях, сидела в кресле у книжных полок. И Павел, и Полина вздрогнули одновременно и крикнули хором:

– Как вы сюда попали?!

– Зашла через дверь. У вас было открыто.

– Дверь заперта! – Павел хорошо это видел даже из комнаты.

– Двери бывают не только в стенах, – сказала лопарка.

– Ты тоже знаешь ее? – повернул к Полине голову Павел.

– Да, я спросила у нее дорогу, там, в лесу...

– И что она тебе сказала? – Павел повернулся к Полине полностью, оставив старуху за спиной, словно игнорируя ее присутствие. Ему сейчас почему-то важно было узнать все от самой Полины. Саамка тоже отвернулась, принявшись разглядывать книги. К разговору она будто бы напрочь потеряла интерес.

Полина покосилась на увлекшуюся литературой старуху и ответила, чуть понизив голос:

– Она спросила, зачем мне камни, что я хочу попросить у духов...

Павел молчал, ожидая продолжения. Полина собралась с духом и выпалила на одном дыхании:

– Я сказала, что хочу всего лишь быть счастливой! Всего-навсего! Хочу попросить обычного женского счастья, для этого мне и нужно узнать путь...

– И что ответила саамка?

– Что легких путей к счастью не бывает, и у всего есть своя цена. А у настоящего счастья цена очень большая.

– Но она рассказала тебе, как пройти к Святылице?

– Да...

– Почему же ты не пошла?! – Павел почти кричал.

– Я испугалась, когда... когда...

– Когда стала мною?

– Да! Я ничего не могла понять, думала, что сошла с ума! Я бросилась назад, даже не помню, как добралась до машины... Никак не могла ее открыть, пока не поняла, что ключи совсем от другого автомобиля. Только когда немного пришла в себя, догадалась проверить... твои карманы и рюкзак. Не знаю, как додумалась поискать твою машину поблизости, чуть не помчалась домой пешком...

– Это все?

– Да...

– Нет, не все. – Лопарка вновь подала голос. Только теперь он не скрипел несмазанной осью, а звенел тетивой саамского лука. – Я сказала, что, прежде чем искать путь к чему-то, нужно найти себя. Кто же иначе пойдет по твоему пути, как не ты сам?

– Почти то же самое вы сказали мне во сне, – вспомнил Павел.

– Правильно, сказала.

И что, ты уже нашел себя?

– Да, нашел, – натянуто улыбнулся Павел. – Вот он я... – Он ткнул паль-

цем на Полину и замер с раскрытым ртом. Полина была действительно Полиной – девушкой в линиях джинсах и сером свитере! Павел принялся ощупывать свое лицо, охлопывать тело, растягивая рот в неудержимой глупейшей улыбке. Старуха-лопарка звонко рассмеялась:

– Ну и кого ты нашел? Там я вижу лишь еще одну потеряшку! Вы пока только вернули себя, а не нашли.

Полина в это время повторяла движения Павла: шупала лицо, трогала тело. Со стороны они были похожи на двух мартышек, передразнивающих друг друга. Это и правда выглядело очень смешно. Вслед за саамкой хотеться приняться и Полина с Павлом. Они смеялись так долго, что даже устали, и тогда они обнялись, поддерживая друг друга.

А старуха давно уже отсмеялась. Она долго смотрела на счастливую пару, и лишь легкая улыбка гуляла по ее губам.

– Сами не знают, чего хотят, что ищут! – наконец проворчала под нос старая саамка и рассыпалась каменной пылью, заплывавшей на миг в луче солнца и тут же растаявшей в нем.

* Саамы (лопари) – народ в северных районах Норвегии, Швеции, Финляндии и России.

Два похода подряд

Посвящается 50-летию городского турклуба г. Екатеринбурга.

На 7 ноября 1979 года я собрал группу, чтобы сходить в лыжный поход по Северному Уралу. Со мной был испытанный друг Саша Карев, и к нам присоединилось еще семь человек. Четвертого ноября в 22 часа должен отправляться наш поезд до Североуральска. Когда я пришел на вокзал, увидел Сашу Карева и трех женщин из группы: Иру, Альфию и Людмилу. Не подошли еще четверо: В. Фомин и С. Сапаров, О. Феохина и ее подруга Ирина. Вдруг подходят к нам две незнакомые молодые девушки и спрашивают: «Вы не знаете Фомина и Сапарова»? Мы говорим, что знаем, они с нами идут в поход. Девушки обрадовались: «А мы вас ждем уже четыре часа, Фомин нам сказал, что поезд уходит в 18 часов..... они пригласили нас в поход». Я уже хотел им отказать, но Карев одернул меня, отвел в сторону и сказал, что сегодня звонила Феохина и сказала, что они не смогут идти с нами в поход. Два билета на поезд у меня лишние. Может, возьмем этих двух молодых дам с нами в поход? Руководителем на этот раз был я, немного подумал и махнул рукой: пусть идут! У нас первая категория сложности, могут идти одни новички, кроме... руководителя конечно. И действительно, в зимние

походы, кроме меня, никто не ходил, а у меня было уже в то время 5 категорийных лыжных походов. Вскоре подошел и наш поезд, и мы, все девять человек, по билетам сели в свой вагон, как и должно было быть. Только Фомин и Сапаров удивлялись, как это могло произойти. Они своих дам просто хотели обмануть, чтобы они по вокзалу походили и ушли домой. Правда, Фомин мне говорил две недели назад про каких-то двух девочек, но я ему категорически отказал, потому что в солдатский шатер, с которым мы ходили зимой, входит восемь человек, максимум девять. И вот мы приехали в Североуральск в 12 часов дня. Можно было ехать на автобусе до Всеволод-Благодатского, а потом снова в него возвращаться. Многие группы так и делали. Но был вариант и другой. В одном поезде с нами ехали и мои друзья Е. Затирка и В. Шеломэнцев. Они под Денежкиным камнем должны были стоять на посту КСС (контрольно-спасательная служба). Начальником КСС был тогда Гордеев. За ними должен подойти автобус – «Пазик». Нам сказали: «Подождете – и вместе уедем до Крива». А от Сольвы до Крива – 12 км. Автобус подошел, но было уже около 17 часов. Первыми погрузились спасатели,

без лыжи прошли 10 км, а когда пришли, то домики уже все были заняты. После Сольвы мы повернули к Уральскому хребту, там лыжи не оказалось, и нам пришлось ее торить до хребта. Мы лишь к вечеру подошли к подножью Главурала. Завтра мы должны подняться на этот белоснежный хребет. У него множество кулуаров, лавиноопасных крутых склонов. Утром встали пораньше и пошли на восхождение. Карев шел последним, помогая отстающим подняться в гору. Это были все те же молоденькие две девочки. Он от них очень устал, да они и сами согласились, что им не подняться на гору. Девушки пошли обратно; в

потом уже мы с группой и Рахимов Белур с группой, тоже с УЗТМ, еще какая-то группа. В общем, набралось нас полный автобус, человек 40, с лыжами и рюкзаками. В такой давке доехали мы до горы Кривинская сопка (в разговорах – Крив) 47 км. Вышли около моста через реку Сосьва, а это два троса, натянутые через реку по мосту с гнилыми досками: идешь – а они под ногами ломаются. Перешли этот висячий мост, все перепутались, где наши, где чужие – невозможно определить, только мелькают в темноте знакомые и малознакомые лица. Все спешат в Сольву, чтобы занять получше домик. Но я в прошлом году там был в сентябре и уже знал, что путевых домиков там нет. Это брошенное село домов на 10, в избах зимой толком печку не растопишь, все равно будет холодно, сколько ни топи. У КСС уже занят дом заранее, там живут члены спасательного отряда из Североуральска.

Я остановил Карева и говорю: «Саша, в Сольве нас никто не ждет, времени уже 20 часов, а идти еще 10 км. Давай здесь остановимся, а завтра уйдем под Уральский хребет». Остановили мы свою группу, отошли от лыжи в сторону. С фонариками нашли сухару, развели костер, поставили шатер, сварили ужин и легли спать. Утром встали и стали собираться, а на улице валил снег и был сильный ветер, но в лесу этого не ощущалось, только видно, как сильно качаются деревья. Позавтракав, собрали лагерь и пошли в Сольву. Пришли туда часов в 11, девочки, которые к нам присоединились на вокзале, идут одна плохо, а другая еще хуже. Потом выяснилось, что она жила на Украине и снега почти не видела. Когда мы пришли в Сольву, там еще все спали. Вчера вечером они

лагере были дрова, сухара, пила, топор. В общем, было все, чтобы не замерзнуть, если не совсем ленивый. Были случаи, когда люди замерзали в тайге в палатке, не пытаясь развести костер при наличии и топора, и спичек, при морозе всего -20°C . А пьяные ягодники и того хуже – замерзали в брусничном бору при ноле. Карев от нас изрядно отстал и пошел в гору не как мы, серпантинном, а в лоб, на лыжах «елочкой». Он догнал нас уже на вершине Уральского хребта. В этот день погода была солнечная и безветренная, но мороз был за минус 30 градусов.

К обеду мы уже пришли к палатке. Девочки, которые остались, как и предполагалось, не выходя из палатки, топили печку и грели чай. В этот день мы уже не стали снимать лагерь. Времени у нас достаточно, чтобы сходить на Денежкин камень и прийти на автобус в поселок Всеволод-Благодатский через 6 дней.

На следующий день мороз был еще сильнее и с ветром, но мы по своей лыжне прошли через поселок Сольву и подошли к Денежкиному камню, а за

тем к реке Шарп. В Сольве туристов было групп 5, все хотели куда то подняться, и у многих уже были пообморожены лица. Утром мы стали подниматься на Денежкин камень со стороны реки Шарп. Вышли на вершину всей группой. Карев снова шел последним, помогая отстающим. И свершилось то, что не должно было случиться. Саша Карев довел этих девушек, которые не ходили на лыжах, на Денежкин камень. Только в самом конце, где был твердый наст, они сняли лыжи и шли пешком. На вершине 7 ноября стояла вся группа.

А через две недели мне снова пришлось идти в этот снежный район. Свой отпуск за 79 год я еще не использовал, и еще летом по книге в клубе туристов «Ищу попутчика» я искал группу, идущую в декабре месяце. И такая группа нашлась. Это Тиунов Д.В. Он собирался идти в декабре в Туву, но его друг А. Сухарев не смог идти, а с «нехоженной» группой Тиунов в Туву не пошел. Этот район для зимы не из легких. Когда Тиунов предложил мне вместо 5 категории сложности идти в «четверку», то он думал, что я откажусь, но я согласился.

Итак, я снова на Северном Урале. На этот раз мы от Баяновки на лесовозах доехали до Кривинской сопки, перешли Сосьву по всяческому мосту днем, — на нем действительно было много ломаных досок на настиле. Троса — это поручни, а доски были покрыты льдом. Мы перешли мост и встали на обед. Перед нашим приездом прошли сильные снегопады, и лыжни, по которой я проходил две недели назад, как не бывало. Когда пообедали, я пошел тропить лыжню первым, проваливаясь очень глубоко в свежий, еще не слежавшийся снег. Через некоторое время меня догнали Дима и Аркаша и стали тропить лыжню челноком, без рюкзака. Вскоре подошли Нико-

лай, Вера и Люда. До Сольвы по таким сугробам нам показалось, что дорога удлинилась минимум в два раза. В поселок пришли уже в сумерках, заняли избу, в которой стояли КСС, сходили в лес за дровами, поужинали и приуныли. Аркаша Байцов заболел, у него была высокая температура. Кто-то говорил, что надо идти обратно, что путь по такому снегу длиной в 260 км до п. Тахта нам будет не подарок. Решили, что надо сделать дневку. Остались в избе Аркаша, Людмила и Вера. А мы, трое ребят, стали торить лыжню к избе «Половинка» в 12 км от Сольвы, на границе Европы и Азии. Мы пришли уже вечером. За день отдыха Аркаше полегало. Завтра придем на «Половинку», а там видно будет.

Это избушка маленькая, с железной печкой, человек шесть в ней могут разместиться и хорошо отогреться. От нее нам предстоит тропить лыжню через глухую нехоженную тайгу 100 км, к Чувальскому плато. Мы тропили лыжню по компасу 7 дней (у каждого был свой компас). Наконец-то тайга закончилась, показались заснеженные вершины. Мороз крепчал, температура стояла устойчивая, за -30 градусов. Я нес разборную печку, это для того, чтобы она занимала как можно меньше места в рюкзаке. Зато на морозе, когда ее собираешь и разбираешь каждый день впотымах (в декабре на севере световой день еще меньше, чем в средней полосе), я отморозил пальцы на руках. Понемногу они стали подмерзать каждый день. В одном месте мы уже установили палатку, печку, сварили ужин, но с тропежки лыжни пришли Дима и Вера и сказали, что в трех километрах от нас стоит хорошая избушка с дровами. Но мы решили остаться, снимать лагерь было слишком поздно. И этой ночью было так холодно, что раскаленная докрасна моя печка совсем не грела. Термометр на улице показал -50 градусов. Мы утром даже не стали ждать рассвета и варить завтрак, собрались и пошли в обещанную охотничью следу. Я пошел по лыжне первый, шел быстро, чтобы на ходу можно было согреться, но так и не успел согреться, пока не зашел в избушку. Она была маленькая и нетопленная, но в ней мне показалось так тепло, что я снял все варежки и стал растапливать печку. Ведь для этого у хорошего охотника всегда есть готовые сухие дрова и береста. Пока ребята подходили, избушка уже нагревалась. Когда они зашли, температура в ней была $+20$, а через полчаса в избушке уже было $+50$. Мы в этот день стояли в этой избе, но все равно втроем ушли тропить лыжню. Стоять в тепле хорошо, но мы к

дому ближе не станем, если будем стоять. За этот поход мы поднялись на Мартай, Ишерим, Молебный камень. Нам хорошо была видна двуглавая вершина Тулымского хребта. Я загорелся мечтой, что когда-нибудь я на нее поднимусь. Свожу сюда группу. На Чувальском плато стояли редкие невысокие полностью забитые снегом ели. На этом плато дул сильный ветер, но здесь было наоборот – лыжню тропить не требовалось. По плато я шел последним, и мне хорошо было видно, как сильный ветер в поземке скрывает от меня всю группу и через минуту заметает лыжный след. В таких местах лучше не отставать, если нет компаса.

В прошлом 1978 году, на Приполярном Урале в марте была оттепель, +4 градуса, и ночью шел сильный снегопад. Наш шатер от тяжести мокрого снега положило на нас, сонных. У печки дежурил В. Урусов, он же и был руководителем. Он вышел, стряхнул с шатра снег, занес в шатер лыжные палки и ими подпер крышу шатра. Уже днем мы подходили к станции Косьва. Мокрый снег сильно прилипал к лыжам. За весь день по лыжне мы смогли пройти только 10 км, а когда оставалось еще 5 км идти до станции, мы были насквозь мокрыми и уже думали, что сегодня нам не дойти. И откуда то враз подул с севера сильный холодный ветер. Наша одежда из брезента превратилась в ледяные панцири. Зато лыжи стали отлично скользить по ледяной лыжне. И мы успели за 1 час до поезда, даже сходили в баню.

В конце похода у меня стали ныть подушечки пальцев, но я думал, что это быстро пройдет, и не заострял на этом внимания, все так же собирал на морозе в темноте печку. Но когда мы вышли в Тохту (колония-поселение), я понял, что это не пустяки: все пальцы мои воспалились и ныли. Из Тохты мы ехали на открытой машине на кислородных баллонах. Когда я приехал в город, я первым делом пошел в баню и долго мылся и парился. Вроде все на себе отмыл, только пальцы на руках остались черными. Из бани сразу направился в заводскую больницу УЗТМ. Показал врачу свои пальцы. Он сказал, что будем снимать с них и кожу, и ногти. Если особо нервный, то лучше не смотреть. Но я с ужасом наблюдал, как врач чистит от гноя мои пальцы. Мы с ним давно подружились. Оказалось, он бывал в нашей туристской избе. А однажды мы с Лютиным прыгали с поезда, и я разбил себе о камень колено. Лютин на руках принес меня к этому же врачу, Игорю Федоровичу. Он мне делал операцию и пальцем мне погрозил – больше с поезда не прыгай! И вот я снова у него... Я вышел из больницы весь в бинтах, через два дня идти на перевязку. До Нового года оставалось 10 дней, а на работу выходить 3 января. Больничный я не стал брать. Через две перевязки съездил домой к матери. Новый год отмечали, как всегда, в лесу.

У туристов есть такая поговорка: «Если бы я знал, зачем я туда иду, я бы туда ни за что не пошел».

Юрий КАТИН,
фото Анатолия СЕМИХИНА,
Юрия ЛЕВИНА,
Евгения САВЕНКО.

“Никакая Швейцария с Уралом не сравнится” По Чусовой В компании с губернатором

Короткий очередной отпуск губернатор Свердловской области Эдуард Россель провел в своих любимых местах области, в том числе на реке Чусовой.

В районе деревни Харёнки Эдуард Эргартович впервые оказался ровно 41 год тому назад. “Я начал тогда работать в тресте “Тагилстрой”, – вспоминает губернатор, – и кто-то посоветовал мне порыбачить в этих местах. Когда пришел на Чусовую – сразу же влюбился в нее, был ею покорен. Впрочем, тут устоять невозможно – кругом красотища!”

Эти места еще часто называют демидовскими. Это и понятно. Урал, Чусовая, Демидовы

- связаны на века. Чусовая, кстати, хранит множество былей и легенд, связанных с уральскими заводчиками. Несколько лет тому назад неподалеку от деревни Харёнки чистили дно реки и наткнулись на якорь.

"Этот якорь, - рассказывает Эдуард Эргартович, - явно демидовских времен. Он - кованный

в несколько слоев, видно, что работа ручная. Кто знает, может, кто-то из Демидовых держал этот якорь в руках".

Чусовая была тогда полноводной, по ней ходили баржи, суда. Именно по рекам Демидовы сплавляли продукцию своих заводов. Что только не перевозили их баржи, вплоть до пушек и ядер.

Пересказывая некоторые легенды, Эдуард Эргартович показал нам скалу на Омутном, где Чусовая делает резкий поворот на 90 градусов. "Это очень опасное место. В свое время здесь разбилось огромное количество барж, да и сейчас, когда плывешь на лодке или на плоту, надо смотреть в оба".

Одна из легенд связана с самим Ермаком. Рассказывают, что он был окружен вогулами и ему уже некуда было деваться - с одной стороны Чусовая, с другой - скала. Но в скале был длинный лаз. Настоящая пещера. И вот, по легенде, один вогул подсказал это Ермаку, тот воспользовался тайным ходом и спасся.

А неподалеку от этих мест сейчас можно увидеть новенький красавец-мост. "Построили мы его три года тому назад, - говорит Эдуард Эргартович. - И он дал новую жизнь близлежащим деревням. И Харёнкам, и Ёкве, и другим. Помню, когда мост открывали, небольшой митинг получился. Не поверите, старушки за восемь километров пешком сюда пришли, не верили, что теперь можно ездить и ходить друг к другу".

А вот немногочисленные жители деревни Ёква (в основном это очень пожилые уже люди) благодарны губернатору еще и за то, что он вновь "зажег свет". Случилась тут беда, — какие-то отморозки взяли и срезали 11 километров провода, и осталась Ёква в прямом смысле этого слова отрезанной от мира. И никто не помогал. Вот и написали они письмо на телевидение в программу "Час губернатора".

Сплавляться по Чусовой, действительно, одно удовольствие. Эдуард Эргартович, вдохновенно рассказывая об этих местах, уверено заявляет: "Вот многие говорят: Швейцария. Да никакая Швейцария с Уралом близко не сравнится. Именно у нас, на Среднем Урале, здесь, на Чусовой — самые красивые места!".

После путешествия по Чусовой можно побывать в Свято-Андреевском скиту, представляющем подворье Верхотурского Свято-Николаевского монастыря. "Бываю здесь, я всякий раз захожу в гости к отцу Гавриилу, — рассказывает Эдуард Эргартович. — Захожу, и мы с ним беседуем на разные мирские

темы. Однажды я спросил отца Гавриила об истории названия деревни Харёнки. Оказывается, и тут тоже своя легенда. В давние-давние времена поселился на этой земле некто Харитон. Люди его полюбили и стали уменьшительно звать Харёней. И было у Харёни с супругой много ребятишек — харёнками их и прозвали.

Говорят, Харитон в переводе с греческого — "благодать". Выходит, Харёнки — благодатное, отрадное место.

Денис ПОРУБОВ,
фото автора

Тальковский микст

Официально «Тальковский микст» – это соревнования по ледолазанию. Впрочем, слово «официально» здесь неуместно. 26 февраля на знаменитом памятнике природы собралась веселая тусовка «экстремалов» самых различных направлений. Ледолазы, каякеры, горнолыжники и сноубордеры. Кто-то даже притащил коньки и играл в них в стритбол. Были и дайверы, но они как-то быстро отпогружались под лед, переоделись и уехали в город.

Те, кто не взял с собой любимую снарягу, развлекались на 120-метровом троллее с перепадом высоты около 20 метров. Те, кто снарягу взял, тоже на нем развлекались, каякеры летали в своих лодках; один лыжник, сказав, что нашел «дроп своей мечты», сиганул в лыжах. Но все полеты проходили под контролем МЧС, так что все было практически безопасно и для летунов, и для зрителей.

Скалы Талькового камня представляли интерес не только для ледолазов, но и для летающих лыжников и доскеров. Кто-то и просто катался на внешних склонах горы. Гвоздем шоу-программы стали прыжки каякеров в прорубь с 6-метровой скалы. Полет в каяке. Каяк, нырнувший в прорубь. Каяк, выскакивающий из воды. Каякер, который непринужденно плещется в проруби, напоминая какого-то разноцветного тюленя. Описывать это бесполезно, можно сказать только одно – впечатляет! Давайте всё-таки и о соревнованиях пару слов скажем. Было подготовлено три трассы на сложность и две на скорость. Для прохождения «сложности» предоставлялась одна попытка и три минуты времени. Соревнования на скорость – это парная гонка по вертикали, т.е. стартовали одновременно два спортсмена. Эти соревнования и были самыми зрелищными – все-таки бег по отвесному льду выглядит захватывающе, интересно.

Человек в экстремале

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Победителем соревнований стал Николай Швед – бронзовый призер чемпионата мира по ледолазанию.

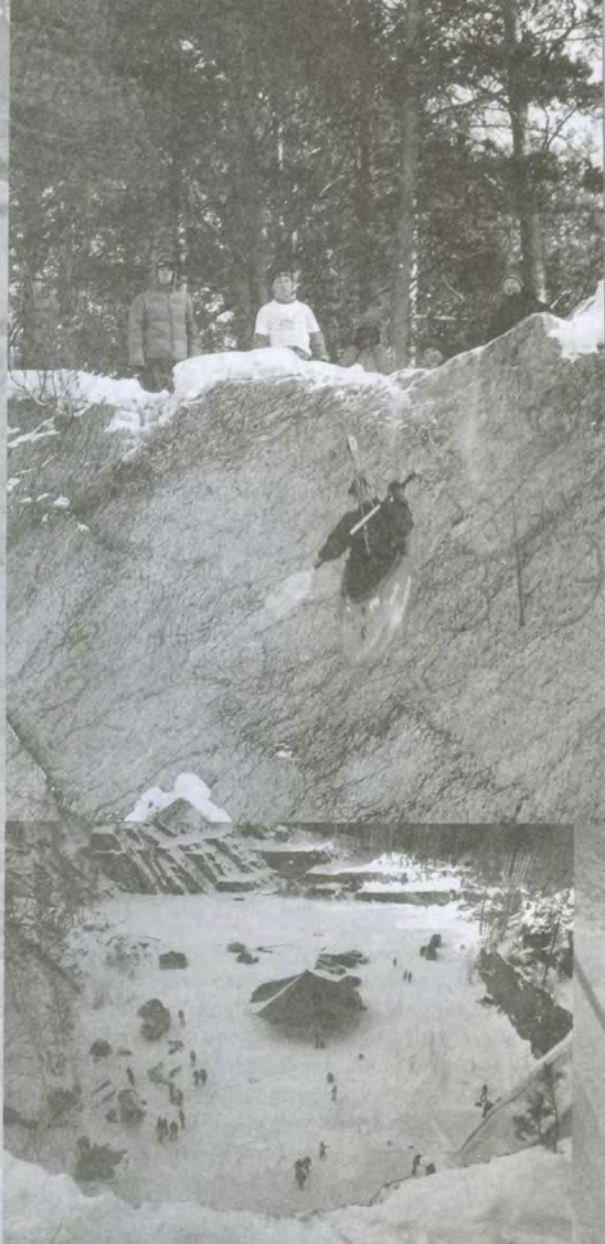
А еще был плов – на халяву, и чай – тоже бесплатно. И закончилось все, как и положено, фейерверком.

И когда мы вытаскивали в лесу застрявшие машины и ехали вдесятером на одной легковушке, груженной лодками, досками и лыжами – можно было однозначно сказать: праздник удался!

Ледолазание

Ледолазание имеет много общего со скалолазанием. Нагрузки на мышцы так же сопоставимы по характеру и интенсивности. Так же, как и в скалолазании, существует разделение на «скорость», «трудность» и болдеринг (короткие и особо сложные маршруты).

Но если скалолазанием можно заниматься, имея только систему и веревку, и лазить несложные трассы в кедах (желательно, на размер меньше) или даже в «берцах», то для ледолазания необходимы кошки и специальный ледовый инструмент, и от их качества и специализации во многом зависит успешность прохождения трассы.

Ледовый инструмент – это либо фифы – крючья особой формы, либо айсбайли – ледовые молотки. Фифы, как правило, используются самодельные, они достаточно просты в изготовлении. Айсбайль – более сложный предмет, самостоятельно изготовить его сложнее, но в то же время и более универсальный.

Кошки для ледолазания отличаются от кошек для пешего передвижения формой, размером и расположением зубьев. Существует также специальная ледолазная обувь – со «встроенными» кошками и более легкая, чем альпинистские ботинки.

Близко к ледолазанию стоит драйтулинг – прохождение скальных трасс с использованием кошек и ледового инструмента и «микстовое» лазание, т.е. прохождение комбинированных скально-ледовых трасс.

ДОБРЫНЯ И ЗЛИШ

– Ишь, разъездился, – сплюнул я. Получилось с огнем. Эффектно. Богатырь перед убежищем ша-рахнул со всей дури коня промеж ушей плеткой. Конь вздрогнул.

– Слышь, зачѣм коня мучить? – пробурчал Кавка.

– Сволочь, – коротко бросил Востя.

– Что делать будем? – спросил я.

– Ждать, – решил Востя, прикрывая узкие глаза. – Он сейчас в железе, не достанешь. Еще поранимся.

– Говорил же я, не надо барана трогать, – напомнил я причину гарцевания молодого русича перед входом. – «Шашлика» ему захотелось.

– Вай! Не хотѣл бы сам – не съели би! – вяло отозвался Кавка. – А какой барашѣк бил!

– Вкусный, – согласился я. – Наверное, его.

Богатырь продолжал ездить туда-сюда и громко вызывать чудо-юдо на бой. Чудом-юдом, надо полагать, были мы. Солнце припекало. Служка богатыря устроился в тени и оттуда лениво поглядывал на господина.

– И когда ему надоеет? – не выдержал я.

– Скоро, – не открывая глаз, вякнул Востя.

– Крэпись, Мир, – поддержал Кавка. – Он уж весь вспотѣл. Нѣт, и это всё из-за одного барана! Вах! Пришьол бы ко мне, я б его угостил!

– Это вряд ли, Кавка, – вздохнул я. Сожгли наше

гнездо, и стада наши угнали, и семью перебили. Такие же вот дикие русичи, непонятно зачем сдѣлавшие бессмысленный набег на восток. Разгромили болгар, разгромили хазар, открыли дорогу печенегам. По слухам, их теперь вместе с князем снова на восток понесло...

– Готовсь, – Востя уже открыл глаза и хищно смотрел на богатыря, повернувшего коня к реке. Служка не охотно влез на своего коня и потрусил следом. – Когда влезет в воду, вылетаем, с огнем и искрами...

– А что с ним делать будем? – отозвался я (съел я одного русича, до сих пор, как вспомню, – во рту паршиво). – Есть отказываюсь!

– Сажжом, – предложил Кавка. – Разарвом.

– Разберемся, – подытожил Востя. – Может, договор заключим.

– Договор? – обернулся я. – Я крови хочу.

– Хоти, – разрешил Востя. – А нам здесь жить.

Богатырь тем временем не спеша снял кольчугу, отдал оружие служке. Сложен он был хорошо, этого не отнять. И в воду вошел хорошо, и поплыл, фыркая и отплеываясь на две версты вокруг.

– Впе-ре-од, – скомандовал Востя.

Вылетели мы замечательно: громко хлопая крыльями, крича в три глотки, выпуская три струи огня – правда, осторожно, чтоб не поджечь чего лишнего, лето все-таки, все пересохшее. Служка красоту

оценил, геройствовать отказался и быстренько унес ноги. Богатырь заметил нас, только когда мы нависли над рекой.

– О-па! – выдохнул богатырь, посмотрел на берег, видно, оружие искал. Выматерился.

– Ну, что? – ласково заговорил Востя. – Ты те перича в наших лапах! Захотим – утопим, захотим – съедим-сожрем...

Желудок дернулся к горлу, я неучтиво кашлянул и помотал головой, наотрез отказываясь есть-жрать.

– ...захотим – сожжем, – продолжил Востя, скосив глаз на меня. – Захотим – в нору отнесем.

– А это на фиг? – удивился богатырь.

– Запас на зиму, – пояснил Востя. – Что делать будем?

– Нырять, – широко улыбнулся русич. «Имбицил», – прочитал я в глазах Кавки и не смог не согласиться. Оказалось, ошиблись.

Потому что здоровяк вынырнул с булыжником в кулачище. Безусловный рефлекс заставил взмахнуть крыльями, убирая головы с линии броска, оставив хвост без защиты. Богатырь за хвост ухватил да шарахнул нами по берегу. Да еще раз. Да еще.

– Стой! – взмолился Кавка.

– А чего? – любопытствовал богатырь.

– Мириться давай, – предложил Востя. – Договор заключать. Мы ж за этим и летели, черти тебя дери.

– Ну, так говорить надо было, – пожал плечами русич, выбрался на берег. – О чем договор?

– О мире. Мы не мешаем тебе, ты – нам. Ты нас кормишь...

– Ну, нифига себе...

– Изредка, – быстро добавил Востя. – Мы охраняем твои земли, твои стада, тебе помогаем.

– Да? – почесал бороденку богатырь. – А ты кто?

– Змей Влад, – представился Востя. – Я Владивосток, правая голова – Владикавказ, левая – Владимир.

– Ну, а я Добрыня Никитич, сын Малки, Никиты Романовича во Христе, из города Любеча, богатырь земли русской.

– Добрыня? – задумался Востя. – Это твоя сестра Малуша в Киеве?

– Моя, – помрачнел Добрыня.

– Сын у нее Владимир, так? – я всегда поражался памяти и всезнанию Вости. Средняя голова, главная...

– Ну, – выдавил богатырь. – Рабычич.

– Вот и будем повышать его рейтинг.

– Чего?

– Короче, будет твой племяш самым любимым сыном! – перевел я.

– Ну, самым не самым, – снова покосился Востя, – но статус его повысится.

– И это как это?

– А очень просто. Кинд-нэппингом. Собирайся в Киев.

– Сдурели? – возмутился Добрыня. – Туда ж три дня на оленях!

– Вот и запрягай оленей! – посоветовал я.

– И что мне в Киеве делать?

– Увидишь.

***

– Рабычичу в городе не шибко здорово, – рассуждал Востя. Мерно махая крыльями, мы летели к Киеву. Мне было страшно – помнил я русичей на Волге: и как Славу завалили, помнил, и как гнездо горело... Кавка мрачно смотрел вниз, далеко вниз – мы поднялись на два полета стрелы.

– А раз так, будет он по полям да лесам разъезжать, – продолжал Востя. – Добро бы без охраны, тогда хватаем и несем, и ждем, пока Добрыня приедет. Может, обучим чему, может, великим князем будет.

– Нэт хужэ гаспадина, чэм бывший раб, – хмуро возразил Кавка.

– Ну, это зависит от воспитания, – отмахнулся Востя. Похоже, идея воспитать княжича его увлекла. Интересно чем?

– Зачэм нам это?

– А может, он драконов под крыло возьмет, да прочих Древних бить на Руси перестанут.

– Харе мечтать! – прервал я головы. – Вон наш княжич.

Молодой русич мчался через поле, похоже, за зайцем. Охрана была, но безнадежно отстала, отпустив Владимира погулять на воле. Когда мы упали с неба, дружинники закричали, пришпорили коней... Как же, нашли дураков! Засадят стрелу в крыло, аэродинамику нарушат, да и вообще больно. А убивать Востя запретил, мол, у нас не карательная экспедиция, а скорее наоборот.

– Ты кто? – спросил Владимир, бережно зажатый в когтях. – А ну, отвечай, тварь!

– Что я гаварил? А? – промычал Кавка. – А давай его вниз бросим. Аккурат на дружину.

– Давай, – поддержал я.

– Не надо, – осторожно попросил княжич. – Прощения просим.

– Змей мы, – начал переговоры Востя. – В нору тебя несем, будешь в полоне сидеть.

– А зачем?

– Выкуп будем требовать у Святослава.

– Так он и раскошелится, – буркнул Владимир. – Рад будет, поди, что утянули.

– Увидим, – подбодрил я приунывшего парня.

– Заодно обучим чему-ничему, – продолжал Востя.

– Ну, а это вам нафиг?

– Не хочешь – не надо.

– А лететь еще далеко? И чему вы можете обучить? Как людей жрать почем зря?

– Ну, знаишь! – вскипел Кавка. – Ми к вам нэ летали, сами прышли, парубыли...

– И еще порубим. Батя, он же без башни, мстить будет.

– Пусть попробует, – сказал я. Владимир поко-

сился на меня и замолк. То ли интонация подействовала, то ли поднялись высоко, похолодало...

– Так пешка не ходит, – терпеливо повторял Востя.

– Почему? Если пешка – это как дружинник, то как князь скажет ходить, так и пойдет!

– Ну, а если ты прыкажэш дружиннику лэтать, он палэтыт? – резонно возражал Кавка.

– Не полетит, так ведь пешки же не летают, а ходят.

– Ну, а если ты скажэш за дэнь трыста верст прайти?..

– Каких триста верст! – возмутился Владимир. – Да тут в масштабе вся доска шагов сто от силы!

– По правилам нельзя, – снова заговорил Востя.

– По правилам, – вздохнул Владимир. – Дурацкие правила. Ладно. Хотя я не понимаю, почему дружинник не может сделать двадцать шагов...

– Времени мало, – решил влезть я. Битый час я обдумывал, как бы растолковать тезке попонятнее, и вроде бы придумал. Правда,

Востя посмотрел подозрительно, а Кавка – с вопросом. Как и княжич. – Вся игра – это вроде как бой между двумя дружинами, так?

– Ну.

– Чтобы было честнее, каждому разрешается делать только по одному ходу одной фигурой за раз...

– Ну, – обречено вздохнул Владимир.

– ...Поэтому получается, что между ходами, в принципе, проходит почти минимальный отрезок времени, то есть принимается за аксиому, что время не континуально, а дискретно, причем каждый отрезок очень небольшой; тогда, если записать партию и прокрутить ее с большой скоростью времени в риалтайм, она и будет похожа на бой, дружинники будут атаковать не по одному, а все вместе, и будет...

– Крутое мочилово! – понял Владимир. – Ну вот, так бы сразу!.. А что такое дискретность?

– Это...

– Выходи на смертный бой, Змий! – заорали у входа в пещеру. Никак Добрыня. Быстро! И недели не прошло.

– Это ж дядя, – охнул Владимир. – Ну вот, теперь тебе конец, Влад.

– А ты и рад, – возмутился Кавка.

– Да вот не знаю... – удивился княжич. – Может, я просто к нему выйду, а? И ни вас, ни дядю не попортят.

– Не боись, сынку, – подбодрил я. – Ну?

– Вперед! – закричал Востя.

– Назад! – завопил Владимир.

– Назад! – заорал Добрыня разбегающимся во

все стороны слугам. Конечно, вылет огнедышащего дракона с непривычки зрелище впечатляющее. Один из слуг даже обернулся – видеть, тот, что от реки удирал вместе с оружием богатырским.

– Ну, здорово, Влад! – широко улыбнулся Добрыня. – Племяш в порядке?

– Даже лучше, – ответил Востя, а мы с Кавкой дали две струи огня. Так, для остротки. – Обучен игре в шахматы, игре на свирели, верховой езде и врачеванию.

– Ого, – крикнул богатырь. – А меня шахматам научите? Говорят, шибко модная игра, а я, кроме лапты да догонялок...

– Идея, – сказал Востя. Повернулся к нам.

– Сначала обучим эту деревенщину, а там и княжича. Идет?

– Я тезку обучать буду, – поспешил согласиться я.

– Тибэ довьэрь.

– Потом разберемся, – кивнул Востя. – Обучим. Заходи в пещеру, заодно представление устроим.

– Какое? – спросил Добрыня.

– Ну, грохот, огонь, крики...

– Стой, дядя! – выскочил Владимир из пещеры, размахивая факелом. – Не трогай дядю Влада!

– Дядю Влада? – захохотал Добрыня. – Не боись, племяш.

– Так вы что, знакомы? – обиделся парень. – Я чуть не убился, пока бежал, а они тут разговоры разговаривают!

– Пошли обратно, шахматам учиться буду, – смеясь, предложил Добрыня.

Три дня и три ночи поочередно мы изрыгали огонь и рычали, а русичи молотили оружием по щиту и по стенам, выкрикивая боевые кличи.

На второй день Владимир охрип, кличи стали реже.

К вечеру Кавка сорвал голос, а с поврежденными связками огнем баловаться нельзя. Толпа у пещеры восторженно закричала, услышав, что одна из голов затихла.

– Вот сволочи, – просипел княжич, ожесточенно стуча мечом о щит, – вот скоты!

– Можэт, нэ стоыт такого злобного чэловэка дэ- лать князем? – прошептал мне в ухо Кавка. Я по- перхнулся, подавившись огнем. Толпа гудела все сильнее. Кавка вимательно посмотрел на меня. Вздыхнул. – Понал. Толко бы патом не пожалэть.

Толпа ахнула, когда я опять стал драть горло и огнедышать.

Надолго меня не хватило.

На утро третьего дня остался Востя, ну, так он же до этого с русичами занимался. Конечно.

Вечером Добрыня и Владимир, черные от копо- ти и дыма (Добрыня обожженный – сам, дурак, влез под струю для правдоподобности, с иззубрен- ным мечом, с изломанными копьем и булавой, с ошметками щита), вышли из пещеры. От трех бес- сонных ночей их шатало, воспалились глаза.

Люди устроили им горячий прием. Кричали здравицы. Один слишком умный гуслир спросил: мол, головы-то где?

– А ты сходи проверь, – равнодушно предло- жил Добрыня.

– Молодец, – прошептал Востя. – Я и не знал, что он так хорошо психологию знает.

– Да ни чорта он не знаэт! – закипел Кавка. – Так ляпнул.

Гуслир оказался настолько глупым, что пошел внутрь. Один.

Встретили мы его за первым же поворотом.

– А... как же...

– А я другой дракон, тыфу ты на фиг, змей горы- ныч, – соврал Востя.

– Н-н-не верю.

– И что собираешься делать? – поинтересовал- ся я. – Добрыньку оболгать? Что никого он не убил, не победил? А знаешь, что тогда с тобой будет?

– Ничего хорошего, – слотнул гуслир. – А... мо- жет, я пойду и как все петь буду, а?

– А головы пачэму не прынёс? – напомнил Кавка.

– Так они ж на вас...

– Дурак. Для толпы, – прошипел Востя.

– А... Э... Нууу...

– Короче, бесплатная идея, – великодушно по- делился Востя. – Кровь драконья жутко ядовитая. Можешь в Европу свои саги отсылать. На конкурс.

– Н-не саги, – возразил гуслир. – Б-былины.

– А мне пофиг! – рявкнул я. – Пошел!

Ушел он быстро-быстро.

Правда, то ли он проболтался, то ли у кого из гуслиров фантазия разыгралась, есть правдивые версии, без крови и боя, с переговорами... Ну, да не убивать же за это людей искусства.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

АКИМОВА София Константиновна (псевд. Рах- манинова С.), поэтесса.

Авт. кн. «Песни старости» (М., 1913) - кн. 1-2. «Стихотв. лирические, а также ко всем ист. юбиле- ям, на смерть Л.Толстого и балканским событиям». Масанов; Тарасенков.

АКИМОВА Татьяна Михайловна (1898 -), фоль- клорист и этнограф.

Авт. работ по ист. рус. нар.- поэтич. творчества, а также по фольклору Саратовской обл. В соавт. с П.Д.Степановым сост. сб. «Сказки Саратовской об- ласти» (1937); «Авт. кн. «Фольклор Саратовской области» (1946); «Сказы и песни о Чапаеве» (1957); «Семинарий по народному поэтич. творчеству» (1959). В соавт. с В.К.Архангельской и В.А.Бахтиной сост. пособие к семинар. занятиям «Русское народ- ное поэтич. творчество» (М., 1983). Авт. многих ра- бот в журн., сборн., «Ученых записках». КЛЭ.

АКИНФIEВА Е.

Авт. неск. книжек, изданных в Берлине: «Моя первая книга: Хрестоматия для детей» (1922) - два издания; «Отечественная старина: Очерки русской истории» (1923) - два изд.; «Хочу читать!»: Новый нагляд. рус. букварь» (1922) - два изд. . Кн. рус. зарубежья.

АКСАКОВА Анна Федоровна (урожд. Тютчева; 1829 - 1889), мемуаристка.

Дочь поэта Ф.И.Тютчева, жена поэта и публици- ста И.С.Аксакова. Будучи фрейлиной вел. княгини Марии Александровны, проводила при дворе славянофильские идеи. В своих дневниках и воспоми- наниях «При дворе двух императоров. 1853 - 1882» тт.1 -2. М., 1928 - 29. А. «точна и... насмешлива в описаниях лиц и событий». Ей посвящены несколь- ко стихов отца, а ее стихотв. опыт «Святые горы» был опубликован в переработке Ф.Тютчева. Свои после- дние годы А. посвятила изданию лит. и эпистоляр. наследия И.С.Аксакова и Ю.Ф.Самарина.

«Русские писатели» (портр.).

АКСАКОВА Вера Сергеевна (1819 - 1864), ме- муаристка.

Дочь писателя С.Т.Аксакова, сестра К.С. и И.С.Ак- саковых. Была лично знакома с Н.В.Гоголем и разде- ляла семейное перед ним преклонение. Написала воспоминания «Последние дни жизни Гоголя» («Ми- нувшие годы», 1908, № 7). «Дневник» А. за 1854 - 55 гг. (СПб., 1913) содержит сведения о славянофи- лах и их характеристики. Рецензии на «Дневник»; «Ист. вестн.», 1913. № 8; 1914. № 8. С. 548; «Заветы», 1913. № 8. С. 187. «Дневник» и «Последние дни жи- зни Гоголя» переиздан в Москве в 2004 г.

«Русские писатели» (портр.).

(Продолжение на стр. 45)

Леса Билимбаевской дачи: исторический аспект

Образцовое состояние лесного хозяйства в пермском майорате Строгановых было известно далеко за пределами вотчины. Особенно уникальна в этом плане дача Билимбаевского завода. Находящаяся вдали от основного строгановского имения, окруженная территориями посессионных заводов, а частью казенными землями, дача эта интересна тем, что в ней в весьма значительных объемах проводились лесокультурные работы.

Со второй четверти XIX в. Билимбаевский и Шайтанский заводы (в гораздо большей степени, чем другие уральские предприятия) начинают испытывать трудности с топливом для доменного производства. Д. Н. Мамин-Сибиряк писал: «...Лесной вопрос для Урала являлся самым большим, леса везде истреблены самым хищническим образом». На рубеже XIX-XX вв. для функционирования Билимбаевского завода ежегодно требовалось до 18500 куб. саж. древесины (включая постройку барок для сплава чугуна по реке Чусовой и нужды местного населения). Заводская же дача не могла дать больше 12500 куб. саж. Недостающее количество приходилось покупать: 4500 куб. саж. приобреталось в уткинской и 1500 куб. саж. в контугановской дачах.

Топливную проблему владельцы заводов решали по-разному. На Шайтанском заводе основной упор был сделан на экономию и замену (где это возможно) древесного угля на минеральное топливо. На Билимбаевском же, с подачи графини С.В. Строгановой, стала проводиться политика сохранения и культурного разведения лесов.

Софья Владимировна и ее наследники вкладывали значительные средства в подготовку специалистов. Благодаря графине Строгановой немало бывших крепостных получили прекрасное образование в Петербургской частной школе (с 1827 г. — «Школа земледелия и горнозаводских наук»). Среди них Александр Ефимович Теплоухов, ставший в 1847 году главным лесничим Пермского нераздельного имения Строгановых. «Теплоухов —, говорится в одном из архивных документов, — на практике успешно применял научные знания, приведя к началу 1860-х годов строгановские леса Пермского имения (более 1 млн. десятин) в образцовое состояние. Эта колоссальная работа, начатая Александром Ефимовичем еще в начале 1840-х и проводившаяся согласно продуманному плану при помощи подготовленных им лесничих, не имела прецедентов в России».

Пожарная стража Билимбаевской дачи. Конец XIX в.
Реставрация А.А.Галицких.

В Билимбаевской лесной даче первый опыт по искусственному культивированию лесов был проведен ученым-лесоводом Иваном Ивановичем Шульцем в 1842 году. Под руководством полковника Шульца в заводском поселке была заложена сосновая роща «Моггилица», сохранившаяся до наших дней как природный памятник.

Вплоть до 80-х годов XIX века искусственная посадка лесов в Билимбаевской даче проводилась исключительно дикорастущими саженцами, в малых размерах и с большими перерывами. Ситуация качественно изменилась после того, как в 1878 г. билимбаевским лесничим был назначен бывший воспитанник московской земледельческой школы Ф. В. Гилев. В 1881 г. начались ежегодные посадки и посевы леса. Первые годы они проводились в небольших размерах, расходы составляли от 200 до 300 рублей в год. С 1885 г. работы становятся регулярными и систематическими с ежегодными затратами в 1200 рублей. За тринадцать лет в специальной шишкосушилке, устроенной Гилевым, было обработано около 210 пудов семян

*Лесная стража Билимбаевской дачи. Конец XIX в.
Реставрация А.А.Галицких.*

составляли саженцы, выращенные в питомниках и лесных школах, и только одну треть составляли дикорастущие. Первые высаживались в возрасте 2, 3 и 4 лет в количестве 3600-5000 штук на десятину, а вторые 4-8 лет в количестве 2400-2800 штук на десятину. С 1881 по 1895 гг. в билимбаевских лесах было культивировано более 1300 десятин лесной площади, что обошлось Строгановым в 9745 рублей. Всего с 1842 по 1910 гг. в даче было искусственно восстановлено около 2000 десятин (2185 га) лесных культур. (К сегодняшнему дню сохранилось не более 600 га.)

Нужно сказать, что столь бурное развитие лесного хозяйства в билимбаевской даче стало возможным благодаря поддержке главного лесничего пермского имения Строгановых – Ф. А. Теплоухова (сына и преемника А. Е. Теплоухова).

Образцовое для своего времени лесное хозяйство билимбаевской дачи привлекало внимание ученых, путешественников и влиятельных государственных чиновников. Лестные отзывы дошли и до столицы. Из всего огромного имения Строгановых именно это хозяйство удостоилось самого пристального интереса

министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова, посетившего Билимбай в августе 1895 г.

Осмотр лесных угодий министр начал с посадок выращенных сеянцев, причем главный лесничий Федор Александрович Теплоухов давал объяснения о цели посадок и о видах вредных для лесов насеко-

*Приезд Ф.А. Теплоухова в Билимбаевский завод.
Конец XIX в. Реставрация А.А.Галицких.*

различных хвойных пород. Семена использовались как для собственных нужд, так и для продажи на сторону, включая за границу. (Кроме прочего, Гилеву принадлежала также инициатива создания лесной пожарной команды и смотровых противопожарных вышек.)

Две трети культурных насаждений лесной дачи

мых и способах борьбы с ними. «Правильные ряды стройных равномерной высоты молодняков, окруженных дикорастущими деревьями, – читаем в работе современника событий Л.Е. Воеводина, – представляли замечательно красивый вид и вызвали общую похвалу как господина министра, так и свиты его». На живописной лесной опушке вся группа, «с соизволения его превосходительства», была запечатлена фотографом-любителем И. В. Сюезевым. При осмотре билимбаевской дачи его превосходительство, кроме собственной свиты, сопровождали: главный начальник Уральских заводов И.П. Иванов, ревизор лесоустройства В.А. Вольский, окружной ин-

страшных опустошениях, производимых лесными пожарами на Урале, его превосходительство пожелал лично побеседовать с огнеборцами. Лесная стража явилась во всеоружии – «с оседланными лошадьми, топорами, лопатками, метелками и прочими их атрибутами, причем были даны объяснения о назначении каждой из этих принадлежностей».

Проехав по даче около 17 километров, министр остался доволен сделанным осмотром и высказался о лесохозяйстве графа Строганова «в весьма лестных выражениях». В Билимбае А.С. Ермолов остановился в доме управляющего П.Я. Бушуева, «где был сервирован чай».

Возвратившись в столицу, его превосходительство поделился своими впечатлениями с Д.И. Менделеевым, особо отметив лесное хозяйство билимбаевской дачи. Последнее обстоятельство сыграло определенную роль при выборе маршрута уральской экспедиции, организованной знаменитым ученым в 1899 году.

Утром 11 июля 1899 года из Екатеринбурга в Билимбай выехала группа в составе Д.И. Менделеева, С.П. Вуколова и К.Н. Егорова. Высокого гостя встретили управляющий заводом Н.А. Тунев и лесничий Ф.В. Гилев.

После обеда вся группа выехала в лес. Ознакомившись с приемами посадки саженцев сосны, гости высказали желание осмотреть насаждения различных возрастов и питомники в ближайших окрестностях завода. На одной из делянок, вопреки протестам Менделеева, лесничий спилил 125-летний кедр, объяснив: «... ради сравнения с сибирскими кедром нет повода жалеть одного дерева».

На следующий день ученые продолжили осмотр окрестных лесов, приняли участие в посадке саженцев сосны, побывали в земской мужской школе. Хозяйство Ф. В. Гилева произвело на Дмитрия Ивановича хорошее впечатление: и учёт, и охрана, и воспроизводство лесов – все заслуживало самой высокой оценки: «...Я видел в билимбаевских лесах прекрасные дороги и много бравых лесных сторожей и досмотрщиков, просеки, канавы, очистка лесов, чередование молодых зарослей с возрастными, и, главное, хороший досмотр». Спустя некоторое время великий ученый скажет: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом...».

Пожарная вышка. Конец XIX в.
Реставрация А.А.Галицких.

женер Западно-Екатеринбургского округа Н.И. Коженков и екатеринбургский исправник барон А.А. фон Таубе.

Узнав из объяснений лесничих, что древесные семена заготавливаются здесь же, Ермолов пожелал приобрести 10 пудов семян лиственницы. Далее, пересев на заводских лошадях, высокий гость продолжил осмотр, обратив внимание на встреченные по дороге прекрасные заказные участки соснового леса и заготовленные в них деревья для постройки барок-коломенок. По пути следования его превосходительство здоровался с лесной стражей дачи, молодецкато выстроившейся на конях.

При дальнейшем объезде лесных угодий министр заметил на одной возвышенности наблюдательную вышку лесной пожарной команды. Пожарные вышки в билимбаевской даче были двух типов – постоянные и временные. Для каждой из вышек был назначен свой район наблюдения в радиусе 10 верст. В пожароопасное время при каждой вышке находился отряд лесной пожарной команды, называемой «огневщиками». Узнав о

«АШЫНЖЕЛЬ»

Ветров оперся на изгородь. Пойманная вчера кобылица с храпом шархнула в сторону. Она еще не смирилась со своей участью, металась по загону и тоскливо ржала. Ничего, пару-тройку дней побегает, а там и в работу – оповаживание, заездка... Конечно, времени много упущено, ее бы жеребенком еще отловить, но ничего – кобылка молодая, проблем возникнуть не должно.

Он с замиранием сердца следил за каждым движением пленницы. Какое совершенство! С текинской породой Ветров работал очень давно, но ни разу ему не приходилось сталкиваться с настолько безупречным экстерьером, с такими исполненными горделивого величия статями, с таким ослепительным оттенком золотистого отлива по янтарной шерсти.

Почему, ну почему дикие текинцы, с самого рождения живущие в полупустынной, жаркой, безводной степи, ни разу ни ячменя, ни овса на зуб не бравшие, не знавшие скребка и щетки, купавшиеся только в прокаленном солнце песке, во всем превосходят его заводских красавцев?! Это же просто несправедливо, в конце концов! Холишь их, лелешь, пылинки сдуваешь, кормишь строго по режиму, калория к калории, с витаминами, с добавками этими новомодными; на скачки в парадную сбрую с чеканными серебряными бляхами, с сердоликами, бирюзой бадахшанской одеваешь... не конь – картинка!

А поставишь с этой картинкой рядом дикаря, ни разу в жизни не то чтобы щетки – жгута соломен-

ного не ведавшего, – и нет картинки. У дикаря изпод копыт пламя брызжет, из ноздрей жаркий пар пышет, а с ним рядом не огонь звонкий – серый пепел по ветру колышется...

Всякий раз, как объездчики приволакивали на укрюках хрипящего, бьющегося пленника с налитыми кровью и ненавистью глазами, у старого тренера ГЗК внутри шевелилось горькое недоумение: почему?! Почему его холеные питомцы, гордость и краса породы, с родословными подлиннее, чем у иного монарха, рядом с дикарями теряются, как теряется скромный сердолик рядом с благородным лалом?! И самое главное – почему их потомки в первом же поколении становятся такими же, как заводские красавцы: холеными, статными... и пустыми?

Так что же происходит с заводскими скакунами, что они утрачивают в чистоте, тепле и сытости конюшен, в безопасности привольных левад? Куда уходит огненный дух, три с лишним тысячи лет кипевший в солнечной крови бактрийских, нисийских, а потом и текинских коней?

Ветров многое бы отдал за ответы на эти вопросы...

Когда два дня спустя в дверь его кабинета постучал ветврач, Ветров напрягся. С любой болячкой Муса всегда шел к начкону. Чтобы он пошел к старшему тренеру, должно случиться что-то очень неординарное.

– Что у тебя, Муса?

– Оно вроде ничего, – ответил врач. – Вот толь-

ко новенькая эта, соловая... неладно с ней. Посмотрел бы ты, Борисыч, а?

Последние слова догнали Ветрова в дверях конюшни. Выскочив за ворота, он побежал на задний двор, где располагались левады и загон для «дикарей». Ветров бежал, заранее страшась того, что сейчас увидит, и очень хотел, чтобы Муса в кои-то веки ошибся в своем приговоре.

Будь это болезнь, Муса не пошел бы к тренеру. Будь это болезнь, Муса не ограничился бы невнятно-обтекаемым «неладно», а сказал бы четко и ясно – колики там, запал, гниль копытная... хотя это чушь, конечно, откуда взяться гнили в этом сухом, прожаренном солнцем до полной стерильности песке?

Неладно – это когда пойманная лошадь отказывается мириться с неволей. Она теряет интерес и волю к жизни, не ест, не пьет и очень быстро умирает. На его, Ветрова, памяти такое уже случилось однажды, и ни за какие блага ему не хотелось повторения.

Совсем молодой жеребчик дивных статей и резвости угас за считанные дни, и Ветров по сей день винил себя в его смерти. Надо было слушать старика Джамала, когда тот, едва глянув на понурого годовичка, бросил коротко: «Отпусти, не выживет», – и ушел.

Ветров не решился. Уже было поставлено тавро, заведено «личное дело» и на пять лет вперед расписана карьера будущего чемпиона; отпустишь – голову снимут. А головой своей Ветров тогда очень дорожил.

И жеребчик погиб.

Подбегая к загону, Ветров кобылицу не увидел. Сердце рухнуло вниз – неужто уже лежит?! Утром же еще бегала, на жерди бросалась! Нет, она стояла.

Сникшая, враз утратившая горделивость, она стояла у изгороди в дальнем углу, там, где видна была степь, уткнувшись в жердину лбом и не реагируя ни на что. Даже оглушительный «выстрел» бича над самым ухом не заставил ее этим ухом поведи.

...Она снова и снова вспоминала, как это было: степь, и неудержимый бег, и всадники, внезапно появившиеся из-за кургана. И – захлестнувшая горло, разом оборвавшая дыхание петля из конского волоса...

И остался ей только клочок огороженной степи, птицы в небе, да налетающий временами горячий ветер. Он чуть шевелил ей тяжелую гриву – редкая и короткая, как у всех ахалтекинцев, она теперь клонила к земле гордую шею кобылицы. Ветер дышал запахом цветов и трав, ласково касался белой звездочки на лбу, будил воспоминания...

Она родилась на берегу озера – и не ее вина, что родилась свободной! Не ее вина, что матерью ее была украденная с ГЗК, запаленная и брошенная на погибель, но выжившая кобыла чистой степи текинской крови, а отцом – дикий во многих поко-

лениях текинец благородной крови Сардара. Не ее вина, что с самого рождения она имела все признаки выдающейся скакуньи, что, рожденная с восходом солнца, оказалась солнечной масти, и горячей росла, как само солнце! И сны ей всегда снились удивительные – бескрайняя степь, залитая солнцем, и ветер, пролашший насквозь емшаном, и она, летящая во весь опор в солнечном вихре, не знающая преград, неудержимая...

Не ее вина – ее беда. Объездчики с ГЗК применили безупречных статей кобылу, и кончилась ее вольная жизнь...

Ей все еще снились сны свободы, но тем страшнее бывало пробуждение, когда она открывала глаза и видела ограду, за которой дрожала в знойном мареве маяющая, но уже недоступная степь. Первые дни она бунтовала, искала выход, рвалась на волю. Потом затихла, убедившись в тщетности своих усилий. Но не сдалась. Она не могла сдаться, пока видела степь, пока ветер дышал емшаном, перебирая враз потяжелевшую гриву...

Ее спутывали, осматривали, кололи иглами, встревоженно переговаривались, окидывали оценивающими взглядами, качали головами, спорили... Ей было все равно. Она и не замечала людей с их стараниями расшевелить ее – в глубоко запавших глазах кобылицы застыла смертельная тоска. Тоска по степи. Тоска по свободе. И чаще других приходивший Ветров отводил взгляд, случайно заглянув в эти глаза.

Он не успел выпустить ее. Слух о солнечной красавице как-то подозрительно быстро дошел до начальства, а то в кои-то веки вдруг проявило расторопность. Понаехали в иномарках, обругали весь персонал ГЗК от конюха до старшего тренера, что вместо обещанной красавицы клячу показывают, потом присмотрелись, обмерили, прикинули – и вызвали комиссию с конзавода. До приезда комиссии загон охраняли, а когда комиссия приехала, кобылу сфотографировали, завели карту, хотели уже таврить. Конюху спасибо, вмешался. Со своей простонародной ехидцей посоветовал заодно акт о падеже заготовить, потому как кобыла от процедуры таврения как раз копыта и откинет.

На конюха прикрикнули, чтоб не лез не в свое дело, но таврить все-таки не стали. И в племенную книгу заносить тоже. А то потом объяснять замучаешься, как это вышло, что не успели кобылу оприходовать, как она ноги протянула. С жеребчиком тем выкрутились, сославшись на вредителей, и даже кого-то посадили. А теперь времена не те...

Тут же начальство ГЗК перецапалось с комиссией. Первое желало кобылу оставить у себя, вторая настаивала, что такому редкостному экземпляру самое место на конзаводе. ГЗК не уступала, ссылаясь на то, что именно ее объездчики поймали упомянутый экземпляр, комиссия пожимала плечами – мало ли кто кого поймал?

А редкостный экземпляр тем временем чах на глазах и был признан нетранспортабельным. Выпи-

сали какого-то ужасно дипломированного врача, тот приехал, прошелся вокруг кобылы, брезгливо приподняв брючины и ступая на цыпочках, чтобы ненароком не запачкать свои лакированные ботинки от Армани, зачем-то заглянул в ухо лошади, выписал поддерживающие препараты, заверил, что его терапия непременно даст результаты, получил свой приятно круглый гонорар и отбыл.

Ветров замысловато выmaterился и сказал, что результат обязательно будет, только врач имел в виду шкуру, холодец и колбасу. Ему напомнили, что возраст у него уже лет десять как пенсионный, а посему лезть, куда не просят, не следует. Но охрану не сняли. А кобылица так и не сдвинулась с места, невзирая на дипломированную терапию. Прописанные препараты не давали ей умереть. Но заставить ее жить они не могли...

Однажды рано утром она ощутила, как между прикосновениями ветра что-то ласково погладило ее. Не ветер. Рука.

К ней прикасалось много рук – холодных и горячих, сухих и потных, мягких и мозолистых, намеренно жестоких и искренне заботливых. И только такой не было – ласковой, как степной ветер, как язык матери, влюбленной и властной, бесстрашной, единственно нужной. Детской ладошки...

Выброшенная из своего равнодушного забвения, она резко подалась назад, испуганная и смятенная, всхрипнула, перебирая тонкими ногами, готовая бежать на середину загона, но что-то удержало ее на месте.

Ребенок. Мальчик с т а к и м и руками...

Страх и жажда свободы гнали ее прочь, но неоценимая тяга к Хозяину, дремавшая в ней с рождения и разбуженная одним прикосновением, тянула к ребенку. Оставаясь на месте, разрываема надвое, она словно ждала чего-то – и это что-то свершилось.

– Алтынжель! Иди ко мне, Алтынжель! – позвал мальчик.

Кобылица тихо заржала.

– Алтынжель...

Она еще пыталась бороться, но ноги уже сами несли ее к изгороди, туда, где негромко, но властно звал Хозяин. Уже смелее он коснулся ее легкой благородной головы.

– Алтынжель! – сказал он радостно. – Какая ты красивая, Алтынжель!

Прядая острыми ушами, кобылица вслушивалась в его го-

лос. Мальчик гладил ее, и постепенно она успокоилась, прикрыла глаза. Когда-то давно ей было так же хорошо. Тогда она была жеребенком, глазастым и голенастым, с огромными ресницами и смешным кудреватым хвостиком. Тогда ее ласкала мать...

Вновь ощутив на губах привкус материнского молока, Алтынжель внезапно почувствовала, насколько она голодна. Голод был таким же сильным и пугающим, как удушье от петли укрюка. Она протисительно потыкалась в ладошки Хозяина.

– Дедушка говорил, что ты захочешь есть, если вернешься! – обрадовался мальчик. – Сейчас, Алтынжель!

Он полез в ранец и достал пакет. Пока Хозяин шуршал оберточной бумагой, Алтынжель с интересом пробовала ноздрями воздух. Пахло незнакомо, но вкусно. Очень вкусно.

В пакете оказался большой кусок чурека. смоченный в овечьем молоке и щедро обмазанный сырым яйцом. Там же лежало несколько кусочков курдючного сала. Мальчик оторвал кусок лепешки, завернул в него кусочек сала и протянул на ладони кобылице. Шумно обнюхав угощение, Алтынжель аккуратно сняла его губами с ладошки и нетерпеливо потыкалась носом в пустую руку – давай еще!

Скормив весь чурек и сало, мальчик снова погладил кобылицу.

– Умница, Алтынжель! Дедушка сказал, если ты съешь, то все будет в порядке. Только мне пора, а то в школу опоздаю. У нас учитель знаешь какой строгий! Я вечером еще приду, ты не скучай!

Подпрыгивая от радости, мальчик побежал к поселку. Охрана проводила его ленивыми взглядами и вернулась к прерванному было чаепитию. Пацан как пацан, еще один лошадиник растет – да и немудрено, с таким-то прадедом... В загон не лез, и ладно, а гладить кобылу никто не запрещал, и кормить тоже. Оно и хорошо, что покормил, а то вовсе ничего не жрет, зар-раза! Конюх уже только для вида овес в кормушку сыплет, не более горсти, а осталь-

ное гусям своим тащит. Прижучить бы его, да лень. Опять же гусятина у него знатная...

Вскинув гордую голову, подобравшись, кобылица следила за убегающим малышом. А когда он скрылся из глаз, впервые за все время плена навела к кормушке и до последнего зернышка выбрала из нее овес. Овса было на один зуб.

Опустошив кормушку, Алтын-

жель вернулась на свое обычное место – вдруг Хозяин опять придет? Но мальчика не было, а чурек и горсточка овса только раздражили и без того непомерный аппетит. Алтынжель заколебалась – идти снова к кормушке и выпрашивать корм, или еще подождать?

Тем временем пришел Ветров, обнаружил пустую кормушку и пришел в неопишемую ярость. Подвернувшемуся конюху влетело за весь овес оптом.

– Егорыч, ты уже со своими гусями обурел в корягу! Если кобыла не жрет, это еще не значит, что ее овес должны сожрать твои гребаные гуси! Почему кормушка пустая?! – бушевал тренер.

Конюх открыл было рот, но не успел сказать ни слова.

– И не вздумай оправдываться! Еще раз увижу – придушу весь твой птичник, и тебе руки повывергаю!!!

– Борисыч, а Борисыч, – окликнул его один из охранников, – ты бы не буянил зря, а оглянулся и поглядел, какие там гуси овес трескают. Вон, добавки хотят.

Ветров медленно обернулся, подозревая подвох. Пустую кормушку вдумчиво обнюхивала кобылица.

– Не может быть...

Забыв извиниться перед конюхом, Ветров сам помчался за овсом.

– С меня причитается, – сказал конюх. – Борисыч бы три шкуры спустил, не разобравшись.

– Само собой! – повеселела охрана. – И гусятники. Копченной.

– Идет, – согласился конюх.

Охрана повеселела еще больше. Самогон у конюха был хорош – тот настаивал жидкую валюту на каких-то травах, огненная жидкость пилаась легко, и хотя от крепости щипало в глазах, голова наутро не болела совершенно. А уж под копченную, истекающую золотистым жиром и пряными ароматами гусятину... такой рай, что и гурии не нужны. Кобыла за гурию сойдет – вон как у кормушки вытанцовывает от нетерпения! Борисыч ей сейчас двойную порцию отвалит – еще не так спляшет! Чем не жизнь?...

Каждое утро Алтынжель ждала маленького Хозяина. Если вдруг он почему-либо задерживался, она начинала беспокойно метаться по загону и тревожно, отрывисто ржать.

Едва завидев его, кобылица мчалась к изгороди, тянулась к нему мягкими губами, норовя ухватить за ухо или воротничок рубашки. Мальчик неизменно приносил чурек с яйцом и салом, несколько веточек свежей люцерны, но Алтынжель радовалась вовсе не угощению – ее теперь наперебой пичкали отборным ячменем и овсом, иногда давали даже просо, а съеденным яблокам и ломтям сахарного арбуза счет шел иной раз на десятки каждый день. Опасаясь, что кобыла доугощается до

коликов, охрана начала гонять кормильцев, но мальчика не трогала. Во-первых, знал меру – кусок лепешки, не более, во-вторых, всегда вежливо здоровался и прощался. В-третьих... в-третьих – и самых главных – был он правнуком того самого старшего Джамала, который об ахалтекинцах знает меньше разве что только Аллаха, а потому обижать мальчика – себе дороже, случись нужда – потом ведь не подступишься...

Их резоны Алтынжель мало заботили. Она нашла Хозяина. Друга. Каждая минута без него была вечностью. И когда кончалась разлука, во всем мире существовал только он.

Алтынжель уже знала, что днем его не бывает, и весь день носилась по загону, задрыв хвост и выгнув шею, разгонялась, останавливалась как вкопанная, на всем скаку меняла направление. Когда Хозяин решит, что им пора быть вместе, она должна быть готова понести его на себе.

Подсмотрев, как тренируются спортсмены из секции при ГЗК, она вскоре начала выполнять пассаж и пиаффе, а потом поразила Ветрова безукоризненно выполненным вольтом. Спустя неделю она продефилировала к кормушке испанским шагом, лукаво кося на остолбеневшего тренера огненно-темным глазом, и Ветров готов был поклясться, что глаз этот косил с изрядной долей самого настоящего ехидства.

Она удивительно быстро входила в форму. И это заметил не только Ветров.

Перед воротами загона остановилась коневозка. Кобылицу заарканили, затащили в темный, душный железный ящик, привязали и закрыли наглухо. Невыносимо долго ее трясло и качало, от духоты и тряски она чувствовала себя больной. Наконец эта пытка прекратилась, послышались шаги, голоса, скрипнула и открылась дверь. А скоро маленький Хозяин придет к загону...

Алтынжель рванулась раз, другой. Привязь держала крепко.

– Не дури! – прикрикнули на нее от двери, представляя сходни к полу фургона.

Хозяин придет и не найдет ее...

И время стало ленивым, как разомлевшая на солнцепеке ящерица. А глубоко внутри лопнула и развернулась тугая пружина. Алтынжель увидела, как медленно, словно нехотя, растягиваются и лопаются ремни привязи, как сами собой в плавном полувольте переступают в узком проходе ноги, как взлетают, парят над чьим-то незнакомым, перекошенным от ужаса лицом копыта, как падают в стороны, уворачиваясь, люди, и порхают, словно бабочки, разлетевшиеся доски сходен, как неторопливо приближается к вытянутым в прыжке ногам бурая, выжженная солнцем земля...

Удар копыт о землю вспугнул ленивую ящерицу. Время прислушалось и торопливо бросилось вперед. Но Алтынжель еще не израсходовала всего запаса той пружинной, звенящей, отрывающей от земли силы. Присев на задние ноги, она без раз-

бега бросила себя в прыжок через изгородь, перелетела ее, не задев, и рванулась напрямик через степь – туда, где ждал за горизонтом маленький Хозяин.

Ветров стоял, смотрел на створку ворот, скрипящую на ветру, и постукивал хлыстом по голенищу сапога. Только что у него состоялся чрезвычайно неприятный разговор со стариком Джамалом. Сухой и узловатый, как кизилевый корень, аксакал с трудом доковылял до кабинета тренера и, не здороваясь, отрывисто спросил:

– Отдал кобылу?

– Отдал, почтенный. Не я – кто я тут такой? Тренер, которому давно пора на пенсию. Начальник отдал. Ей там лучше будет, рекорды будут ставить, чемпионов приносить, – бодро начал Ветров и осекся, увидев мрачное лицо старика.

– Отдал, значит... Рекорды тебе нужны. Чемпионы тебе нужны. А ей это не нужно. Ей хозяин нужен. Друг нужен.

– Будет и хозяин, и друзья будут, – утешил его Ветров. – Вот как заставит на первой же скачке пыль глотать, так друзей появится – не продохнуть!

– Есть у нее хозяин, – отрезал старик. – Если б не было – пала бы кобыла давным-давно. Ты человек пришлый, ты не видишь – она старой крови, в заводе такая не приживется, не выживет. Ты мне тут про рекорды говоришь. Не будет рекордов! И чемпионов не будет. Не пустит она на себя никого – ни чужого человека, ни жеребца, если его не хозяин привел!

– погоди, почтенный, – Ветров смахнул со стула вальтрап и усадил старика. – Я человек пришлый, многого не вижу, а если и вижу, то не понимаю. Но я не дурак. Почему кобыла чужака не пустит, я понять могу. Но почему она жеребца не примет? Если в охоту вошла – разве не все равно ей, какой жеребец ее крыть будет?

– Девке подзаборной все равно, а текинской

кобыле – нет! – крикнул Джамал, потемнев от гнева. – Говорю тебе: старая кровь! Три тысячи лет туркмены своих коней в чистоте хранили, кровь берегли, держали подворно, кормили с рук! Лучших скакунов с ловчими птицами состязаться в быстроте заставляли! Не обогнал сокола в полете – не бывать ему племенным жеребцом! Хозяин для такого коня был – и мать, и отец, и сам Аллах! Знаешь, как раньше текинца называли? Конь одного хозяина! Так-то. В крови у них – одному господину служить, верным быть, как собака, вернее собаки. Другой породы коня можно было угнать, украсть, ахалтекинца могли только убить – не подпустит чужого! Копытами забьет, зубами разорвет! А вы со своими рекордами из текинцев гулящих девок сделали – под любого идут! Нельзя так. Старая кровь умрет – душа породы умрет. И кобылу эту там загубят, будут хлыстом покорности требовать. А она себе хозяйина нашла – другого не будет! Насмерть забьют...

– И кто ее хозяин?

– Не ты. Малец один, правнук мой, ее выходил, любовью и лаской к жизни вернул, имя дал – ему она жизнь свою и отдала. Или с ним будет – или умрет. Забери кобылу с завода!

– Не могу, почтенный, – развел руками Ветров. – Ну пойми ты, аксакал, не могу! Рад бы... да кто меня слушать станет?! Ты меня слушаешь, ты со мной говоришь, а для начальства я кто такой? Старый тренер, которому давно пора на пенсию. Наш начальник в нее зубами вцепился, оставить хотел – и того слушать не стали. Что я-то сделать могу? Хотел выпустить, как она сникла – не успел, сволочь какая-то начальству трёкнула про кобылу. Угнал бы – так сам говоришь, не пустит она чужого... да и годы не те у меня, чтоб коней по ночам красть...

Аксакал сплюнул на пол и ушел, не прощаясь. Обиделся. Ветров сидел на краешке стола, пока не стих стук палки старика. А потом пошел к загону.

Бесполезно было объяснять старику, что судьба кобылицы вовсе не в его тренерских руках. Для

Джамала важнее всего была сама лошадь. Ветров желал бы видеть ее в блеске славы, которой она более чем достойна. Но если уж приходится выбирать между волей и смертью – пусть она лучше с ветром по барханам соревнуется. И с ловчими соколами. Утрет клюв любому, или Ветров не тренер. А вот для тех, кто теперь над ней властен, значение имеет только одно – сколько медалей и жеребят они сумеют выжать из нее, прежде чем она пойдет на колбасу.

И какая судьба теперь ждет солнечную красавицу? Скорая слава, как считал начкон, или скорая смерть, как думал старый Джамал? Послушать старика – сплошная мистика. Старая кровь, душа породы. Плюнуть и растереть. Но почему тогда, почему дикие текинцы бьют как хотят своих заводских собратьев?! И почему те, кто смирился с неволей, не передают своего огненного духа потомкам?..

– Дяденька тренер, – кто-то подергал его за рукав, – а где Алтынжель? Я ей чурек принес...

Ветров посмотрел себе под руку и увидел ушастого темноглазого мальчонку с тяжелым ранцем за спиной. Ранец явно перешел по наследству от другого владельца, и перешел явно не в первый раз – столько на нем было латок и следов былых баталий.

«Неужели тот самый? Имя-то какое ей дал... Алтынжель – Золотой Ветер...»

– Увезли твою Алтынжель, – сказал он нехотя. – На конный завод.

– Как... на конный завод?! – прошептал мальчик и сорвался на крик: – Ей нельзя на конный завод! Она ведь умирала уже, когда я ее позвал! Дедушка сказал, что уже поздно, она ушла, я не смогу! А мне ее жалко было, она ведь такая красивая... И я позвал, а она откликнулась! Ей нельзя на завод! Она там умрет, совсем умрет! Дяденька тренер, заберите ее!

По его лицу катились слезы, но он, не замечая их, с отчаянной надеждой смотрел на Ветрова.

«И все-то на меня сегодня кричат...» – грустно подумал старый тренер.

– Прости, малыш, – тихо ответил он. – Я бы забрал ее, если бы мог. Вся беда в том, что я просто не могу этого сделать...

Мальчик растерянно попятился, заморгал, задышал часто-часто, сдерживая рвущиеся рыдания. Осознав услышанное, он повернулся и медленно побрел прочь. Дойдя до изгороди, где его всегда встречала Алтынжель, он не выдержал, уткнулся в жерди лицом и расплакался. Он впервые испытал горечь безвозвратной потери. Потери друга, которому спас жизнь, а он все равно погиб, едва ты успел поверить в его спасение...

– Борисыч, к телефону, да поживее! – окликнул тренера конюх. – Начкон звонит, дерганный весь, ровно на верблюжью колючку сел!

Ветров побежал в кабинет, схватил трубку.

– Ветров, слушаю.

– Борисыч, твою мать через забор, ты кого мне приспал?! – рывкнули на том конце провода.

– Кого брали, того и прислали, и при чем тут моя покойная матушка?

– Она что у вас, бешеная?!

– Кто, моя матушка?

– Кобыла!!!

– Алтынжель, что ли?

– Какая еще Алтынжель?!

– Кобыла которая. Ее тут так называли.

– Какая нахрен Алтынжель?! Это не Алтынжель, это гребанный торнадо!!! Одною чуть насмерть не стоптала, двоих расшвыряла, погнула стойку привязи, сломала сходни... вы что там с ней делали?!

– Ничего сверх прописанного врачом, – не без ехидства ответил Ветров. – Откуда я знаю, может, она от его хваленой терапии взбесилась? Нет, Пал Сергеич, ну чего ты хочешь от дикой кобылы?! Дикая она, ты понимаешь?! Ди-ка-я!!! Это даже не неук, он все-таки среди домашней скотины растет. Это самая что ни на есть ди-ка-я лошадь, которая за всю свою жизнь человека в глаза ни разу не видела! Даже не оповоженная! И ты хочешь, чтобы она вела себя как смиренная овечка? Тебя же предупреждали, что с ней будут проблемы.

– Проблемы?! – заорал начкон. – Это у вас будут проблемы, потому что она сбежала! И мы ее не догнали! Найти! Поймать! Объездить!!! И доставить сюда шелковой!!! Все!!!

В трубке грохнуло.

Ветров аккуратно опустил трубку на рычаг, посетовал еще раз, что все сегодня орут на бедного старого тренера, задумчиво почесал в затылке, порылся за шкафом, нашел списанную попону, которую еще не успели порвать на тряпки для протирки лошадей. Вытащил из-под брошенного на пол вальтрапа сделанный вчера сыромятный недоуздок. Недоуздок предназначался для рабочей лошади Ветрова – ничего, перебьется недельку в старом. Поискал под шкафом, нашел красный шелковый шнур, приспособленный под чембур, прикрепил к недоуздуку.

– Егорыч, – окликнул он конюха, копавшегося в ближнем деннике – подслушивал, не иначе. – Возьми-ка ты Орлика да сгоняй за стариком Джамалом, он, наверно, еще недалеко ушел. Возьми для него коня получше – ну, Легенду, что ли, или Фаворита... Нет, заседлай для него Сарыча. И парадную сбрую возьми, с сердоликами. Скажи, пусть к загону едет. Дело есть.

Конюх, разрывавшийся от любопытства, буркнул что-то – еще не простил выволочки за овес, – но пошел седлать коней. А Ветров, то и дело наступая то на край попоны, то на конец чембура, направился к загону. Если он хоть что-нибудь смыслит в лошадях, кобыла вернется именно туда. К хозяину. К этому лопухому мальцу.

Мальчик все еще плакал.

Он слышал далекий, стремительно нарастающий стук копыт, слышал восхищенный возглас тренера: «Как идет, зар-раза!!!» – но не обернулся, хотя

раньше любил смотреть на всадников, мечтая о том дне, когда точно так же поскачет на своей кобылице. Но что могло иметь значение теперь, когда Алтынжель потеряна для него навсегда?

Топот оборвался за самой спиной. Шумное, неровное дыхание обожгло шею, мягкие губы знакомо защекотали ухо. Медленно, боясь поверить в такое чудо, мальчик обернулся. Алтынжель, дрожащая от усталости, потемневшая от пота, стояла перед ним и, казалось, улыбалась, глядя на маленького друга.

С громким восторженным криком малыш повис на потной шее кобылицы, прижался щекой к ее взмокшей голове и снова захлебнулся слезами – на этот раз слезами радости.

У Ветрова подозрительно защипало в носу. Полюбовавшись на них, он решительно двинулся к беглянке и ее хозяину.

– Малец, ты ничего не забыл? – спросил он, хлопав мальчику по плечу свободной рукой. Тот обернулся, уставился на тренера шальными от счастья, ничего не понимающими глазами.

– Ты не на меня, ты на кобылу смотри! Тоже мне правнук Джамала! Чему он только тебя учил?! Запалилась кобыла, передержишь – простынет, болеть будет! Надо попоной накрыть и поводить с полчаса, чтобы остыла.

– Но... у меня нет попоны...

– Уже есть, – сказал Ветров, сбрасывая на изгородь свою ношу. – Чего глядишь?! Помогай давай, это моя лошадь или твоя, в конце концов?!

Путаясь в ремешках, дрожащими руками мальчик натягивал попоны на разгоряченную кобылицу. Ветров помогал ему. Попона была велика, но это не беда, главное, не даст распаленной лошади застудиться на ветру. Даже горячий степной сухой для потного, проскакавшего много километров коня смертельно опасен. А о красоте и точном прилегании попоны пусть потом у Джамала голова болит.

Застегнув последний ремешок, Ветров протянул мальчику недоуздок.

– Держи.

– А это зачем?

– А как ты ее водить собираешься – за хвост, что ли?

– А что, сама она не пойдет? – удивился мальчик.

– Сама-то она, может, и пойдет. Но много ли ты здесь видел лошадей, которые бегают за хозяевами без привязи, как собачонки? Давай-давай, надавай скорее.

Кивнув, мальчик взял недоуздок и поманил кобылицу:

– Иди сюда, умница моя. Наверное, тебе не понравится...

– Еще как не понравится! – перебил, слезая с коня, Джамал. – Сколько раз тебе повторял – надо сразу надевать узду, которую три дня вымачивали в соляном растворе! Держи вот... заказчику нес, да

ладно. Я ему другую отнесу, есть у меня еще одна про запас...

Джамал проворно распутывал узловатыми пальцами добытый из-за пазухи платок. В платке оказалась легкая нарядная уздечка, украшенная чеканными бляхами из черного серебра, сердоликов и бирюзы.

Пока мальчик взнуздывал кобылицу, старик вытащил из-под халата три нашейных ремня тонкой работы и украсил ими Алтынжель. Той вовсе не по вкусу пришлось такое внимание, но по вкусу пришлась соль на удилах, и она стерпела.

– Вот и ладненько, – похвалил Ветров, отступая на несколько шагов и окидывая взглядом кобылицу. – А теперь, малец, бери свое сокровище и проваливай отсюда. Пока до поселка доведешь, как раз остынет. Но воды пока не давай... впрочем, это тебе дед лучше объяснит.

– Уводить? Зачем? – мальчик все еще ничего не мог понять, слишком велики были потрясение от потери и радость обретения.

– А затем, что мне только вот позвонил начкон и велел доставить кобылу на завод, как только мы ее поймем и объездим! И если ты будешь хлопать своими замечательными ушами, половина работников увидит, что мы ее поймали! И не видать тебе тогда твоей Алтынжель, как своих ушей, которыми ты сейчас хлопаешь! Понял?

– П-понял... А... а ее у меня точно не отберут?

– Кого?

– Алтынжель.

– Какую Алтынжель? Егорыч, ты видишь тут какую-нибудь Алтынжель?

– Не вижу. В упор. Пойдем, Борисыч, выпьем

под гусятинку, а то тебе уже всякие Алтынжели мерещатся.

Взвизгнув, малыш припустил от загона так, что только пятки засверкали. Алтынженья пошла в поводу плавной рысью.

– А ты, почтенный, с нами пойдешь? – пригласил Ветров Джамала.

– Аллах не разрешает, – отказался старик. – Вот только почему ты лошадь правнуку моему отдал?

– А кому я ее еще отдать должен? – удивился Ветров. – Мне ее рекорды как-то побоку, а губить жалко. Если она и впрямь другого хозяина не признает, пусть лучше мальчика твоего катает, чем на колбасу пускать такое чудо.

– Хороша кобыла, – подтвердил конюх. – А в заводе загубят, верно аксакал тебе говорит. В добрых руках она еще расцветет, себя покажет. Ты только, почтенный, мальчика предупреди, чтоб особо не хвастал приобретением. Хвост и гриву хной, что ли, подкрась, чтоб масть не сходилась. И года два на скачки не пускай. А там и думать про нее забудут.

– Ты, почтенный, на Сарыче домой поезжай, – сказал Ветров, заметив, что старик наладился топтать до поселка пешком. – Мальца пошлешь, чтоб обратно коня пригнал. Кобыла потная, боюсь, пока дойдешь, застудит он ее.

Уважительно попрощавшись, старый Джамал уехал. Ветров проводил его взглядом, кивнул конюху, и они пошли в конюшню. Орлик, недовольный короткой разминкой, был выпущен в леваду – красоваться перед кобылицами из соседней левады; стол, заваленный кипой бумаг и ворохом всяческих лошадиных принадлежностей, несколько расчищен, а из укромного уголка извлечена пузатая, приятно увесистая бутылка и не менее приятно пахнущий сверток в промасленной бумаге.

– Спасибо, Егорыч, выручил, – сказал Ветров, расстелив газету и расставляя стаканы. – И прости, что накричал тогда. Уж очень переживал за кобылу.

– Да ладно, бывает, – вздохнул конюх, размывая полтушки копченого гуся и разливая по стаканам самогон. – Все понимаю... А за овец не извиняйся – виноват. Правда, в тот раз не брал. А вот до того раза... Ну, за здоровье!

Они молча чокнулись, выпили, закусили.

Завопил телефон. Ветров снял трубку.

– Слушаю.

– Ну, что там у вас?! – с ходу заорал начкон. – Ищите?!

– Нет. Поминаем кобылу, – ответил Ветров, вдохновленный самогоном.

– То есть? – после паузы донеслось из трубки.

– То есть сдохла, не добежав до конюшни сотню метров, – объяснил Ветров. – Запалилась. Лично с конюхом оттащил в барханы и прикопал, чтоб не смердело.

– Врешь!!!

– Приезжай и проверь, для тебя расстараясь и откопаю обратно. Но за аромат не отвечаю – жара, сам понимаешь...

Начкон бросил трубку.

– А если приедет? – спросил конюх, наливая по второй.

– Не приедет, а приедет – отведу туда, где мы ту прибудную клячу прикопали. По такой жаре что день, что неделя – от одного амбре бежать будет до самого конзавода. А масть у них схожая. Ну, за кобылу!

– За кобылу! – согласился конюх, поднимая стакан.

– А вот скажи, Егорыч, – спросил тренер после третьей, – ты, часом, не знаешь, как этого пацана зовут? Лучшую лошадь в моей жизни своими руками даром отдал, а имя у него так и не спросил...

Конюх ухмыльнулся в рыжеватые усы.

– Часом знаю. В честь прадеда назвали. Джамалом.

Укрюк – шест с петлей на конце для ловли лошадей.

Вольт, полувольт, испанский шаг, пассаж, пиаффе – фигуры высшей школы верховой езды.

Левада – просторный загон для выгула лошадей.

Вальтрап – х\б ткань, подкладывается под потник(войлок под седлом), чтобы защитить кожу от натирания.

Неук – необъезженная лошадь.

Оповаживание – приучение к седлу и повиновению всаднику.

Денник – стойло для лошади.

Чембур – поводок для недоуздка.

Виктор БАЙДУКОВ,
фото автора

ОКНО В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Река Чусовая - единственная река на Урале, которая, начинаясь на восточном склоне Уральских гор, пересекает их и впадает в реку Каму. Это настоящий природный мост из Европы в Азию. Поэтому неслучайно промышленники Демидовы использовали эту водную артерию для вывоза металла и готовых металлических изделий в европейскую часть России.

Труженица Чусовая внесла неоценимый вклад в укрепление нашего государства во времена Петра I. При отсутствии других надежных коммуникаций именно по ней везли изготовленные на уральских заводах пушки, наводившие ужас на врагов на полях сражений русско-шведской войны. Красавица Чусовая издавна притягивает к себе любителей природы, туристов и археологов.

Среди множества украшающих берега Чусовой каменных останцев; создающих неповторимый природный колорит, есть один, который выделяет уральский регион, делая его еще более известным и знаменитым. Это природный и археологический памятник эпохи мезолита - прибрежная скала, получившая название Камень Дыроватый.

Первые люди на Урале появились около 200 тыс. лет назад. Один путь заселения проходил вдоль восточного побережья Каспийского моря, затем по реке Урал на Южный Урал и по западному склону Уральского хребта в Верхнее Прикамье. Второй - вдоль Волги по территории Среднего и Верхнего Прикамья.

К началу великого оледенения древний человек покинул Урал, непригодный к жизни. По версии известного уральского ученого - историка и археолога профессора Ю.Б.Серикова (с которым мы совершили поход на Камень Дыроватый), в Свердловской области ледник дошел до окрестностей нынешнего города Серова, его «язык» имел высоту до 2-х километров! Можно себе представить это величественное зрелище.

После отступления ледника на Урале вновь появились леса. У границ ледника располагалась зона тундростепи, где обитали мамонты, шерстистые носороги, бизоны, крупные стада северного оленя и дикой лошади, привлекавшие к себе внимание древних охотников.

На территории Среднего Урала за последнее время сделаны археологические открытия, которые позволяют говорить об освоении

Наконечник стрелы, найденный в святилище.

нашего края древним человеком еще в доледниковое время.

Изменение природных условий (отступление ледника, потепление климата и т. д.), изобретение лука и керамики охватывают эпоху мезолита (X-VII тысячелетие до н.э.) и неолита (VI-IV тысячелетие до н.э.).

Изучение материальной культуры древних периодов сопряжено с большими трудностями, поскольку чрезвычайно редко встречаются сохранившиеся до нашего времени бытовая утварь, одежда, жилье и производственные объекты. Еще сложнее исследовать духовную культуру ввиду проблематичности проведения грани между памятниками материальной и духовной культуры.

Ученые отмечают, что культовая практика ранних эпох, в т. ч. мезолита, в уральском регионе отличается большей многогранностью и разнообразием.

И это в полной мере относится к знаменитому камню Дыроватому. Археологи при исследовании уникального святилища на Чусовой (пещера на берегу реки в виде человеческой личины, которая барельефом проступает на скале) обнаружили тысячи наконечников стрел из кости (в том числе из кости шерстистого носорога), десятки наконечников из камня, тысячи пластинок-вкладышей и др. (всего около 25 тыс. различных артефактов).

На одном из обнаруженных в святилище костяных наконечников стрелы выполнено изображение горы с пещерой, куда с реки была направлена эта стрела.

Расположение святилища на реке Чусовой, связывающей восточный и западный склоны

Среднего Урала, наличие в пещере наконечников разных типов, бытовавших как на западных, так и на восточных склонах Уральских гор, позволяет рассматривать пещеру как межплеменное святилище. По продолжительности функционирования, по обилию и содержанию находок (от каменных наконечников стрел до свинцовой картечи) святилище на Камне Дыроватом не имеет аналогов на территории России.

Святилище Камень Дыроватый ученые относят к святилищам с культом промысловой магии. В этом месте с эпохи мезолита до позднего средневековья совершался обряд стрельбы из лука в пещеру. Большинство найденных наконечников стрел лежали в наиболее дальней ее части оперением к устью.

В других святилищах, обнаруженных на территории Урала, в их центральной части находились демонстрационные комплексы с черепами дикой лошади, пещерного льва, пещерного медведя - животных, обитавших в те времена на Урале. Ну и совсем уже в духе уральских гор и их сокровищ на Южном Урале было обнаружено святилище с необычным хрустальным комплексом, в котором около 80 % всех изделий было изготовлено из горного хрусталя.

По данным Ю.Б. Серикова, из обнаруженных в святилище Камень Дыроватый 3700 костяных наконечников стрел почти половина - наконечники вкладышевые. Проведенные анализы клеящего вещества показали, что для крепления вкладышей в пазу служил озерный ил, который при высыхании превращается в плотно сцементированную массу. Эти свойства озерного ила хорошо знали мезолитиче-

Река Чусовая по дороге к камню Дыроватому

Шигирское озеро.

ские охотники и использовали его для закрепления пластинок-вкладышей в пазах вкладышевых наконечников стрел.

Необходимо упомянуть еще об одном археологическом открытии - Шигирском идоле.

Он был найден на территории Шигирского торфяника, расположенного в окрестностях пос. Нейво-Рудянка, нынешнего муниципального образования город Кировград Свердловской области. Торфяник прорезывается рекой Нейвой и ее притоками. В центре торфяника находится Шигирское озеро.

Шигирский торфяник известен находками из дерева, кости, рога. Здесь были найдены деревянные весла, жертвенный деревянный сосуд в виде лося, тысячи костяных (вкладышевых) наконечников стрел.

Жемчужиной шигирской коллекции, безусловно, являются деревянные антропоморфные скульптуры, обнаруженные на торфянике еще в конце XIX века. Одна из них - знаменитый Шигирский идол - несколько лет назад подверглась радиоуглеродному анализу, который подтвердил, что это - самая древняя (9,5 тысячи лет) и самая большая деревянная скульптура того времени в мире.

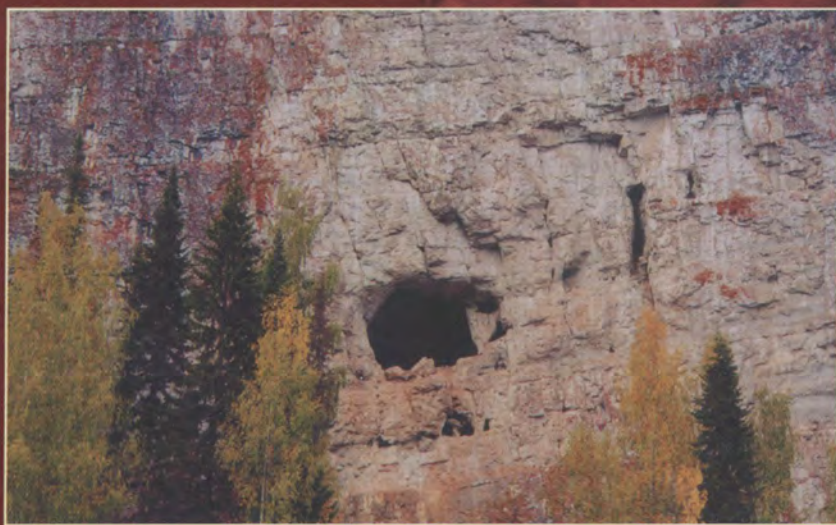
Идол сделан из цельного бревна лиственницы, имел высоту 5,3 метра. Его голова изготовлена в виде объемной скульптуры, а туловище

- из плоской доски. Лицо скульптуры очень похоже на демонический образ, который проступает на скале, где расположено святилище Камень Дыроватый.

Некоторые ученые считают, что именно человеческая личина Камня Дыроватого могла послужить прообразом Шигирского идола, которому поклонялись наши уральские предки-язычники (такой же сильно выступающий нос, углубленные глаза и раскрытый рот). Это и вполне допустимо, поскольку расстояние между Шигирским торфяником и Камнем Дыроватым по прямой всего девяносто километров.

Хранится деревянная реликвия в городе Екатеринбурге, в Свердловском областном краеведческом музее.

Я же узнал о Камне Дыроватом и Шигирском идоле в поисках ответа на вопрос: кто в древнейшие времена мог выполнять судебные функции на территории Урала. На мой взгляд, на Урале в эти времена, скорее всего, «суд» могли творить служители культа, потому что на Урале, в том числе на Шигирском торфянике и прилегающих к нему территориях, были обнаружены различные булавы («жезлы начальников»). Булавы могли принадлежать вождям, еще не освобожденным исторически от культовых функций, или шаманам.

Улыбка с приветом из мезолита.

Шигирский идол.

ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)
- * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе:

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка:

- не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив) или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Бывший Билимбаевский завод Строгановых

1. Здание доменного цеха у плотинного спуска.
2. Остатки плотины у "вешняного" спуска.
3. Фрагмент колонны Свято-Троицкой церкви Билимбаевского завода.

Победитель фотоконкурса Анастасия Акифьева

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

НАСЛЕДСТВО СТАРОГО СВЕРДЛОВЧАНИНА

70-летний юбилей популярнейшего в России журнала, почти 50 лет его активной литературно-общественной жизни (после начала издания в 1935 году у него был 23-летний перерыв) побуждают нас вспомнить многие славные литературные имена. Перед многими обнажить головы и многим поклониться до земли. Если вспомнить все и всех, получится большая одновременно веселая и серьезная книга судеб. Наверное, она – дело будущего. Пока – только разрозненные ее страницы...

Из беседы начала 90-х годов.

– Как батя поживает? Видел я его недавно, заходил! – доброжелательно говорит мне коллега по Свердловской государственной телерадиокомпании. Я цепенею. Моего отца не стало в 1957 году. Но постепенно прихожу в себя.

– Это мой дядя, – стараюсь внести ясность.

Да, мне повезло! У меня было как бы два отца – два брата Захаровых. Я горжусь тем, что я Викторвна: папа был не только талантливым врачом (начинал вместе с В.В.Розенблатом), но и прекрасно рисовал, хотя, к сожалению, не получил профессионального образования художника. Когда его не стало, его старший брат – Стефан Антонович Захаров, в то время заместитель главного редактора журнала «Уральский следопыт»,

сам женатый по страстной студенческой влюбленности и имевший уже дочь Ольгу старше меня на три года, – просто сказал: «Теперь я тебе буду вместо отца». Так в общем-то и получилось. Все праздники у нас с мамой и у его семьи, как прежде, так и впредь были общими, все творческие достижения и неизбежные семейные горести – тоже.

Ну, а о профессиональной близости, об общем интересе к кино, театру, литературе, наверное, правильно с пушкинских пор пишут литературоведы-биографы: «По стопам выдающихся людей идут не дети, а племянники». Кстати, впоследствии оказалось, что за дочь Стефана Захарова меня принимали не только случайные собеседники, но и писатель Герман Дробиз, например.

Обаяние дядиной личности было для меня, ребенка, связано не только с его высоким ростом – метр девяносто три, почти как у Петра Первого, что давало возможность подбросить меня, еще дошкольницу, до потолка; не только с тем, как замечательно он пел – у него был роскошный бас (меня он любил поддразнивать песенками, где упоминалось мое имя: «Весною незабвенною я там встречался с Леною!» – песенка про Поцелуев мост Леонида Утесова, или «Что ты делаешь со мной, ах, Лена, Лена» из фильма «Укротительница тигров»). Нет, было еще что-то такое, что не

могло не притягивать, не магнетизировать – какая-то ощущаемая мной, любимым ребенком, недоговоренность, недосказанность, тайна какая-то. Его ровесники, однокурсники, среди которых была моя мама, воспринимали его как человека, с которым легко, как не слишком серьезного. Этому восприятию очень соответствовало его школьное прозвище – «Портос», любовь к герою Дюма, верность дружеским компаниям, готовность в любой момент собрать вокруг себя друзей. Были среди них психолог Валентин Матвеев, заслуженный артист Григорий Гецов, писатели Вадим Очеретин и Феликс Вибе. Дядя был великим шутником. От имени Гецова, например, послал на союзное радио письмо с просьбой рассказать о творчестве кинорежиссера Амо Бек-Назарова, и ему была посвящена там отдельная передача. После прямого телеэфира, когда Валентин Степанович Матвеев полемизировал с Мессингом и упрекал его в шарлатанстве, дядя позвонил на студию и измененным голосом представился: «Я – Вольф Мессинг. Застрял тут у вас в аэропорту в связи с нелетной погодой. Сколько можно издеваться над стариком!» Валентину Степановичу пришлось тогда поволноваться... А уж песни, переделанные дядей Степой из широко популярных в некие дразнилки по адресу хорошо известных в то время людей, пел весь Свердловск:

«Кто не знает Дайлиса –
Дайлиса и Тубина?
Тубин утром водку пьет
Наподобье Бунина,
Ну, а Дайлис по утрам
Делает гимнастику –
Без рубахи, без штанов
Развивает пластику».

(Яков Тубин – известный театральный критик, Дайлис – педагог, а некоторое время директор библиотеки Уральского университета.)

«Воет ветер у ворот,
Вьюга злее на ночь,
Ты опасный сделал ход,
Валентин Степаныч» (по поводу женитьбы Матвеева).

Странным казалось, что наряду со знакомыми дружескими фамилиями нередко звучало еще одно имя, носитель которого подавался особенно комично, – некий Лев Хвостенко.

«Я несчастный Лев Хвостенко,
Я ломаю в горе руки...».

Или:

«Лев – мой любовник,
Он – уголовник,
Первый в Свердловске бандит».

И только когда в год своего семидесятилетия Стефан Захаров опубликовал автобиографическую документальную повесть «Подданные короля ресторанов, или Дети особого совещания» (о том, как он был репрессирован и год просидел

в тюрьме), выяснилось, что Хвостенко организовал при пединституте, где преподавал, литературный кружок и сам зачастую провоцировал ребят на те разговоры, которые потом соответствующие органы использовали с помощью этого организатора не в их пользу.

Дядя Степа сидел тогда в одиночке и упоенно читал Александра Дюма, но в это же время, как ясно из тех мемуаров, у него формировался особый метод игры, который потом сопутствовал ему всю жизнь: представиться простаком, сыграть под дурачка, чтобы сотрудники серьезных инстанций забыли тему разговора. Когда в 1947 году началось следствие вокруг литературного объединения при университете, в результате чего был репрессирован талантливый литературовед Рутминский, Захаров опекал двух добровольных секретарей студенческой творческой студии: Риту Степанову, мою будущую маму, и Иду Гвоздеву (в будущем Очеретину). Маму он подбадривал, объяснял ей, как можно отвертеться от вопросов (все основное творчество кружковцев было обнаружено у нее на квартире). Ираиде же Власьевне он с серьезным видом отдал на хранение свои комические песни, считая, что это весьма опасно и аполитично. Ираида Власьевна доблестно отставила право автора писать в такой форме. Ее вроде бы серьезно выслушивали, а за спиной, наверное, пожимали плечами: глупость, да и только, никакой враждебной идеологии не нароешь. Это несколько смягчало общую картину, возможно, и позволило ограничиться расправой только с одним из студентов.

Когда в четвертом классе я писала сочинение «Человек, которого я люблю», то упоминала, что в военные годы мой любимый дядя находился в концлагере Маутхаузен. Я тогда не видела никакого парадокса в том, что после концлагеря Стефан Антонович не проходил фильтрации, более того, в День Победы у него на груди красовались боевые награды. Про одну – довольно редкую – я, уже будучи взрослой, спросила:

– А это за что?

– Да так, драчка была, – как всегда односложно отвечал мой обычно говорливый дядя Степа. Потом уже мне объяснили – это медаль за участие в рукопашном бою.

О концлагере он моей маме говорил, что самое страшное было по утрам: просыпаешься и не знаешь, жив ли сосед, который вечером засыпал рядом с тобой. Потом во ВГИКе, когда нам показывали фильм Алена Рене «Пепел и алмаз», я сопрягала увиденное с этим рассказом. Все так и было.

Не дожив два месяца до семидесятипятилетия, дядя умер деятельным, творчески работающим. Опять, как и во время похорон моего настоящего отца, которому было 32 года, все говорили: «Какой молодой!» Он так хотел вслед за многими из нашей родни войти в число долгожителей. Но, как

говорят врачи, для бывшего узника концлагеря семьдесят пять – уже долголетие.

Во время поминак поэт-фронтовик Венедикт Станцев рассказывал: «Он никого не выдал в плену. Об этом сохранились документы. Мог бы пойти в гору, но и после плена его вызвали в КГБ и спросили: кто из наших как там себя вел? А он отказался отвечать. Поэтому фильтрацию он не проходил, но и в партию его тоже не приняли».

Только в Москве, когда я встретилась с Владимиром Соловьевым, учеником и пропагандистом творчества своего учителя Булата Шалвовича Окуджавы, нашим дальним родственником, точки над «i» были окончательно расставлены. Вот что он рассказал.

Во время Курской битвы Стефан Антонович в состоянии глубокой контузии, без сознания, попал в плен. Когда его начинали расспрашивать, кто из пленных коммунист, кто офицер, дядя Степа, в уже установившейся манере валяя дурака и ссылаясь на контузию, отвечал, что ничего не помнит. Вскоре он стал участником лагерного сопротивления. Когда войска союзников стремительно освободили Маутхаузен, вся документация – и протоколы допросов, и списки подполья – сохранилась. Поэтому у органов была уверенность в его незапятнанности. Когда освобождение лагеря было уже неизбежным, немцы собрали заключенных и повели куда-то в ближайший лес на рас-

стрел. И вдруг налет советской авиации. Охрана разбежалась, а у тех узников, которые уцелели, оказался выбор, куда идти: к союзникам, они близко, или к своим, на Родину, через всю Европу. Мой дядя выбрал второй вариант. По пути он попал на территорию северной Италии, где в отряде итальянских партизан под кличкой «Высокий» воевал с остатками недобитых фашистов. А впереди еще была долгая дорога в Свердловск, где его мама, моя бабушка Вера, уже дважды получала на него похоронки.

– Вот мне говорят: «Почему ты не едешь в Европу путешествовать?» А мне уже неинтересно, я это все видел во время войны, – говорил мне дядя Степа.

В книге о нашем городе «Это было недавно...» он объявил себя «старым свердловчанином». Свердловск, как Арбат у Окуджавы, действительно был дядиной религией. Раскопать какие-то любопытные факты об истории малой родины, обнародовать их, сделать общим достоянием – ради этого он жил. Конечно он не раз выходил на всероссийский уровень: переписывался с Константином Симоновым, встречался и долго беседовал с режиссером Сергеем Герасимовым. Только мне, уже работавшей методистом в городской дирекции киносети, студентке ВГИКа, он рассказал, что в детстве Сережа Герасимов служил мальчиком-официантом в кино-кафе

В кругу семьи: старшая дочь Ольга; на коленях у С. Захарова - внучка Катя; ныне искусствовед, младшая дочь Татьяна; жена Лидия Николаевна и автор статьи.

С.А. Захаров, Л.П. Неверов, В.К. Очеретин
в редакции «Следопыта» 1950-х годов.

ное древо нашей семьи богато именами. Здесь не только его двоюродная сестра 13-кратная чемпионка по стендовой стрельбе Вера Илларионовна Бурденко, но и троюродный брат, народный артист СССР, актер и режиссер Иван Иванович Соловьев. Но, как и у Соловьева, о работе которого с молодежью, игравшей с ним на сцене театра имени Ермоловой в Москве, актер Геннадий Жарков вспоминает со слезами благодарности на глазах, у Захарова, несомненно, был педагогический дар.

«Лоранж» (теперь «Совкино»), принадлежавшем его матери.

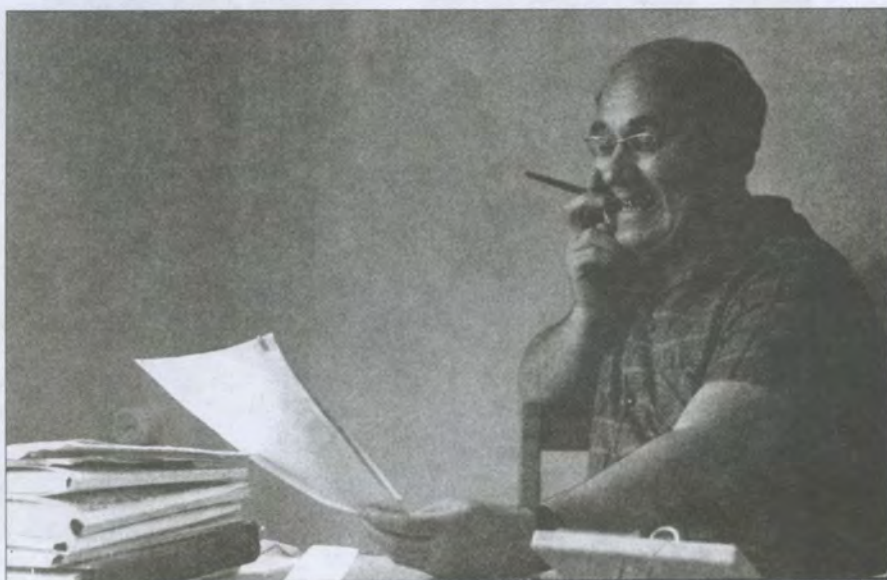
Десять лет проработав в школе, он решил кардинальную перемену профессии. Мог бы он быть и просто прекрасным педагогом. Кинорежиссеры Валерий Усков и Владимир Краснопольский любят говорить о себе: «Мы были два хулигана, но пришел новый учитель, высокий, красивый, Стефан Антонович Захаров, и сделал нас людьми». Это не шутка. То же говорит о себе и известный радиожурналист Ян Хуторянский. Все они занимались в созданной дядей театральной студии, и это было для всех троих важнейшим толчком к дальнейшим поискам себя.

Сразу после школы молодой и красивый Стефан Захаров поехал поступать в ГИТИС. Он с блеском выдержал все экзамены на специальность, а три общеобразовательные «завалил». Ведь знал: достаточно сдать один экзамен на тройку, и он поступит. Но завалил все. Так его богатейшая жизнь, которой, кажется, на троих хватит, не стала еще богаче. А ведь родослов-

По крайней мере, в 1957 году главному редактору возрождающегося «Уральского слепопыта» Вадиму Кузьмичу Очеретину пришлось за него побороться и в горно, и в облоно со строгой заведующей Комовой, о которой неистребимый шутник Стефан Антонович написал очередную дразнилку:

«Если Комова узнает,
Изобьет и изругает».

Такое рвение главного редактора было неожиданно для самого будущего журналиста-краеведа. Сначала, до прихода в редакцию Леонида Петровича Неверова, Захаров был заместителем

С.А. Захаров за работой.

редактора, а потом уже до 70 лет сначала в «Уральском следопыте», затем в «Урале» – ответственным секретарем. Захаров был Очеретину очень нужен. Надежен, остроумен, с фантазией. В журнал «Урал» они тоже перешли вместе. Вокруг этих личностей группировался авторский актив.

– Обстановка в редакции была удивительно творческой, существовало настоящее братство журналистов, писателей, художников, – вспоминал позднее художник Виталий Волович.

Сколько замыслов вынашивалось на кухне главного редактора, помнит Ираида Власьева Очеретина, вдова писателя.

Да, в редакции журнала, возрождавшегося с усилением оттепели в стране, нужна была такая домашность, когда уже не различаешь, общим делом ты живешь сейчас или собственным. «Уральский следопыт» тогда стал почти что домом для всех членов редколлегии, среди которой имена Юрия Курочкина, Клавдии Рождественской, Алексея Мусатова, Евгения Фейерабенда, Бориса Ручьева, Людмилы Татьяничевой, Евгения Пермяка, Беллы Дижур и других. Активно сотрудничали здесь Владислав Крапивин, Михаил Найдич, Николай Никонов, Анатолий Малахов, Юрий Трифонов, Виктор Астафьев, Леонид Фомин, Борис Рябинин, Евгений Ананьев, Эльза Бадьева, Олег Коряков, Ольга Маркова, Виктор Стариков, Владимир Сибирев, Елена Хоринская, Борис Путилов... Все эти люди работали в контакте, влияли друг на друга, учились общаться, дружили.

Здесь зародился опыт создания коллективной приключенческой повести. И родился символ – отважный маленький человечек с геологическим молотком в руке и в капюшончике с меховой опушкой. Нарисовал его художник Герман Перебатов, первую обложку с его портретом подготовила Екатерина Гилева, а на киностудии в мультик по заказу редакции даже кукла такая была изготовлена.

Но кукла, увы, потерялась, а в новом очень авторитетном энциклопедическом словаре «Екатеринбург» ни в главе о журнале «Уральский следопыт», ни в главе о журнале «Урал» – мой дядя, Стефан Захаров, один из тех, вокруг кого тогда складывался целый пласт культуры, не упомянут ни разу.

Остается только воскликнуть вместе с его учеником Владимиром Усковым, с которым на днях я разговаривала по телефону: «Удивительный человек! Удивительная судьба!»

Его биография, и с моей точки зрения, несет в себе заряд для целой кинооплеи. В этом году Стефану Антоновичу исполнилось бы 85. Я – богатая наследница. Не только часть его книг и пластинок перешла ко мне. Его друзья (к сожалению, многих уже нет) стали и моими друзьями. Ну, а в остальном... Дядя тоже был трудоголиком!

АКСАКОВА Татьяна Александровна (урожд. Сиверс; 1892 - 1982), авт. воспоминаний, переводчица.

Дочь генеалога и нумизмата А.А.Сиверса. По кругу родственных и друж. связей принадлежала к рус. аристократич. элите. Детство прошло в СПб. в доме отца; юность - в семье отчима графа Шереметева. Занималась в Строгановском училище. Вышла замуж за соседа по имению Б.С.Аксакова. Скиталась по провинц. городам. Была выслана в Саратов. Потом арест в 1937 году и восемь лет лагерей; затем жизнь и работа медсестрой в Вятских Полянах Кировской обл.; реабилитация. В Вятских Полянах пер. кн. Акселя Мунта «Легенда о Сан-Микеле» (1969, в России переизд. в 2001). В США в 60-х гг. были опубликованы стихи А., написанные в лагере. Авт. воспоминаний «Семейная хроника» (кн. 1-2); вышла в изд. Атенеум в Париже в 1988 г. В России переиздана (более полно) в 2004. Повествование охватывает период с конца XIX века до 60-х гг. XX-го; илл. редкими фотографиями. В ист. альманахе «Минувшее». Т.4 (Париж, 1987) опубл. ее очерк «Дочь генеалога».

Из предисл. к «Семейной хронике». См. также «Родина», 2004, № 7, с.56 (год смерти указан - 1981-й) Личн. арх фонды. 3; Кн. рус. зарубежья.

АКСЕЛЬРОД Ида Исааковна (1871 - 1918), лит. критик.

Меньшевичка. Под псевд. «Ида Соловейчик» печаталась в журн. «Правда» (1904). Напр. опубл. статью «Основные мотивы в произведениях Германа Зудермана» («Правда», 1904, № 10). Авт. кн. «Лит.-критич. очерки» Сб. под ред. И.Л.Вольфсона. Минск, 1923. Авт. «К истории рев. движения в России (Рев. партии за последние 5 лет)». Пер. Д.Р. М., 1906 (написана на нем. яз.). Переведена также под загл. «Русские рев. партии с 1898 по 1903 год». Пер. С.Ламова. М., 1906. Масанов. РНБ.

АКСЕЛЬРОД Любовь Исааковна (по мужу - Гирш; псевд. «Ортодокс»; 1866 - 1946), философ, литературовед, критик, мемуаристка.

Примыкала к группе «Освобождение труда», состояла в переписке с Г.В.Плехановым; потом примкнула к меньшевикам. Печаталась в журн. «Новая книга» (1907), «Совр. мир» (1908 - 13), «Наша заря» (1910 - 13), «Современник» (1914), а также в сб. «На очередах» (1908), «На рубеже» (1909) и др. Анализировала творчество Л.Н.Толстого; статьи о Толстом вошли в ее сб. «Л.Н.Толстой» (М., 1922). Полемицировала с Н.А.Бердяевым, С.Н.Булгаковым, С.Л.Франком. Писала об О.Уальде; изучала наследие Герцена, Салтыкова-Щедрина. Написала «Этюды и воспоминания», посвященные в основном В.И.Засулич и Плеханову, и автобиогр. статью «Из моих воспоминаний» (К и С, 1930, № 2 (63)).

«Русские писатели» (портр.); КЛЭ.

АКСЕНОВА А.П., авт. воспоминаний

«Память о нем священна». – В кн. «Воспоминания о М.В.Фрунзе». Фрунзе, 1986. С.42-43. ИДРДВ. Т.5. Ч.2. № 928.

АКСЕНОВА Л.Васильевна (урожд. Федорович), авт. воспоминаний.

Дочь упр. делами золотопромышл. кампании В.М.Федоровича. Занималась естественными науками, опытами, математикой; во время путешествий делала зарисовки. Авт. воспоминаний «Шесть месяцев в сибирской тайге» - «Рус. вест.». 1880 Т. 145. № 2. С.735 - 768.

ИДРДВ. Т. 3. Ч.1. № 521; Венгеров.Источ.

(Продолжение на стр. 48)

Юрий Валерьевич Конецкий – поэт, прозаик, поэт-переводчик, историк литературы, художник, общественный деятель. Родился 25 мая 1947 года в г. Серове. Воспитанник знаменитого Клуба им. М. Пилипенко, разогнанного за вольномыслие в 1969 году. Ученик и продолжатель дела выдающихся уральских поэтов Бориса Ручьёва, Людмилы Татьянической, Бориса Марьева. Широко печатается с 14 лет, и уже несколько десятилетий – в «Уральском следопыте».

ПАРИЖСКИЕ ХОЛСТЫ

(отрывок)

художнику Мишелю Колюсу

1

Модильяни... Шагал... Пикассо...
Модерновые знаки распада.
Каждый холст – как квадрат-колесо.

Можно ехать, куда нам не надо, –
Там душа приняла термояд
В языках проступившего Ада.

Где клубящийся мрак лиловат,
Как синяк, или труп в разлохотеньи
От бризантной гангрены гранат.

Не бессмертной души униженье, –
Человек исчезает с холстов,
Остается лишь тени скольженье...

Постиженье распада с азов,
Где не лица уже, а скорлупки,
И закрыты глаза на засов.

Эти монстры из творческой ступки,
Проявившись на нищих холстах,
Сходят в жизнь, как прямые поступки.

Привкус тленья неся на устах...

ЛОШАДЬ

Внимательная лошадь
Шагает через площадь,
И тряская телега
Колесами скрипит,
Тюктыкают подковы
Спокойно и толково,
Ведь лошадь дело знает,
Везет и не спешит.

Среди паров бензина
Железо и резина
Ее обгонят, фыркнув
Над старостью ее,
А лошадь не страдает –
Шагает и шагает,
Ничуть не обижаясь
На это бытие...

Она идет по веку,
Везет свою телегу
И карими глазами
Глядит машинам вслед,
И смотрит долго-долго
Туда, где скрылась «Волга»,
По матерински смотрит
На двухполосый след...

(Вольные переводы Юрия Конецкого)

Из английской народной поэзии

КРАСА МОЯ

– Куда же ты, краса моя? –
(С такой хоть под венец!)
– Бурёнку нашу подоить послал меня отец.

– Позволь, душа моя, с тобой мне чуточку пройти?
Розовощёкая в ответ:
– Иди, коль по пути.

Интересуется роднёй,
хотя и в дом не зван:
– И кто же он, родитель твой?
– Из пашенных крестьян.

– И сильно батюшка богат? –
очередной вопрос.
– О, всё приданое моё – лишь золото волос...

– Волос? – опешил, – значит, слать
сватов – резонов нет...

– Так ведь никто и не просил, –
она ему в ответ.

МЕЧТАТЕЛЬНАЯ ПОЛЛИ

1

Походка девичья легка,
Как шум пшеницы в поле...
...Большую кринку молока
Несла на рынок Полли.

Ах! у неё глаза – роса,
И щёки, как ватрушки,
И золотистая коса,
И розовые ушки...

Рассветный вяз шептал листвою:
«Садись под бок соседу», –
Она ж мотала головой:
«С парнями – не поеду».

И пусть у старых башмаков
Подмётки больно тонки, –
Был шаг безоблачный таков,
Как мысли у девчонки:

«... Куплю я с выручки – птенцов,
И выращу хохлаток,
С яиц пойдёт, –
В конце концов, –
Хоть малый, – но достаток!

Затем начну растить ягнят
И шкуру стричь барану,
Овечки маленьких родят,
И богатеть я стану.

Куплю корову и быка,
Нет, три коровы сразу, –
Такой избыток молока,
Хоть лей в ночную вазу...»

Так Полли,
Всех невест умней,
Шла, обнимая кринку.

2

...Телега, полная парней,
Давно умчалась к рынку.

Лишь бугорок из конских роз
Лёг прямо на дорогу...
(Ведь кони кушают овёс,
Бывает и помногу...)

3

«...ещё построю новый дом,
И тёплый хлев, и стайку,
Чтоб женихи пошли гуртом
Звать под венец хозяйку.

Не нужен мот и вертопрах, –
Беда с беспечным мужем:
Хозяйству вмиг наступит крах, –
Мне муж надёжный нужен!

А как узнать, который твой,
Среди парней пригожих?
Не дай ошибки роковой
Мне совершить, о, Боже!

Пусть будет верным мой супруг,
Отец моих детишек, –
Ведь я рожу ему на круг
Четырнадцать мальчишек.

И каждый – на восьмом году
Начнёт учиться в школе...»

4

Тут поскользнулась на ходу
Мечтательная Полли.

Осколки брызнули вразброс, –
Лбы у камней суровы...
И ручеёк навек унёс
Быка и три коровы...

Глядела Полли,
Заревев
От нестерпимой раны,
Как в молоке тонули хлев,
Ягнята и бараны.

Как солнце, красным гребешком
Заревая на востоке,
Нырнуло вслед за петушком
В молочные истоки.

И новый дом из кирпича
Залёг на дне глубоком,
И Полли бедная,
Крича,
Склонилась над потоком...

Назад не склеить черепков, –
Немыслимое горе!

...И двадцать восемь башмаков
Мерещились ей в море...

5

Её глаза пустым пусты,
И вместо сердца – льдинка:
Разбиты вдребезги мечты,
Как матушкина кринка.

...Не запретишь лихим коням
Раскованного бега, –
Грохочет по сырým камням
Обратная телега.

Не оставлять же на земле
Несчастную торговку.
К ней тянут – чуть навеселе –
Кто пряник,
Кто – зубровку...

Ах, у неё глаза – роса,
И щёки, как ватрушки,
И золотистая коса,
И розовые ушки...

6

Невелика её вина,
И та беда – не горе,
Смогла утешиться сполна
Девушка Полли
Вскоре...

Джон Смит, ловкач и молодец,
Узнав беды причину,
Не стал коня винить, гордец,
Да и себя, мужчину.

Урон исправить был готов
И возместить убыток,
И к Полли в дом заслал сватов,
Став зятем с трёх попыток.

Крестьянин он,
Зато каков
В постели он
И в поле!

...И двадцать восемь башмаков
Порою чистит Полли...

ИЗ ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

СТРЕЛА И ПЕСНЯ

...Из лука прыснула стрела –
Куда быстрее, чем тень орла –
За холм,
За скалы, за ручей
И вовсе скрылась из очей...

Совсем негромко,
От души,
Я песню спел в лесной глуши,
Среди полян, среди стволов,
Где редок даже птицелов.

Немало времени прошло –
Стрелу вернуло мне дупло,
А песню – слово в слово –
Вдруг
Мне спел мой самый верный друг!

ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА

СИНИЕ РОЗЫ

Не ценила,
Вздёрнув нос,
Красных роз,
И белых роз –
Страстный отблеск пылких дней, –
Всё хотелось синих ей!

Ради редкого цветка
Два прошёл материка,
Но заказ – невыполним,
И смеялся мир над ним...

Станет, верно, и в гробу
Упрекать она судьбу
За букеты –
В брызгах слёз –
Белых роз
И красных роз ...

АКСЕНОВА Сусанна Георгиевна

(См. Мар С.Г.)

АКУЛОВА Евфросиния Владимировна (псевд. Николаева Е.В.), драматург.

Член Московского общества драматич. писателей. Авт. пьесы «Дождались!» (страницы из жизни обездоленных). Харьков, 1910- Николаева Е.В.; пьесы «Драма женской души». М., 1912; драм. пьесы «Трон славы». Киев, 1914.; «Лесная сказка» Пьеса для детей; перед. из сказки бр. Гримм. М., 1911. Масанов. РНБ.

АЛАБИНА Т.П.

(См. Сократова Т.П.)

АЛАБОВА, переводчица.

Вместе с Войновой (см) пер. с нем. «Михель, история немца нашего времени», одно из лучших произв. нем. писателя и публициста Иоганна Шерра (М., 1873).

Слов. рус. писательниц.

АЛАДЬИНА Елизавета Васильевна (1810(?) - после 1867), мемуаристка.

Вторая жена прозаика и поэта Е.В.Аладына. Авт. «Воспоминаний институтки» (СПб., 1834), содержащих сведения о бытовой стороне жизни Инст. благород. девиц. В 1839 г. вышел сб. «Сочинения Е.В.А...й» (СПб.), включивший девять стихотв. и прозаич. отрывков.

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; Масанов.

АЛАДЬИНА Мария

Сотр. в моск. журн. «Друг юношества», издаваемом Максимом Невзоровым (1807-1815).

Венгеров. Источ.

АЛАФУЗОВА А.

Авт. кн. «Розы на снегу». Стихи. Пг., 1918.

Тарасенков; Сто одна поэтесса серебр. века, с.4; РНБ.

АЛЕЕВА Наталья

(См. Корсини Н.И.)

АЛЕЙНИКОВА А.К.

Член-сотрудник Православного Палестинского об-ва. Авт. «Путешествия в Иерусалим» (Екатеринослав, 1901).

Венгеров, Источ. РНБ.

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА (1783 - 1801), переводчица.

Вел. княгиня, дочь имп. Павла 1 и его супруги Марии Федоровны; жена австрийского эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского. Судьба А.П. напоминает драматическую судьбу обычной женщины. В 16 лет она была выдана замуж, терпела незаслуженные обиды при дворе, в 17 лет родила ребенка, а через несколько дней умерла от молочной горячки. Ее воспитательницей была Е.И.Ланская (см). В журнале «Муза» (1796, № 3 и 7), издававшемся переводчиком греческих классиков И.Мартыновым, 13-летняя вел. княгиня напечатала два перевода с франц.: «Бодрость и благодеяние одного крестьянина» и «Долг человечества» (подписано А.)

Венгеров. Сп.; Слов. рус. писательниц; Масанов; Карнович, Е.П. Палатина венгерская Александра Павловна. В его кн. «Замечат. и загадочн. личности ХУ111 и Х1Х столетий». \\ Собр. соч. Т.4. М., 1995. С. 428-491.

(Продолжение на стр. 51)

СТРАНА ПЕЩЕР

Сикияз-Тамак

В.Ш. Пожалуйста, расскажите подробнее о Сикияз-Тамаке.

В.Ю. Еще в 1994 году от президента ассоциации спелеологов Урала Семена Михайловича Баранова* я узнал об этой пещере. Он мне сказал, что на реке Ай в одной из пещерок недалеко от деревни Сикияз-Тамак один учитель биологии нашел и передал ему несколько фрагментов керамики, кремешков и косточек. Якобы, они искали там кости. Я понял, что в пещере находится памятник археологии и надо организовывать экспедицию.

Она состоялась 17 августа 1995 года. Я договорился с одним из руководителей завода «Профнастил», нам был выделен автобус, поехали заводские туристы-спелеологи, С.М. Баранов пригласил и молодого археолога Артема Пулова. Он со мной вместе учился на историческом факультете.

Когда стали осматривать территорию, я ахнул... Я уже сталкивался с этим раньше – когда несколько пещер рядом... Уже в первый день мы увидели 18 пещер на одной точке. Тогда появился термин (на Урале им никто не пользовался) – «пещерный комплекс». Его назвали так, как и положено по методике, – по близлежащему населенному пункту. Деревенька тогда еще существовала (сейчас это дачный поселок). Так появился Сикияз-Тамакский пещерный комплекс.

За 3 года мы нашли 42 пещеры, 7 из них – погребенных, две я вскрыл: одну из них – полностью, у другой – только вход. Везде идут археологические материалы.

Особенно ценно на Сикияз-Тамаке то, что здесь представлены все исторические эпохи, начиная с древнейшей. Уже имеются около 10 радиоуглеродных дат по костям, сделанных в разных пещерах: Сквозной – Сикияз-Тамакской и в Каминной. 4 или 5 датировок сделаны в Англии, в Оксфорде. И одна из них очень древняя – более 57 тысяч лет (по кости мамонта). Кость лежала на глубине всего 2,2 метра. Рядом, буквально в этом же слое, находился предмет из камня, то есть присутствуют орудия труда. Получается, что слой и датирован, и с археологией.

Когда я посмотрел все данные по радиоуглероду среди археологических памятников в пещерах Урала, то увидел: мы «переплюнули» всех.

Самым древним был грот Большой Глухой в Пермской области (там возраст порядка 33900 лет). Наши 57 тысяч лет – на глубине 2,2 метра. В пещере «Каминная» заложили разведывательный шурф, потом и раскопки были. Шурф оказался самым глубоким в пещерах Урала. Глубина его более 6 метров. Так вот, представьте, скопления костей с каменными предметами были в этом шурфе обнаружены на глубине более 4 метров. То есть там дата еще значительно древнее будет.

Следующий момент. Раскопки на Сикияз-Тамаке мы продолжаем каждый год, примерно по 30-50 дней, ежегодно работаем в разных пещерах. Мы уже собрали самую крупную коллекцию керамики (обломков горшков) пяти исторических эпох (неолит, энеолит, бронза, железо, средневековье) в

* см. Баранов, автор книги «Колумбы шестого океана» о пещерах Челябинской области и их исследователях. (Прим. ред.)

Южноуральцы эпохи средневековья.
Реконструкция Н.Б.Виноградова.

(Продолжение интервью с археологом В.И.Юриным.
Начало в № 3, 2005).

пещерах Урала. Более крупной коллекции обломков глиняной посуды никто не имеет, ни один институт, ни одна экспедиция.

Далее мы имеем самую крупную на Южном Урале коллекцию костяных наконечников стрел из пещер. Есть у нас крупная коллекция различных изделий из кости. В пещерах Сикияз-Тамака обнаружены наконечники стрел из бронзы, кости, камня и железа. Попал даже один наконечник довольно редкий, татаро-монгольский, кунжутolistного типа. Значит, эхо татаро-монгольского нашествия дошло до Сикияз-Тамака, причем в конкретных изделиях.

Впервые в пещерах Урала обнаружены около ста фрагментов изделий из бересты. Не знаем, что это, надо бы их как-то собирать, склеивать... Впервые в пещерах Урала обнаружили фрагменты деревянных изделий.

Собрана огромная коллекция палеофауны (костей древних животных) – тот глубокий шурф в пещере «Каминная» дал нам кости животных более 40 видов, в том числе уже вымерших – это мамонт, шерстистый носорог, пещерный лев, пещерная гиена, пещерный медведь, гигантский олень. Есть, конечно, плейстоценовые животные – северный олень, благородный олень, волк, бизон, лошадь... Они – из ледникового периода. Словом, пещеры Сикияз-Тамака оказались хранилищем, которое сберегает в себе материалы о жизни животных и человека за последние десятки тысяч лет. Это напоминает чтение страниц книги истории Урала.

С 1996 года в этой работе участвуют школьники разных районов Челябинской области. С 2003 года на Сикияз-Тамаке разворачивается губернаторский лагерь «Надежда» – для детей из детских домов, интернатов, детей-сирот, из неполных семей. По 560 детей за год проходит только через этот лагерь. В общей сложности до тысячи детей живет у нас летом на Сикияз-Тамаке. Они участвуют в спелеологических, археологических и палеозоологических исследованиях.

На Сикияз-Тамаке разработано 8 экскурсий по пещерным городам, а их тоже 8 в окрестностях Сикияз-Тамака. Много уникальных скал, объектов, связанных с 18 веком... В радиусе 5 километров от Сикияз-Тамака мы обнаружили порядка 250 пещер.

Аналогов такому пещерному краю в России нет или на сей день неизвестно. Сикияз-Тамак обслуживает филиал Челябинского краеведческого музея. Пещерный комплекс включен во все туристические справочники, окрестные туристические маршруты, например, в водный маршрут по реке Ай. Каждый год приплывают туристы-сплавщики, можно сказать, изо всех городов России, а также и иностранцы.

В сентябре 1997 года в Уфе проходила международная конференция «Пещерный палеолит Урала». Сикияз-Тамакский пещерный комплекс тогда посетили ученые Франции, Германии, Финляндии, Украины, был даже журналист из США. Ну и, конечно,

но, коллеги-археологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Уфы и других городов России.

По поводу названий пещер на Сикияз-Тамаке. Некоторые пещеры имели свои названия. Оказалось, что в 1954 году в этом месте побывал карствед, профессор Челябинского педуниверситета Александр Дмитриевич Сысоев со своими студентами. Они осмотрели несколько пещерок просто как объекты природы. А.Д. Сысоев дал несколько названий, а еще, по-видимому, дали туристы, потому что в ряде справочников некоторые пещеры комплекса имеют названия: пещера Сикияз-Тамакская-Сквозная имени А.Д. Сысоева, грот Танцевальный, он же Пятак, пещера Каминная, пещера V-образная, Треугольная, пещеры Смежная-1 и Смежная-2, Подвальная и Чердачная. Кроме пещер, на территории комплекса имеются 3 небольших карстовых арки, провал и карстовый мост над пещерой Каминной. Это редкий природный объект даже в масштабах всего Урала.

Туристы рвутся к Сикияз-Тамаку.

Территорию удалось немножко окультурить: камнем уложены дорожки, сделаны перила оградения на опасных смотровых площадках...

По самому Сикияз-Тамаку у нас разработана 4-часовая экскурсия – для школьников, студентов, куда включены материалы археологии и геологии, палеозоологии и так далее. Практически все проплывающие посещают у нас эту экскурсию. Стоимость ее для группы до 15 человек включительно – 600 рублей.

В.Ш. Приезжают ли археологические экспедиции из других городов?

В.Ю. С моего разрешения приезжали коллеги из обеих наших столиц, сначала у меня работали, а потом – два года – самостоятельно. Директор музея археологии МГУ, кандидат исторических наук В.С. Житенев и два кандидата наук, И.В. Калинина и Т.И. Щербакова, которые представляли Эрмитаж и Музей истории религии. Все они принимали участие в изучении Сикияз-Тамака. Также каждый год бывают представители Института экологии растений и животных УрО РАН из г. Екатеринбурга, в том чис-

Вход в грот «Танцевальный».

Участник экспедиции 1996 г. Л.Г.Аристова, г. Курган.

ле кандидат биологических наук, ведущий палеозоолог П.А. Косинцев, энтомологи из Челябинского педуниверситета, кандидат геолого-минералогических наук Т.И. Таранина (Челябинский педуниверситет).

В.Ш. Куда поступают сикияз-тамакские находки?

В.Ю. Всю остеологию, то есть останки животных, мы полностью сдаем в Институт экологии растений и животных, в зоологический музей, Павлу Андреевичу Косинцеву. Он делает определение и оставляет у себя на хранение. А археологические материалы находятся в фондах филиала Челябинского краеведческого музея.

Палеонтолог П.А.Косинцев.

В 2004 году планируется завершить строительство здания нового Челябинского краеведческого музея. Материалы по пещерной археологии Сикияз-Тамака будут представлены там в экспозиции и выставлены на много лет. Так что их увидят все.

(Продолжение следует.)

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина; 1798 - 1860), авт. воспоминаний.

Императрица, жена Николая 1. "Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях". \ \ «Рус. Старина». 1896. Т.88. № 10. С. 5-60 (на рус. и франц. яз.). Содержала лит. салон ("Вечера Ал. Фед.") в 1820-х гг. В Берлине также изданы «Письма императрицы Александры Федоровны к имп. Николаю 11 [1914-1916]» Пер. с англ. В.Д.Набокова (1922). Тт. 1-2.

ИДРДВ, т.2, ч.1, № 385. Кн. рус. зарубежья.

АЛЕКСАНДРОВА А.

Сост. кн. «Священная история. Ветхий завет, с 25-ю фотографическими картинками» (СПб., 1861). «История земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» 2 части. (СПб., 1864). Авт. «Из Одессы на Афон» (отд. оттиск из журн. «Деятель» Казань, 1896).

Венгеров. Источ.; Слов. рус. писательниц.

АЛЕКСАНДРОВА А.

Авт. «Рассказов о золоте, о его свойствах, о происхождении золотых жил, о добывании золота, о монетном деле, о деньгах и обращении золота» Под ред. А.Рубакина. (СПб., 1900).

Венгеров. Источ.

АЛЕКСАНДРОВА А.

Переводчица с англ. 1900-х гг.

Венгеров. Источ.

АЛЕКСАНДРОВА А.А., авт. воспоминаний.

Одна из авторов в подборке «Из воспоминаний пансионеров Убежища» (о М.Г.Савиной) \ \ «Изв. Совета имп. Русского театр. об-ва», 1915, № 17\18, с.6-7.

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6753.

АЛЕКСАНДРОВА Антонина Всеволодовна, авт. воспоминаний.

Оставила воспоминания о Гаршине (см. Гаршин В.М. Соч. в 3 тт. Т. 3.)

АЛЕКСАНДРОВА В.

Авт. кн. «Людовик 11, король баварский. К истории жизни и творчества Рихарда Вагнера» (Ред. А.Л.Волынский; СПб., 1911). Над этой монографией В.Александрова работала в Мюнхене, используя все ей доступные источники. Книга издана издат. «Грядущий день» в обложке М.Добужинского с портретами Людовика 11.

Венгеров. Источ.; РНБ.

АЛЕКСАНДРОВА Вера

Учительница. Авт. кн. «Наш любимый сад: (Сказка для детей) [В стихах]. Помощь в изучении слов с буквой «ъ»». Екатеринбург, 1899.

РНБ.

АЛЕКСАНДРОВА Вера (псевд.; наст. имя Вера Александровна Шварц, урожд. Мордвинова; 1895 - 1966), лит. критик, литературовед, публицист, мемуаристка.

Уроженка г. Ковно (Литва). Жена меньшевика С.М.Шварца-Монозона; с 1922 г. - эмигрантка. Сначала жила в Берлине, потом - в Париже. С 1940 - в Нью-Йорке. Печ. в альб\ сб.: «Возд. пути», «Мосты»; журн.: «Вест. инст. по изуч. ист. и культ.», «Новый журн.», «Новоселье» и др. Писала также на англ. яз. С 1946-48 - сотр. ред. русско-язычн. журн. «Америка». В 1952-56 - гл. ред. изд-ва им. Чехова. Редактировала сб.: «Пестрые рассказы» (1953), «Опальные повести» (1955).

Струве; РНБ; Гуль, 1, 3.

(Продолжение на стр. 55)

«Неспортивное» поведение...

***

Решил как-то Степа Каюров поучаствовать в соревнованиях по скалолазанию. А в те времена все лазали по скалам в узконосых галошах, которые привязывали к ногам каким-то очень хитрым способом. И вот стоит Степа на старте в новых свежкупленных блестящих галошах. И дали ему команду «марш», и побежал он вверх..., ловко так, как ящерица, но то ли плохо были завязаны узлы, то ли галоши оказались слегка велики, но правая галоша неожиданно слетела с ноги и полетела вниз. Кто-то из судей громко объявил: «Внимание! Потеря снаряжения!» Раздался громкий хохот зрителей. Расстроился Степа, но лезет дальше, а сам рассуждает так: «Одна нога босая, а другая нет - это некрасиво». И тогда он скидывает галошу с левой ноги и бросает её вниз, предупредительно крикнув (как его учил тренер): «Камень!!!» Дальше свое скоростное восхождение к заветному красному финишному флажку Степа продолжил уже босиком. А внизу случилось следующее: галоша полетела прямо на судей - а те (теряя секундомеры и карандаши) врассыпную, зрители в панике тоже... и даже страховщики на какое то мгновение спрятались за дерево. Когда же Степан спустился на землю, то узнал, что его дисквалифицировали за неспортивное поведение. Вдобавок новые галоши так и не нашлись. Больше Степа Каюров скалолазанием не занимался.

Рассказал Леша Крутиков

***

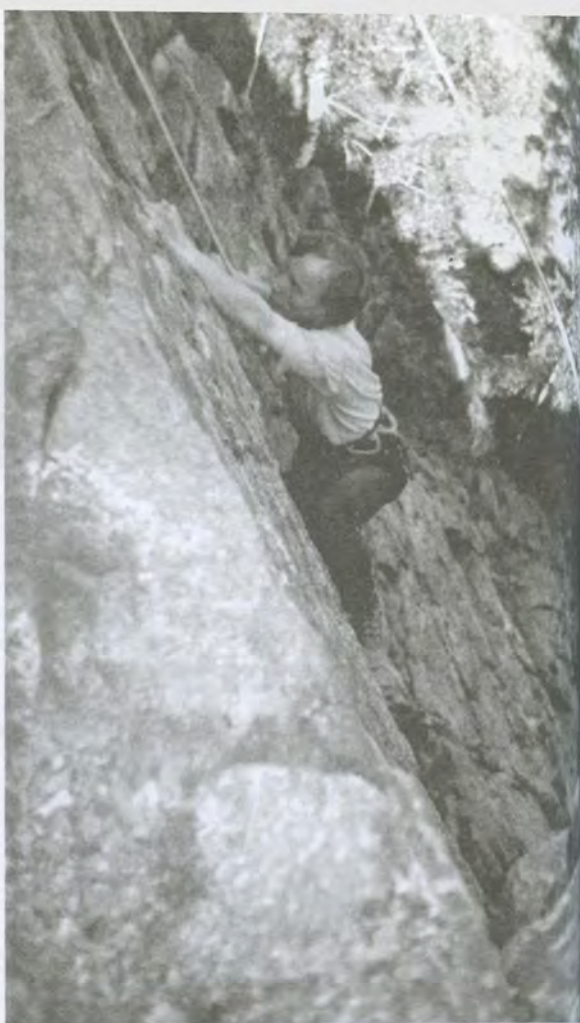
В 1998 году Володя Рыкшин, дважды герой какого-то Гиннеса, решил заняться водным туризмом и сходить сразу в поход высшей категории сложности по реке Тентек, что очень бурно течет сквозь красные каньоны Джунгарских гор от китайской границы. Сам-то Володя альпинист, причем хороший, поднимался на собачках на пик Коммунизма. За что и получил от Гиннеса героя... А в этом водном походе задумал Володя Рыкшин снять фильм для кинофестиваля экстремальных видов спорта, который ежегодно проходит где-то в Италии. Набрал с собой кучу видеокамер и фотоаппаратов (на десять тысяч долларов). А дело было весной, стояла жара - в горах обильно таял снег. А тут еще и дожди пошли. Вода в реке стала коричневой, а пороги еще опасней и труднопроходимыми. Ребята из штурмовой четверки проходят трехметровый водопад, а Володя снимает с берега. Прыжок... катамаран затормозило в бочке, начало его крутить, тянуть под слив. До переворота оставались мгновения. Носовикам все же удалось зацепиться за проносную струю, и катамаран вырвался из водного капкана.

Вечером Рыкшин дал посмотреть всей команде этот момент. Один из участников штурмовой четверки увидел себя - как он болтался в дугах, словно кукла, и никак не мог дотянуться до воды. Позор, ...особенно если увидят друзья водники из города Екатеринбург. И тогда обратился он к Володе: «Давай это прохождение сотрем! Уж больно все неправильно».

Нет, дорогой, - отвечает Рыкшин. - Это теперь история, ...весь мир увидит!!! А я еще за фильм получу Гран-при».

И вот на следующий день катамаран, на котором везли бокс с видеокамерами, перевернулся. Весь экипаж раскидало по разным берегам. А когда догнали перевернутый катамаран, выяснилось, что бокс срезало о камни. Группа целых два дня искала иностранную аппаратуру, но бесполезно. Горько переживал Володя потерю видеокамер, но больше всего ему жаль было отснятого материала. А я вот думаю, если бы он тогда стер этот злосчастный момент... может, все и обошлось бы...

Рассказал Игорь Ветров

Творец «Касьяна Остудного»

С 1966 по 1970 год главным редактором журнала «Уральский следопыт» работал российский писатель Иван Иванович Акулов, позднее лауреат Государственной премии.

О нем - очерк его земляка Юрия Ключникова.

Собирая историю Туринска, я не мог обойтись без книг Ивана Ивановича Акулова, уроженца деревни Урусовой Усениновского Совета Туринского района Свердловской области, лауреата Государственной премии РСФСР имени Максима Горького. С «толстовской» мощью раскрыл писатель в романах «Крещение», «Касьян Остудный», «Ошибись, милая» стихи народной жизни. Причем большей частью на туринском материале.

Мы познакомились в редакции туринской газеты «Заря» (теперь «Известия-Тур»). Акулов неожиданно «нагрнулся» туда в один из своих приездов на малую родину. Помню его слова: «Впечатления детства, связанные с деревней Урусовой, и поныне питают мое творчество. Там я родился и жил до девятилетнего возраста. Бывало, пишу книгу – чувствую: выдыхаюсь, ручка из рук падает. Неудержимо тянет в родные места. Бросаю все. Еду. А приехал – думаю: зачем приехал? Чего тут такого особенного? Вернулся в столицу – опять тоска: надо ехать на родину».

Все урусовское вызывало в нем душевное волнение. Контора совхозного отделения в бывшем доме дяди писателя, где он бывал мальчонкой. Пустырь на месте сгоревшего родительского дома. Часами сиживал у прозрачного Оськинского ключа. Любовался дачами на Лебедёвской горке...

Проникновенную любовь писателя к отчей стороне я особенно почувствовал, когда мы говорили об истории туринского края. Впоследствии Акулов писал мне в ответ на высланные ему в столицу мои краеведческие публикации: «Вы... доказали и убедили меня, что Туринск – не глухомань, не безродная земля, а край с богатой культурой, край, где томились и мужали передовые русские люди. Я считаю, что все, что сумела дать наша родимая земля – явление не случайное. Так или иначе смелые и сильные наши земляки не только учились у ссыльных духу свободы, но и сами оказали на ссыльных благоприятное влияние. У людей, пришедших в сибирские урманы, нельзя было не научиться мужеству, трудолюбию, выносливости и доброте».

«Кровиночка великой России»

Свой первый деревенский роман «В вечном долгу» писатель назвал «величальной песней тихой моей родине». «На примере Урусовой, – вспоминал Иван

Иванович, – хотел показать, как тяжело переживала деревня трудное послевоенное десятилетие. В романе идет неумолкаемый спор о севооборотах и семенах, о зяби и трудоднях, но это всего лишь исходный материал для создания и столкновения человеческих характеров. Любая деревенька, думал я, рубилась мужиками по законам земли и времени. И потому, как бы ни была она мала и захолустна, она своей натруженной и щедрой рукой кладет на наш стол кусочек хлеба. Она всегда была и есть частица, кровинка великой России».

Иван Акулов появился на свет, когда в семье уже были восьмилетний брат Феофил, шестилетняя сестра Настя. Отец, Иван Григорьевич, строил мосты, прокладывал дорогу на туринскую деревню Кумарья. Мать, Наталья Филимоновна, хозяйничала по дому, подворью. «Детство мы провели вместе, – рассказывает сверстник писателя Михаил Иванович Сафонов. – Играли в мяч, городки, рыбачили. Как-то по заданию учительницы разучили стихотворение: «Мы с тобой

родные братья: я – рабочий, ты – мужик; наши крепкие объятия – смерть и гибель для владык». Мы с Иваном ходили в кузницу к его дяде – кузнецу Андрею Григорьевичу Акулову, раздували горн и читали это стихотворение на два голоса. Дяде Андрею оно очень нравилось, он просил нас повторять еще и еще».

Впереди у него были: участие в Великой Отечественной войне, Свердловский педагогический институт, учительство и директорство в сельской школе, работа в газете «Уральский рабочий», должность редактора журнала «Уральский следопыт». Перебравшись с Урала в столицу, возглавил приемную комиссию Московской писательской организации. Но малую родину не забывал никогда.

Роман Акулова «Крещение», удостоенный Государственной литературной премии России, развивает туринскую тему на примере крестьян-солдат в первые месяцы Великой Отечественной войны. В образах фронтовиков-урусовцев, усениновцев (село Усениново неподалеку от деревни Урусовой) Малкове, Охватове, Дымкове, Урусове отчетливо проступает крестьянская основательность. С наибольшей героической силой она раскрылась в годину общей беды. На каверзный вопрос туринцев, можно ли создать убедительное произведение о войне, не будучи ее участником, Акулов ответил: «Фронт-овой опыт тут решающий. В сорок первом я, лейтенант пехоты, оказался на Брянском фронте. Под Мценском на рубеже реки Зуши довелось сражаться с фашистскими танками. Враг рвался к Туле и Москве. Из личных впечатлений складывалась достоверность романа. В непрерывных атаках, находясь все время на грани жизни и смерти, а после пулевого ранения в горло – просто при смерти, я воочию видел постоянное напряжение физических и духовных сил бойцов – моих земляков, призванных исполнить высший долг перед Родиной в трудный для нее час».

Социальный роман «Касьян остудный», могучая книга, по выражению крупнейшего писателя-деревенщика Федора Абрамова, – это тоже повествование о земледельцах деревень Усениновского Совета, только довоенной поры. В нем речь о коллективизации: разложении старого уклада, социальной междоусобице, перегибах в аграрной политике, становлении нового облика крестьянской России. В «Касьяне», отмечает автор, «я писал о жизни моих родителей, о времени моего младенчества, которое помню, как вчерашний день, с неизбежной любовью и радостью прикоснулся я к тем святым для меня дням. Кончил завещанное отцом, горем своим завещавшим сказать о их трудной и мученической жизни».

Съели бочку масла

19 февраля 1985 года Акулов пишет ирбитскому поэту В.А.Лаптеву из Москвы: «Туринцы получили все три тома моего «избранного» и собирают встречу. Просят приехать. Думаю, нельзя же отказать землякам».

Писатель В.Сафонов (слева) в редакции «Уральского следопыта».

Встреча с земляками 5 апреля 1985 г. получилась душевной, дружеской. В селе Усениново он показал землякам обветшавший дом на яру, где прежде жил крестьянин Алексей Вершинин, прототип Федора Кадушкина из «Касьяна Остудного», середняка, загнавшего себя в тупик жадностью. Сыновья Вершинина – хлеборобы Александр, Павел и Степан – тоже прообразы персонажей «Касьяна». По словам автора, в роман вошел эпизод, когда в одну ночь раскулачили его дядю – простого работающего мужика. Съели у него бочку масла, обнаруженную в подвале. После животно-маялись. Время сеять, а у них гулянки, шествия с песнями, флагами. В «касыановском» Семене Григорьевиче Оглоблине, заведующем земельным отделом Ирбитского окружного исполкома, нетрудно увидеть второго дядю романиста – Семена Григорьевича Акулова. Дядя Семен, родом из Урусовой, служил в кронштадтской береговой артиллерии, участник восстания новобранцев против мобилизации в армию Колчака в 1919 г. в Туринске, чертежник, инженер, землеустроитель. Кстати, тот же Семен Акулов послужил «моделью» туринца Семена Огородова в романе Акулова «Ошибись, милая». Здесь показаны Туринск, село Дымково, поселок Поречье Туринского района, упомянуты туринские ссыльные декабристы. В этой масштабной «фреске» о туринской деревне периода Столыпинской реформы главный герой – Огородов, высланный из Питера в Туринский уезд за участие в эсеровских терактах. Сочными мазками живописует прозаик село Усениново (в романе – Устойное): «Село Устойное свой престольный праздник, Петров день, догуливало в заботах: с сенокосом больше не мешкалось. Покосы в селе дальние, и стали увязывать возы едва ли не с вечера... На свету село тронулось... Мужики, шедшие в гору обочь телег, останавливали лошадей и, обернувшись в сторону родимого села, крестились на Устоинский собор. Весь белый и торжественно трепетный храм, легко вознесенный к небесам, горел золочеными крестами всех своих пяти глав, осенял надеждой и благодатью село, погост с берегами и липами, окольные поля».

«Низкий поклон и особо теплое слово»

Забота о судьбе малой родины не давала ему покоя. В тот приезд он признавался главе местной администрации: «Молодые семейные люди высказали мне мысль: хорошая деревня Урусова, место хорошее – луга, пашни, река, лес рядом. И мы поехали бы в Урусову, только была бы там школа. Может, с нее и начать? Пора наряду с текущими делами (сезонные работы, вода для города и т. д.) задуматься о столбовой магистрале, которая ушла бы в далекое будущее. Вы, туринцы, уже многое сделали, и вам под силу теперь приняться за возрождение погибающих малых деревень. Я в свою очередь готов по своим скромным силам оказать вам всяческую помощь».

В феврале 1988 г., незадолго до смерти, Акулов по просьбе усениновских библиотекарей придал для библиотеки два экземпляра романа «Ошибись, милуя», несколько газет с рассказами. Вот строки одного из последних писем: «Все время живу мыслью и надеждой побывать в родных местах и прикоснуться душой к родимой земельке. Нынешний год для меня очень тяжел, воистину высокосный, воистину год сурового Касьяна. Весной похоронил жену и теперь бобыль бобылем. Здоровье совсем пошатнулось, да и годы – ложат. Но упорно думаю побывать в Туринске и Урусовой».

27 ноября 1989 г. Акулова не стало. «Литературная газета» отметила в некрологе: «Мы потеряли и крупнейшего мастера, сурового и лиричного, хромного и работающего, не жаждущего шума и утрада».

Подаренные писателем рукописи, книги представлены в туринском краеведческом музее. Многое интересного о нем услышал я от его односельчан в 1992 г. во время поездки по акулловским местам. Деревне Урусовой уцелел колодец за околицей, а коровьем пасеве, где создатель «Касьяна» пил вкусную, мягкую воду. Жив дом Галины Евгеньевны Бусыгиной, где останавливался московский поэт. Стоит потемневший от времени дом Георгия Ивановича и Елизаветы Степановны Свяжиных, где очевал знаменитый приезжий.

– Вон там мы с Акуловым стояли у загородки, – оказывал мне урусовский старожил Евгений Ефилович Сафонов. – Интересовался Иван Иванович, как строятся односельчане, огорчался, что малые деревни рушат. Жалею, на ночлег его тогда у себя не оставил. На покосе был. Не догадался сказать, где ключ от дома лежит...

Попечительский совет Туринского музея декабристов решил установить мемориальную доску писателя на его родине в деревне Урусовой. В районе мерены присуждать акулловскую премию за большой литературный вклад в историю родного края.

АЛЕКСАНДРОВА Вера Даниловна (1855 - 1933 ?), авт. воспоминаний.

Дочь писателя Д.Л.Мордовцева и фольклористки, поэтессы А.Н.Мордовцевой (см.) Авт. восп. «Из детских лет М.А.Врубеля (Воспоминания сверстницы)». \ \ «Искусство и печатное дело», 1910. № 10. С. 408 - 414; «Леся Украинка и С.К.Мержинский». - В кн. Леся Украинка в воспомин. современников. М., 1971. С.195-202. Написала также воспоминания о родителях (журн. «Украина», 1930. Кн.39).

Масанов; Юдин П.Л. Мордовцевы в Саратове. - «Ист. Вест.». 1907. № 7. С.931; ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6049; Т.4. Ч.4. № 9058.

АЛЕКСАНДРОВА Дора Александровна

(См. Функендорф Д.А.)

АЛЕКСАНДРОВА Е.В.

Сотр. «Библиотеки рабоч. молодежи» - серии, изд. под ред. МК РКСМ, затем «Страховой библио-крестьянина». Авт. кн. «Жизнь и приключения капитана Кука». Рис. Б.Иогансона. М., 1926; «Артем в Австралии» (по кн. Ф.А.Сергеева «Счастливая страна»). М., 1926; в ее перев. и перераб. - «Коммуна» (по одноим. ром. П.Маргерит). М., 1924; авт. агит-пьесы в 3-х д. «Невестка Маша». М., 1924; «Секретарь профессионального союза» (по ром. Леруа Скотт). М., 1925.

Старцев; РНБ.

АЛЕКСАНДРОВА Е.И., авт. воспоминаний.

«Из воспоминаний о В.В.Половцеве» \ \ «Естественное в школе», 1919. № 5 \ 8. С.187-190 (о физиологе, проф. Новороссийского ин-та В.В.Половцеве).

ИДРДВ. Т.5. Ч. 2. № 1622.

АЛЕКСАНДРОВА Е.М., переводчица.

Пер. с франц. драму Р.Роллана «14 июля: (Взятие Бастилии)». СПб., 1906. То же. М., 1919.

Р.Роллан. Био-библиогр. ук.

АЛЕКСАНДРОВА Е.Н.

(См. Альмединген Е.Н.)

АЛЕКСАНДРОВА Екатерина Александровна

(См. Скворода-Александрова Е.А.)

АЛЕКСАНДРОВА О.Н.

Авт. кн-сб. «Борьба жизни со смертью» Вып. 1-6. СПб., 1910; Перевела с франц. фил. диалоги А.Франса «На белом камне» - «Правда», 1905, № 8;

М.б. была преподавателем в Рыльской женской прогимназии. О ней упом. Коротнева Э.А. в «Воспоминаниях» - См. «Воспоминания и дневники».

АЛЕКСАНДРОВА-ИГНАТЬЕВА Пелагея Павловна (урожд. Александрова), авт. руководств по кулинарии.

Жена магистра ветеринарных наук М.А.Игнатьева. Авт. кн. «Практические основы кулинарного искусства. Руководство для кулинарных школ и для самообучения, с 108 рис. С приложением краткого популярного курса мясоведения магистра ветеринарных наук М.А.Игнатьева». СПб., 1899. Изд. 3-е, СПб., 1903; изд. 4-е, СПб., 1906; изд. 9-е, СПб., 1912. Написала и издала: «Практические основы вегетарианского питания» СПб., 1914; Беседы (8) на поварских курсах, прочитанные ученицам Имп. жен. патриотич. об-ва. СПб., 1894; «Руководство по изучению основ кулинарного искусства». Одесса, 1897; «Молочно-мясо-рыбно-растительная пища и техника ее приготовления, применительная в общественном питании». Л., 1933.

Масанов; РНБ.

(Продолжение на стр. 57)

Уральские боны гражданской войны

Шел 1918 год. Царили разруха и голод. В стране кровопролитная гражданская война. Заводам и фабрикам не хватает сырья, топлива и денежных средств. Молодое государство не в состоянии обеспечить денежными знаками все территории страны. Выход был найден в том, чтобы выпустить свои уральские денежные знаки.

В «Известиях Пермского Исполнительного Комитета» за 8 марта 1918 года читаем:

«Из Петрограда сообщают, что Наркомфин (Народный комисариат финансов. - Авт.) разрешил Уральскому Областному Совету выпуск бон, имеющих хождение в пределах 4 губерний Уральской области (Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской). В течение ближайших трех недель центр не сможет снабжать денежными знаками».

Решено было выпустить денежные купюры в двух номиналах: 1 рубль и 5 рублей. Для печатания денежных знаков была секвестрована хромо-литография А.Н.Судакова, находящаяся в г.Екатеринбурге по В.Вознесенской улице.

Но напечатать денежные знаки в Екатеринбурге не удалось: в июле 1918 года город захватили белогвардейцы и интервенты. Первые уральские кредитные билеты были отпечатаны 1 августа того же года в Перми с клише, заготовленных в Екатеринбурге.

На пятирублевике значится: «Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Сверху эту надпись венчает видоизмененный герб РСФСР. Указан и ответственный за выпуск кредитных билетов: «Екатеринбургское Отделение Государственного Банка».

Законность появления уральских кредитных билетов закреплена пятью под-

писями-факсимиле: председателя областного комитета Советов Урала, комиссара финансов Урала, управляющего екатеринбургским отделением Государственного банка, комиссара екатеринбургского отделения Государственного банка и кассира. Среди этих подписей краеведов привлечет фамилия комиссара финансов Урала Ф. Сыромолотова.

Федор Федорович Сыромолотов, коренной уралец и известный деятель революции. В декабре 1917 года он находится в рядах Красной Армии, участвует в боях с армией генерала Дутова. А немного времени спустя Уральский областной комитет поручает Ф.Сыромолотову обязанности комиссара финансов Урала. В этом же 1918 году он избирается председателем Совета народного хозяйства Урала, но вскоре его отзывают в Москву и назначают заместителем народного комиссара финансов.

На обратной стороне рублевика на фоне лавро-

Клуб собирателей

РЕКА ВРЕМЕНИ

М-012

М-012

вых веток изображен набор рабочих и крестьянских инструментов, расположенных попарно: топор и молот, вилы и грабли, коса и серп, кайло и лопата. Внизу, посередине, дата: «1918 г.».

В нижней части – в круге – дано изображение красноармейца с винтовкой и штыком и матроса, выполненное художником В.С. Ульяновым. На ленте бескозырки надпись: «Слава».

Областные кредитные билеты периода Гражданской войны имели черты агитационного плаката. Они мобилизовали население, массы на борьбу с контрреволюцией и интервентами. Когда произошла революция в Германии, исполком областного комитета Урала срочно выпустил часть тиража пятирублевиков с типографской надпечаткой на немецком и русском языках: «В память первого года гражданской борьбы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики – немецкому пролетариату и его вождю Карлу Либкнехту от пламенно-боевого пролетариата Урала».

Да здравствует ясный ум, горячее сердце и молистая рука пролетариата всего мира! Да здравствует коммунизм!»

Следует упомянуть и о штемпелях, нанесенных на части тиража билетов этого выпуска отделениями Государственного Банка – Перми, Челябинска, Екатеринбург, Тюмени.

Например, на зарегистрированном рублевым билете нанесен фиолетовый оттиск штемпеля с текстом: «Государственный Банк. 30 апр. 1919 г. Пермское отделение» – и подпись ответственного лица.

Встречаются также уральские кредитные билеты с оттиском Читинского отделения Государственного Банка. Значит, уральцы в трудные времена помогали и сибирякам.

АЛЕКСАНДРОВА-ЛЕВЕНСОН Анна Яковлевна (урожд. Левенсон; 1856 – 1930), авт. воспоминаний.

Пианистка, педагог; авт. «Воспоминаний о А.Л. Гензельте». \ \ «Русская музыкальная газета», 1914. № 30\31. Стлб. 642-643; доп.: № 36\37. Стлб. 712-713.

ИДРДВ. Т. 5, Ч. 2. № 2115.

АЛЕКСАНДРОВИЧ А. (псевд.; наст. фам. Косач А.Е.), писательница, драматург.

Уч. в Антологии соврем. поэзии. «Чтец-декламатор» Т.4. Изд. 2-е. Киев, 1912; уч. в сб. «Юные силы. Сб. смоленской молодежи» Вып.1. Смоленск, 1910.

Масанов; Розанов; «Кн. В.». 1902. № 15. С.472.

АЛЕКСАНДРОВИЧ Н.

(См. Поливанова Н.А.)

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Екатерина Владимировна (1898 – 1973), автор воспоминаний.

Актриса, дочь Е.П. Корчагиной-Александровской. «У Комиссаржевской: Памят. встречи». \ \ Театр. 1955. № 8. С. 187-189; «Из воспоминаний о матери». - В кн.: «Е.П. Корчагина-Александровская». М., 1955. С.155-223, ил.

ИДРДВ. Т. 4. Ч.4. № 8042, 8105.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Л.И., авт. воспоминаний.

Педагог, жительница Елизаветграда. «Страницы из воспоминаний». \ \ «Дет. восп.». № 11. С. 51-53.

АЛЕКСЕЕВА, авт. воспоминаний.

В журн. «Русское богатство» (1907. № 3) напечатаны воспоминания А. «Среди крестьян» (о работе в украинской деревне в 1905 г. в кач-ве рев. агитатора).

Венгеров. Источ.

АЛЕКСЕЕВА А.

«Вчера где-то плакал рояль...» \ \ Сб. «Новые поэты». Изд. 2. СПб., 1904.

Голубева.

АЛЕКСЕЕВА А.

(См. Левенсон А.А.)

АЛЕКСЕЕВА А.

(См. Сорнева А.А.)

АЛЕКСЕЕВА А.

«Шестьдесят (норвеж. сказка)». М., 1930.

Старцев.

АЛЕКСЕЕВА Анна

Сотр. «Друга Юношества» (1810).

Венгеров, Источ.

АЛЕКСЕЕВА Анна Алексеевна (в замуж. Дуброво; 1856 – после 1934), мемуаристка.

«Из воспоминаний А.А. Алексеевой об Е.И. Росиковой и Ф.Н. Юрковском» (Коммент. Е.Е. Колосова). - В кн.: Юрковский Ф.Н. Булгаков. Роман, написанный в Шлиссельбурге. - Воспоминания и письма. М.-Л., 1933. С. 216-237; «Мученики идеи. Воспоминания Анны Алексеевой-Дуброво». Одесса, 1926. 30 с.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. №№ 1203 (1), 1203 (2).

АЛЕКСЕЕВА Вера Ипполитовна (урожд. Лукьянская; 1874 – 1943), дет. писательница.

Сотр. издат. «Посредник». Писала под псевд. «Лукьянская, В». «Рассказы из истории Греции» М., 1901; «В лесах и полях»; «Дети богача» (По Ч. Диккенсу). М., 1902, изд. 2-е; «Дочь лигийского царя, или Из царства тьмы к царству света. Роман по Сенкевичу» М., 1904; «Друг животных. Зоологическая хрестоматия. Ч.2-я. Для старш. возр. Вып. второй. Жизнь в лесу» М., 1910; Вып. третий. М., 1913; «Маленький оборвыш» (По Гринуву-

(Продолжение на стр. 59)

С.С.Киприн.

Спартак Киприн - художник «Следопыта»

Конец 50-х – начало 60-х годов, увы, уже прошлого, XX века.

Время перемен и надежд. Почему-то постоянное ощущение весны или раннего лета. Мы, молодые, честолюбивые студенты, находимся в каком-то предощущении...

Горячее увлечение утраченными на какое-то время и как бы вновь открытыми достижениями и традициями отечественного и мирового искусства.

Изменения в общественной и культурной жизни страны – выставки, новые книги и особенно журналы.

Одним из значительных явлений в культурной жизни Урала стал выход журнала «Уральский следопыт», который не только прочитывался, но внимательнейшим образом просматривался, ведь в нем работали наши «кумиры»-художники : Волович, Перебатов, Киприн, Казанцев, недолгое время Брусилковский. Что и как они делали на журналь-

ных страницах, было не только интересно, но и созвучно нашим устремлениям.

Со временем большинство художников по разным причинам отошло от журнала, а Спартак Семенович Киприн долгие годы продолжал сотрудничество с «Уральским следопытом». Рисунки, иллюстрации, обложки, выполненные Киприным, были лицом журнала и точно отражали художественные тенденции времени.

Всю свою творческую жизнь Спартак Семенович был предан линогравюре.

Специфические особенности языка сделали линогравюру способной наиболее адекватно выразить определенный мир идей и обрядов, свойственных тому времени. Существовало несомненное единство – образно эмоциональное и стилистическое – между большой черно-белой линогравюрой и произведениями живописи «Сурового стиля».

Уже в ранних работах – «Нефтяники Башки-

Юбилей

Осень в лесу. 1982 г.

П.П.Бажов. Орлиное перо. 1978 г.

РЕКА ВРЕМЕНИ

С.Киприн и художница Е.Гилева в редакции.

рии», «Новоселы», серии «Мои современники» – Киприн осваивает свой мир, вырабатывает присущую ему школу ценностей. Глядя на эти работы через последующее творчество Киприна, нельзя не увидеть некоторой наивности и молодой прямолинейности ранних гравюр. Но тем удивительнее верность себе, которую, несмотря на разнообразные дальнейшие искания, художник сохранит на всем протяжении творческого пути.

Мне повезло: два последних курса в училище Спартак Семенович вел у нас рисунок и композицию, он был руководителем моего диплома.

Со временем оцениваешь умение Спартака Семеновича при твердости своей позиции тактично, ненавязчиво подвести студента через бесконечные поиски и сомнения к нужному решению.

Впоследствии все это я буду наблюдать и при совместной работе в художественном совете, и в многочисленных выставках, наблюдать и учиться умению радоваться чужим работам, умению общения с разными художниками, тому достоинству, которым обладал Спартак Семенович..

Остается в памяти образ светлого, с необычайно доброй и приятной улыбкой человека.

Нынче Спартаку Семеновичу Киприну исполнилось бы 75 лет.

Каменский железный завод. 1976.

ду). М., 1911; в соавт. с Е.Горбуновой: «Для крошечных людей, С рассказами и стихами. Картинки Е.Бем. М., 1912, изд. 3-е; «Жизнь и приключения лягушки-квакушки» (С польск). М., 1915; изд. 4-е. М., 1923; «Приключения Оливера Твиста. Ром Диккенса, в излож. В.Лукианской». М., 1915; «Пьянство - горе наше: Сб. рассказов, стихотворений, изречений и пословиц о вреде вина и пагубе пьянства». М., 1915. Авт.: «Лесные были», «Речной хищник»; «У воды»; «Сказания про дикого графа» (По Эркману-Шатриану).

Масанов; Горбунов-Посадов И.И. О моих учителях и товарищах по работе. - В кн. «Сорок лет служения людям» М., 1925; Указ. загл.

АЛЕКСЕЕВА Е.М., издательница.

Ее издательство «Социал-Демократ» в нач. XX в. издавало книги гл. обр. меньшевиков: Аксельрода, Засулич, Мартова, Рязанова., а также произведения Маркса, Энгельса, Бебеля, Либкнехта, К.Цеткин, Каутского, Лафарга. Издательство имело свои отделения в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе. Ей же принадлежало одесское изд-во «Демос», а также изд-во «Новый мир», тоже имевшее отделения в разл. городах. В нем активно участвовали В.Засулич, П.Маслов, Ю.Ларин.

«Кн. обоз.». 1976, 22 окт. С. 16; «Книга» Сб. 24. С. 132-133.

АЛЕКСЕЕВА Евгения Васильевна (1895 -), поэтесса.

«Дочь писателя» (так сказано в автобиогр.) Училась в Гатчинской жен. гимн. Сотр. в «Рус. инвалиде», «России», «Гатчине», «Сельск. вестн.», «Дамском мире», «Военном сб.». М.б. она авт. стихотв. «Весна» («В тонких березовых ветках запуталась...») - в сб. «Новь». Пг., 1915

Венгеров. Автобиогр.; Голубева.

АЛЕКСЕЕВА М.

(См. Горячковская, М.А.)

АЛЕКСЕЕВА М.А., автор воспоминаний.

Одна из авторов устных воспоминаний, собранных Г.И.Фоминим. - В кн. «Проселочные дороги» Вып. 1. Воронеж, 1914. С.268-283.

ИДРДВ. Т.3. Ч.4. № 7455.

АЛЕКСЕЕВА Мария Васильевна (1892 -)

В соавт. с В.В.Добровольской напис. «Определение малых количеств вредных веществ в атмосферном воздухе». М., 1958.

РНБ.

АЛЕКСЕЕВА Мария Ивановна (- 1884).

Сестра милосердия Крестовоздвиженской общины; зав. приютом «Ясли». Авт. брош. «Ясли», приют для детей рабочего класса». СПб., 1873. В тип. газ. «Новости» в 1884 г. вышел отд. изд. ее Некролог (тир. 200 экз.)

Венгеров. Источ. РНБ.

АЛЕКСЕЕВА Мария Якимовна (урожд. Колногорова; 1847 - 1921), муза писателя Мамина-Сибиряка.

Дочь помощн. управл. Нижне-Тагильских заводов, жена управл. Нижне-Салдинского завода Н.И.Алексеева. Выросла в старообрядческой среде. В доме приезжего инженера получила хорошее образование: знала языки, в подлиннике читала Гете и Бальзака, играла на рояле и пела, имела хороший лит. вкус. Но жизнь в родительском и мужнином доме тяготила ее. В 1878 стала гражданской женой молодого писателя Д.Н.Мамина и сыграла большую роль в его творческом становлении. Помогала понять психологию представителей горно-заводской верхушки, старообрядческой среды,

(Продолжение на стр.73)

Зимой на Басеги

Лыжный маршрут второй категории сложности «Басеги–Ослянка» числится классическим у пермских туристов. Он связывает два горных массива на Среднем Урале. Считается, что название первого произошло от старорусского слова «баский», что значит «красивый», а второго – от слова «ослядь», или «оследина» – «бревно».

Басеги – обобщённый топоним. Так именуют хребт меридионального простираения, включающий в себя три обособленных образования: горы Южные Басеги (851,0м), гору Средний Басег (994,7) и гору Северный Басег (951,9). Они разделены значительными по ширине и длине понижениями. Гора Ослянка наоборот, представляет собой сплошной горный массив, на котором незначительно возвышаются отдельные гребешки.

Урал в своей средней части практически прерывается, поэтому Басеги и Ослянка – весьма заметные горы. Гольцы (безлесые вершины), как бритые затылки паханов, возвышаются над братвой – увалами и низкогорьями, покрытыми тайгой. А меж ними буквально пропилила себе дорогу на запад стремительная и порожистая красавица Усьва.

Такая обособленность вершин в рельефе вкупе с транспортной доступностью привлекают внимание туристов. Особый шик путешествию придаёт отметка «1119,4» горы Ослянки – как никак, высшая точка Среднего Урала. А восхождения на «высшие точки» всегда греют душу туристу. Однако сказать, что это очень популярный туристический район, было бы преувеличением.

Не больше четырёх–пяти групп посещают эти красивейшие места за зиму, и в основном в феврале–марте. Летом народу гораздо больше: горы Басеги полностью находятся на территории одноимённого заповедника, и штатные научные сотрудники регулярно проводят там свои исследования, проходят практику студенты географического факультета Пермского государственного университета.

Наш путь таков: из Перми до Горнозаводска электропоездом, отсюда до поселка Вильва на автобусе, там встаём на лыжи и совершаем траверс всех Басегов, затем переход под гору Ослянку, частично по лесовозной дороге, спуск к заброшенному поселку Большая Ослянка и опять по дороге в поселок городского типа Северный Коспашский, а далее рейсовым автобусом в Кизел и на электричке в Пермь. Два года назад этот маршрут был пройден на снегоходах, только в обратном направлении.

Собралось в поход 8 человек из Горного клуба Перми: 4 парня, 4 девушки. Состав не совсем оптимален для лыжного похода, в смысле девчонок многовато, но как уж получилось. Все из Пермского государственного университета, 7 географов и один биолог.

Западный склон Урала славится своим глубоким снегом, поэтому парни на охотничьих лыжах, только Ренат на лесных – они в 1,5 раза уже. Девчонки, кроме Светы, на солдатских лыжах (ширина сантиметров 7, как у «Бескид», только без стального канта). Света на новинке отечественного рынка – лыжах «Рыбак». По ширине что-то между охотничьими и солдатскими.

Выехали утром из Перми 16 января 2005 года в Горнозаводск. Там на привокзальную площадь к 19.00, в пятницу и воскресенье, подают ПАЗик до посёлка Вильва. На нем за полтора часа мы доехали до места. К сожалению, не увидели Соколюю гору, что возвышается прямо за мостом через реку Вильву.

Пока ехали в автобусе, «местные» завалили нас всякими бестолковыми советами. Какой-то «мутный» дедок с усмешкой поведал нам, что «нцать» лет назад замёрзло шесть туристов. Из всей галиматии, лившейся на нас, можно было почерпнуть лишь искорки полезной информации. Только один товарищ действительно помог нам, проводив по приезду до дома главного инспектора.

Письменного разрешения на посещение у нас не было, его надо получать в администрации заповедника в Гремячинске, что было совсем не по пути. Зато мой научный руководи-

тель составил нам письмо от Русского Географического Общества о том, что мы не просто так приехали, а с целью взять пробы снега. Инспектор и научный сотрудник хорошо знали моего руководителя и отнеслись к нам доброжелательно. Переписали участников похода, снабдили нас важной информацией, показали дороги и подтвердили наличие изб, отмеченных у нас на пятисотметровом плане (квартальная разбивка). Помимо этого плана у нас были генштабовские километровки и двухкилометровый региональный атлас, так что от недостатка картографического материала мы не страдали.

На ночь нам отвели гостевой дом с недавно топленной печью, взяв за ночевку по 18 руб. с человека, а утром пообещали оказию – вахтовый «Урал» уезжал за рабочими на лесосеку, как раз в нужном направлении. С утра из-за этой неожиданной попутки мы не успели доварить завтрак, и пришлось его выкинуть. Зато не пришлось идти пешком 12 километров.

Через пять часов тропёжки, уже порядком устав, мы добрались до искомого кордона. Помимо опрятной избы с большими сенями, обнаружили беседку, бесполезную зимой, и мужник, полезный в лю-

Вершинный купол Осянки.

бое время года. Бортовой журнал показал, что избу довольно часто посещают инспектора из Коростелёвки (в 3-х км) – последний раз были 4 дня назад. Мы, как порядочные туристы, тоже отметились.

Следующий день нас встретил такой погодой, о которой мечтает в сладких снах турист. Робкий ярко-красный диск солнца крался к верхушкам белоснежных елей, а облака у горизонта всё больше набухали алой кровью рассвета и, как вата, растворяли её в себе. Я был просто бесконечно счастлив в тот миг и преисполнен благодарности жизни за то, что она есть. Никакие восхождения не приносят мне такого морального удовлетворения, как эти драгоценные минуты.

После подъёма к подножию гор Южного Басега открылся бесконечный вид на восток – настолько прозрачен был воздух. Виден был Мясной камень и более близкий, но не выразительный, Дикий камень.

Этот чудесный день мы посвятили траверсу Южного Басега по восточному склону. Северная оконечность этого хребта очень похожа на Таганайский Откликной гребень. Затем прошли мимо живописной скалы Дикарь и стали искать таинственный фургон на большом субальпийском лугу по пути к Среднему Басегу, маячившему на севере. Он оказался на опушке криволесья и был почти полностью заметён снегом. Опылительным знаком, как нас и предупреждали, послужила высоко торчавшая труба. Первое проникновение произошло через форточку, лишь позже отвоёвали дверь. Интерьер в стиле «тайга-закон»: нары и печка, сделанная из бочки.

Чтоб не замёрзнуть, приходилось топить печку всю ночь, а она, душегубка, никак не хотела дымить в трубу и всё норовила выкурить нас под холодное ночное небо. Наверное, так душили людей в Освенциме. Вечером пришлось продублировать её костром за дверью, иначе ужина мы бы не дождались. Ночным кочегаром-«эсэсовцем» волею судеб оказался Ренат, как непоместившийся на нары и как обладатель самого тёплого спальника. Он спал на рюкзаках, и иногда ночью я ему завидовал – «дымовые атаки» на нарах были ужасны.

Несмотря на «козни кочегара», утром все проснулись, плохо только, что не в полном здравии и, наверное, с помутившимся от дыма рассудком. Небо тем временем постепенно затянуло мрачные низкие об-

лака, скрывшие от нас все окружающие горы. Планируемое восхождение на Средний Басег пришлось отменить. Мы стали обруливать вершину по лесу с востока, изредка наблюдая в прогалах между деревьями крутой восточный склон.

Вышли к северо-восточным отрогам Среднего Басега, но немного ошиблись с направлением и оказались на гребне, круто спускавшемся к северу. Но нет худа без добра: открывшийся вид дал возможность полноценно сориентироваться. Во всей пасмурной красе предстали Басежата, а на севере виднелся последний оплот Басежской гряды – Северный Басег, точнее, его нижняя половина, не закрытая пеленой облаков. На огромной поляне его юго-западного склона уже угадывались очертания домов, где мы рассчитывали переночевать.

Небольшой, но крутой спуск показал, насколько плохо обстоит в нашей команде дело с этим элементом лыжной техники. Как ледник оставляет борозды выпаживания в своём ложе, так и полкоманды оставили после себя замечательные каналы. «Героем матча» стал Лёха, получивший к тому времени кличку «Чесночник» за любовь к этому ароматному «фрукту». Он весь склон избородил своей задницей и так засадил лыжную палку в какой-то сугроб, что её искали минут пятнадцать.

Заночевали в хорошем доме: огромные нары, вместительная буржуйка, поленница дров и как бонус – полторы буханки мороженого хлеба под потолком. Это была превосходная ночёвка, особенно после фургона. Полноценно отдохнули и полностью просушились.

На следующий день была такая же пасмурная погода, и, обогнув Северный Басег, мы взяли направление на северо-восток, к устью реки Порожной, куда выходила нужная нам лесовозная дорога. Но по пути выбрались, как нам сначала показалось, на большую вырубку.

В августе 2003 года прошёл смерч и полосой длиной более семи километров скопил лес. Ширина основной струи около пятисот–семисот метров – там лес просто выдран, как будто великан сорняки полон на своей таёжной грядке, а на периферии (по километру в стороны) выстоял только самый крепкий лес. Не

Вывал леса.

дай бог сунуться в эти места летом. Зимой же они всё-таки проходимы, но удовольствия мало. Вообще, такое природное явление, как смерч, для Урала нехарактерно и происходит редко. Поэтому можно сказать, что нам повезло не только увидеть, но и преодолеть.

Вскоре вышли на Порожнюю. Лыжи, слава Богу, никто не сломал. Промажнулись с устьем солидно – вниз по реке пришлось спускаться два с половиной километра. Но это оказалось лучше, чем если бы шли прямо на устье, ибо направление совпало с вывалом. Глубокий снег на реке всё же лучше бурелома.

Пересечь вывал, однако, нам было суждено ещё раз. Он прошёлся над рекой и был в этом месте на несколько сотен метров уже, и поэтому всю свою дурную силу вложил в основную струю. Как машинка на голове новобранца выстригает дорожку волос, так и здесь вихрь небрежно проехался по матушке-земле, оставив после себя такой хаос, каким не могут «похвастаться» даже российские вырубки леса. Впечатление усиливается от того, что один берег круто спускается к реке и на вывал можно посмотреть как будто сверху. Выстояли в борьбе со стихией только могучие кедровые – с обломанными верхушками они походили на склонивших голову, но не поверженных витязей.

Один-единственный завал на реке заставил нас вылезти на хаос береговых брёвен. Жалкие 60 метров мы обходили полчаса. И опять выматывающая тропёжка: триста шагов сам – уступи место товарищу. А устье куда-то пропало. Оно, как всегда, появилось неожиданно в каком-то непредсказуемом месте. Метров пятьсот затем спускались вниз по реке Усьве до разрушенного моста. Вылезли на северный берег, прошли 4–5 километров и встали лагерем прямо на дороге.

Следующий день подарил нам опять тёплую и пасмурную погоду. Впереди скучная тропёжка по дороге и выход под гору Одинокую, что рядом с Ослянкой. Там, по проверенным данным, находится изба, и нам кровь из носа как хотелось в неё попасть. В хорошую погоду гора Одинокая, как маяк среди океана тайги – не промахнёшься. Но нас природа в тот день решила экзаменовывать на профпригодность. И мы его сдали. Уже в сумерках мы подошли к избе, ориентируясь только по компасу.

Облака тем временем стали рассеиваться, и мы увидели прямо перед собой красивую крутосклонную гору с печально-романтическим названием «Одинокая». А за «спиной» у неё стала проглядываться Ослянка.

Погода следующим утром окончательно установилась на отметку «прекрасная», и, встав на лыжи, мы начали путь к вершине Ослянки, траверсом обходя Одинокую с юга. Ясное голубое небо, по которому мы так соскучились, радовало глаз, а низкое

зимнее солнце освещало массивную, лоснящуюся от света тушу Ослянки. Налицо все условия для восхождения! Мы прошли среди застывшего белого воинства елей по седловине между вершинами и стали взбираться с юго-востока на Ослянку. Сразу стал неприятно докучать довольно сильный западный ветер, пришлось надеть маски. И почти тут же пришлось снять лыжи из-за начавшегося крутого склона. Да и идти по плотному фирну, пытаясь ставить на ребро охотничьи лыжи, – сущее издевательство.

Сначала залезли на красивый скальный гребень к югу от главной вершины. Открылся потрясающий вид на Басеги. Из плоской белесой пелены облаков торчали две треугольные вершины Северного и Южного Басегов. Из-за такой иллюминации казалось, что в них, как минимум, пара-тройка тысяч метров высоты. Холмистый запад терялся у горизонта в дымке, а прямо под нами несла свои воды могучая Косьва, петляя змейкой среди уральских предгорий. На юго-востоке, вся в лучах полуденного солнца, очаровательно сверкала крутыми боками Одинокая. Чуть к севе-

Подножие Ослянки.

ру от восточного направления высилась громада Конжаковского камня, а рядом «толпилась» его свита: Косьвинский и Казанский камни.

Высшая точка Ослянки оказалась на удивление невыразительной, и тура мы не нашли, но шоколадку по традиции съели. И сфоткались, естественно. Внизу между увалов, на берегу Косьвы, стал виден забытый Богом и людьми посёлок Большая Ослянка, в который к вечеру мы хотели попасть. Сброс высоты предстоял солидный: с 1119,4 до 264,8 м. Стали спускаться на дорогу из Камня (ещё один заброшенный посёлок) в Большую Ослянку. В этих местах жили ссыльнопоселенцы, но в 90-е годы всех их отпустили. Только остались гнить пустые дома.

Слезли с вершинного купола, надели лыжи, и началось... Просто безграничное наслаждение ехать по снежной трехсантиметровой целине, закладывая на неуклюжих охотничьих лыжах подобие виражей. Но

У подножия Ослянки.

не всем было так радостно. Света, похоже, имела что-то личное против виражей и торможения, поэтому ехала строго прямо и, набрав скорость, останавливалась исключительно падениями. Некоторые из них выполнялись настолько по-каскадёрски профессионально, что я жалел, что нет видеокамеры, чтобы записать всё это «безобразия».

Ветер исчез, как только стали спускаться, и только свистел в ушах при езде, солнце ласково грело, лыжи послушно резали податливый снег, неслись мимо пейзажи и товарищи. Кайф! Чем не горнолыжный курорт?

Вечерело. За спиной маячил покрасневший, как нашкодивший первоклассник, массив Ослянки. Мы спускались по дороге к посёлку. Первые дома вынырнули как всегда внезапно, не чувствовалось, что уже спустились к Косью. Я и Артём зашли в них, на предмет ночлега. Тёма угодил в свинарник, в прямом смысле этого слова, я же попал в жилой дом, где была буржуйка, железные кровати, да только это был свинарник в переносном смысле слова: содранные обои, осыпавшийся потолок, выбитая форточка, кровати лезут на стены, и главное, какое-то гадкое ощущение покинутости.

Солнце село. В разрывах туч переливались какие-то грязно-красные полотнища, а перед нами открылся покинутый и отдаленный на поругание посёлок: пустые глазницы окон, бездумно глядящие на сумеречных гостей, а если зовущая пустота была заколочена досками, то молчаливый упрёк читался на покосившихся брёвнах; прогнившие насквозь и обвалившиеся крыши барачков; какие-то непонятные, с башенками, строения на берегу, словно последние зубы старухи. Всё это страшно и печально, особенно под багровыми стягами на вечернем небе. Я опять окинул взглядом всё вокруг и представил, как здесь когда-то бурлила жизнь, ходили и месили извечную грязь промысловых по-

сёлков люди в извечных галошах и сапогах, замызганных фуфайках и кепях, в глухой затылок курили сигарки и, харкая слюзью от ядерного табака, запрыгивали в опять же забрызганные по зеркала кабины длинных лесовозов и, сопровождаемые глухим рёвом надрывающихся моторов, уезжали в тайгу. «Неужели это было..., неужели это было так давно».

Пройдя по дороге дальше, мы увидели два дымных столба на дальнем краю поселка. Пейзаж уже не занимал наши умы – как магнитом тянул к себе поднимавшийся дым, обещающий кров и пищу.

К многосемейному барачку, в одном крыле которого теплилась жизнь, мы подошли по свежей лыжне. Расчищенные тропки, откопанный от снега бортовой «Урал» с паяльной лампой у колеса указывали, что хозяева – не случайные здесь люди. А грузовик поселил надежду – вдруг подвезут. Подошёл бородатый старик из бани (второй дымок), и мы познакомились. Оказалось, жильцов двое. Второй – мужик лет 35-ти.

Приняли они нас без особого радушия, но и за порог не выставили. Сказали, что работают в лесной службе, охраняют лес (от кого? дорог нет!). Скорее уж технику сторожат: «Урал», да может, и «буран» где-то стоит – в снях от него гусеницы валялись. Ещё сказали, что туристов в этом году не было, да и вообще зимой их очень мало, а дорога в Северный Коспашский не чистится уже который год, лыжня их – только до разрушенного моста через Косью, и на «Урале», конечно же, они никуда ехать не собираются.

Утро обрадовало температурой – 28°C и кристально чистым небом. Ослянка казалась каким-то инородным телом на горизонте.

Этот и следующий день мы посвятили тропёжке до Северного Коспашского – депрессивного угольного посёлка, держащегося на единственной шахте. Оттуда сразу уехали на рейсовом автобусе в Кизел, там переночевали, а на следующий день, 25 января, на электричке уехали в Пермь.

Вид с Ослянки на Басег.

Купола – словно в вальсе кружатся в спирали.
Купола – вас любили и вас проклинали...
Но без вас наша жизнь так скучна, так мала...
Купола, купола, купола...

Лада Баламут

Татьяна НИКОЛАЕВА,
при поддержке лётной школы «Зурги»
<http://www.zoorgy.ru/>
zoorgy@zoorgy.ru

КУПОЛА

Разноцветные лепестки крыльев на фоне ярко-голубого неба. Писк анемометра (высотомера), а порой и истошный его визг (первое в случае набора высоты, второе – в случае заметной ее потери). Запах трав и нагретой солнцем земли на посадке.

Это лирический ответ на вопрос, что такое параплан. Ответ практический: параплан – самый легкий и компактный летательный аппарат. Благодаря специальной форме крыла и большому его удлинению парапланы имеют скорость снижения всего около 1 м/с (для сравнения: у парашюта Д-6, на котором совершают первые прыжки, скорость снижения около 5 м/с). Небольшая скорость снижения позволяет параплану набирать высоту в любом потоке воздуха, который поднимается вверх со скоростью больше 1 м/с. Как результат, пилот может часами оставаться в воздухе, набирать высоту, совершать маршрутные полеты.

фото Анастасии РУНИЧ,
Михаила и Натальи БРОВКИНЫХ,
Константина ДУРНЕВА,
Максима ГРИШАНКОВА

Первые парапланеристы, судя по рассказам старых пилотов, появились в Екатеринбурге уже добрый десяток лет назад. Впрочем, тогда их можно было пересчитать по пальцам. Причем хватило бы пальцев на одной руке. Знакомились пилоты примерно так: покупал, допустим, один человек в Москве параплан. Ему там же, в Москве, давали телефон другого человека на Урале, который уже вроде как немного летает и на первых порах поможет. Или по-другому. Например, приходит начинающий парапланерист в спортивный магазин, говорит: парни, я параплан купил... Там сначала крутят пальцем у виска, потом вспоминают: у коллег в соседнем магазине один тоже вроде парапланерист. Приходит новичок к другим экстремалам, спрашивает: ну, кто тут у вас парапланерист? Ему в ответ с ехидными усмешками показывают на человека, что сидит на своем рабочем месте с ногой в гипсе. Мол, мог бы и сам догадаться!

*Каково ей там
На куполе радужном
Под облаками?**

Мне, в общем, повезло. В те легендарные времена я была юна и даже слова такого – «параплан» не слышала. А когда услышала и увидела, опытные пилоты в Екатеринбурге уже были. Они слишком хорошо помнили, что это такое – учиться на собственных ошибках. И их вердикт был однозначен: хочешь летать – отправляйся в парапланерную школу.

Школы есть там, есть сям, и такие, и сякие – всякие. Есть и у нас, в Екатеринбурге. Но я себе выбрала в Крыму. Во-первых, там есть хорошая гора для обучения. Во-вторых, погода летом, как правило, достаточно стабильная и за отпуск там можно вполне пройти начальный курс. Ну, и в третьих, там море и солнце, а у меня все-таки отпуск! Правда, как потом оказалось, море рядом, но купаешься в нем только вечерами и ночами, потому что днем все время проводишь на горе. А солнце – это, конечно, хорошо, но когда после самых первых полетов (а первые полеты – это только вниз) возвращаешься по тридцатиградусной жаре на гору с парапланом – развлечение еще то, я вам скажу! Начальный курс обучения пилота-парапланериста включает в себя как теоретическую, так и практическую часть. Если в первой вам напоминают школьный курс физики, и не только, рассказывают, как параплан летает, что следует делать в различных нештатных ситуациях, и не только, то практическая часть – это, собственно, полеты. Которые начинаются с наземных тренировок – подъем купола, потом первый полет вниз (странно, но у меня этот полуминутный полет с горки, где перепад высоты около 90 метров, вызвал куда больше эмоций, чем первый прыжок с парашютом!), и, наконец, первые парящие полеты...

*Вид развернулся
Земли, облаков и птиц.
Ликует душа.**

Страх, переходящий в восторг – первые ощущения от парящих полетов. И голос инструктора в рации: «ну, вот видишь, у тебя все получается!». Выводы, которые я сделала для себя после парапланерной школы – во-первых, учиться еще есть чему, а чтобы учиться – надо летать. Ну, а чтобы летать, нужно покупать свой купол. Выбор и покупка собственного крыла – это вопрос крайне серьезный. Начнем с того, что в комплект снаряжения парапланериста входят не только само крыло (параплан), но и подвеска, в которой сидит пилот, запасной парашют и шлем. Список необходимых вещей можно продолжить, но вышеперечисленное – это то, что действительно жизненно необходимо. Комплект нового снаряжения обойдется в среднем в две тысячи евро (плюс-минус). Параплан б/у – это тема отдельного разговора, но покупать такое снаряжение без совета знающего человека, мягко говоря, неразумно. Кроме того, стоит учесть, что парапланы бывают разных классов – «standart», «performance», «competition». Если первые – для начинающих пилотов и пилотов «выходного дня», вторые – для, скажем так, продвинутых пилотов, то третьи – действительно купола для серьезных людей, профессионалов, которым результат на соревнованиях важнее безопасности.

Что касается вопроса: «а где же летать?», – то уральских парапланеристов летом чаще всего можно застать в двух местах – Аушкуль и Аскароро.

Аушкуль (Башкирия) – это 350 км от Екатеринбурга.

Хребет под западный и северо-западный ветер, и горка под юг, восток и юго-запад. Красивое озеро, где

всегда можно встать палаточным лагерьем. Еще года три назад в это летное место регулярно ездили 2–3 человека. Теперь там вполне можно обнаружить компанию из двух-трех десятков пара- и дельтапланеристов из Екатеринбурга, Челябинска и Миасса.

Аскароро. Тоже Башкирия. Но немного подальше, чем Аушкуль – еще километров на 300. Давно известный дельтадром, где уже несколько десятков лет летают дельтапланеристы, проводят там соревнования – вплоть до Чемпионата России. Основные направления – запад и восток.

А ещё есть множество гор поменьше, так сказать, «горки выходного дня». Находятся они в районе Полевского, Михайловска, Верхнего Уфалея, Ревды и пр. До них ехать поближе, но и летать там не так удобно, как в Уральской Швейцарии (Башкирии).

*Небо чуть шире,
Чем место для полетов.
Помни об этом.**

А страх... Страх еще вернется. Когда будешь бежать на помощь кому-то из друзей, а может, и незнакомому пилоту, и думать: «Только бы живой». ЛП – сокращение, знакомое каждому парапланеристу. «Летное происшествие». И чаще виноват в нем сам

пилот. Недооценил погодные условия. Переоценил свои силы. Расслабился. В конце концов, не надел шлем – потому что решил, что при тренировке с куполом на земле в этом нет необходимости...

Свести к минимуму вероятность ЛП призвана активная и пассивная безопасность. Если под активной безопасностью принято подразумевать знания и навыки пилота по действиям в «нештатной» ситуации (вряд ли удивлю кого-нибудь замечанием, что своевременно брошенный запасной парашют спасает жизнь), то пассивная безопасность – это безопасность снаряжения. Это и парапланерный, а не мото- или велошлем, и соответствие уровня подготовки пилота классу его крыла, и подвеска с протектором, которая при неудачной посадке (грубо говоря, падении на пятую точку) спасет от серьезных повреждений. Это я все к тому, что на безопасности экономить не стоит. Когда летаешь в Аскароро, порой даже с воздуха видны блестящие на солнце таблички с именами погибших дельтапланеристов...

*Осень приходит.
Крылья сложим на время.
Лета ждут птицы.**

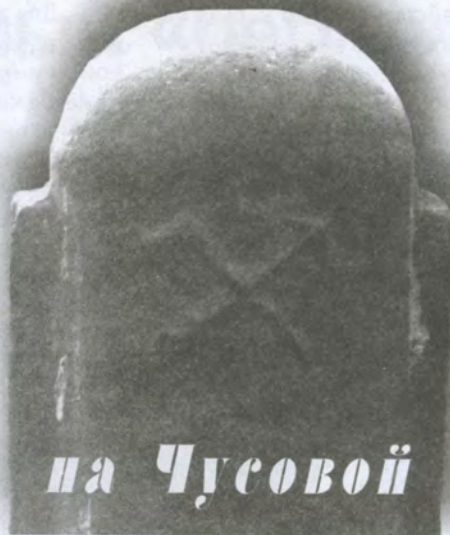
По моим наблюдениям, ждать лета парапланеристы начинают уже в конце октября. Понимая, что ждать придется долго, едут осенью и зимой летать в Турцию, Индию или Непал. Впрочем, зимой можно летать и у нас. Есть такое устройство для полетов на равнине, как лебедка (этой зимой ее можно было увидеть как на Визовском пруду, так и на пруду города Заречного),

да и динамик в зимнее время никто не отменял. Но стоит учитывать, что холодно может быть не только пилотам, но и параплану. Температура ниже –12 не слишком полезна для ткани, из которой шито крыло.

Но вот выглядывает весеннее солнышко – пусть еще робкое, но настоящее, весеннее... И я знаю, что будет дальше. Звонки друг другу со словами: «А ты видел прогноз на выходные? Значит, едем на полеты!» Более того, даже если прогнозы не слишком радуют, мы все равно собираемся и едем. Потому что где-то в глубине души всегда верим: полеты будут.

* Хокку авторов Katy, Лада и the Pilot.

Причальные столбы на Чусовой

В журнале «Уральский следопыт», в № 7 за 2004 год, в статье «Гавани на Чусовой» сообщалось, что на стрелке при впадении речки Ревды в Чусовую сохранился единственный, вкопанный в землю, чугунный столб для причаливания барок. Впервые я увидел этот причальный столб, совершая вместе с археологами обход прибрежных чусовских мест в пригородах Ревды. На стрелке при впадении реки Ревды сделали небольшую ямку и обнаружили старый шлак. Здесь на хорошо продуваемом месте находились древние металлургические печи. Четыре года я

собирался сфотографировать это интересное место.

И вот в сентябре 2004 года я вновь оказался на стрелке речки Ревды. Но что такое? Нет причального столба. Как нам сказал местный житель, его убрали, когда ставили опору новой ЛЭП для Средне-Уральского медеплавильного завода. Неужели отправили на переплавку в металл? Но все-таки решили зайти в ревдинский музей «Демидов-центр». И здесь мне повезло: столб лежал при входе, удалось сделать эскиз и фотографии.

В архиве пока не удалось найти ни чертежей, ни сведений о том, где делались эти причальные столбы. Они имеют оригинальное конструкторское решение. На конце столба - винт, имеющий форму усеченного конуса. В землю они ввинчивались с помощью развертки, которая вставлялась в столб. Он входил в землю на полтора метра.

Яков Авраамиевич Рогов в «Заметках во время плавания по реке Чусовой» («Журнал

Причальный столб. Музей «Демидов-центр». Фото М.Гимадиева.

Вверху: столб на стрелке слияния Ревды с Чусовой. Фото Ю.Н.Копытова.

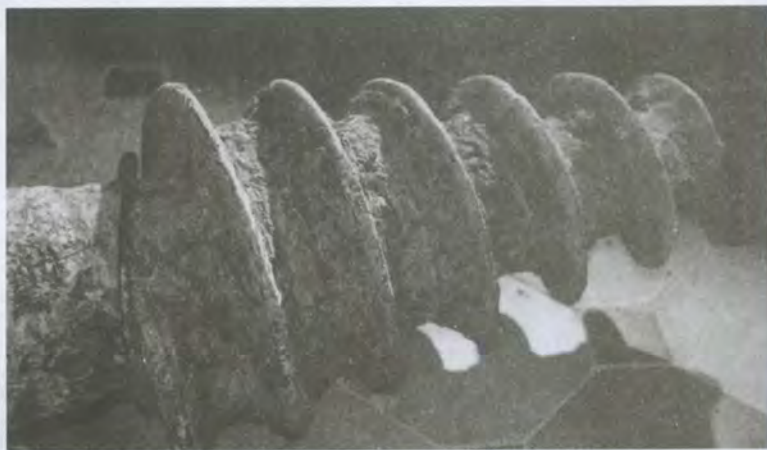
Министерства внутренних дел», 1851, март) приводит пример, как порой трудно было причаливать барки к берегу: «Исполнение этого приказа бывает иногда любопытно и сопровождается такими оригинальными действиями, что нельзя не упомянуть о том особо. Услышав распоряжение к остановке, один из рабочих, отличающийся расторопностью, соскакивает в лодку и берет конец снасти толщиной до вершка в диаметре; к нему присоединяются еще двое, и все они вместе, после великих усилий, пристают к берегу. Тут один из рабочих, выскочив на берег, бежит с концом снасти к первому, более значительному дереву и старается прикрепить к нему веревку. Если дерево трещит и оказывается ненадежным, то судно все плывет и все больше и больше утягивает снасть, а рабочий бежит по берегу или бредет разливом реки по поясу и пробует завернуть снасть за другое крепкое дерево. Иногда и это дерево не выдерживает силы течения, вырывается с корнем и уносится вслед за судном; тогда рабочие выплывают с другим толстым запасным канатом и поступают таким же образом. Во все это время лоцманский помощник другим концом каната постепенно сдерживает ход судна, обернув снасть о кормовой ухват и «трава» ее понемногу. При этом трение бывает столь сильно, что ухват может мгновенно вспыхнуть; в предупреждение чего его обливают водой вместе с канатом. Но это еще не все: от неискусства рабочих работа эта иногда сопровождается несчастными случаями. Вот так-то и на нашем судне одному из рабочих по его неосторожности раздавило ногу канатом об упомянутый ухват, и выбросило его самого на воду; малой, однако, успел ухватиться за снасть и, не выпуская ее из рук, благополучно вышел на берег. Бойкость и расторопность русского человека вполне выказывается при подобных случаях».

В 1889 году в Санкт-Петербурге в типографии и литографии Муллера и Богельмана вышла в свет книга под редакцией В. М. Лохтина «Река Чусовая». Владимир Михайлович написал вступительную статью и две главы: «Сплав по р. Чусовой горнозаводских караванов» и «Описание русла р. Чусовой от Демидовой-Утки до ст. Чусовой горноз. жел. дор. и приемов управления баркой». Автором главы «Описание русла р. Чусовой от устья р. Ревды до Демидовой-Утки и приемов управления баркой» является инженер В. Рейнах.

В книге говорится о прохождении судов возле скал Ершик, Красная Глинка, Черный и деревни

Сажинной: «В описанной части реки Чусовой иногда приходится останавливаться Ревдинскому каравану, если опоздают выпуском из прудов или в случае несчастий с судами, которые нужно исправить. Для хватки судов поставлены столбы слева ниже Барановой, на Лебедевом лугу (ниже Красной Глинки слева же), ниже Черного камня и ниже Сажинского паромы, а также в плесе выше Демина песка, где кроме столбов можно хвататься за растущий по берегу лес».

И далее описано все русло Чусовой с опасными бойцами, подводными камнями, с какой стороны лучше обходить острова, где лучше причаливать барки на ночь. Например: «От Боярского камня начинается плёсо Волчик с удобной хваткой по обоим берегам; для этого служит лес, а пониже – расставленные столбы. По плесу идут

Винт причального столба. Фото М.Гимадиева

серединой, а подходя к мысу у Становой горы, приближаются на 1 саж. к бровке; повернув на мыс, идут опять серединой до камня Танькина и огибают поворот у этого камня на 1/3 ширины реки».

После завершения в 1909 году строительства железной дороги Пермь – Кунгур – Екатеринбург сплав барок по реке оказался невыгодным и для Ревдинского, Васильево-Шайтанского, Билимбаевского, Уткинского Стенбок-Фермор заводов, стоящих рядом с Чусовой. Металлургические предприятия стали круглый год доставлять заказчикам свою продукцию по железнодорожной магистрали, что приводило к лучшему обороту денег. Ведь ранее эти заводы отправляли свои изделия только весной, а в остальное время года они лежали «мертвым» грузом.

После того, как барки по Чусовой не стали сплавляться, чугунные причальные столбы извлекли и переплавили в металл. Остался единственный причальный столб, хранящийся теперь в экспозиции музея «Демидов-центр» в Ревде.

Вечный «бегун», или Необычная картотека «Следопыта»

Газета живет день, журнал – год! Эта фраза за- пала в мою голову еще в раннем детстве, а ро- дился я в небольшом поселке Рудничный, на гра- нице Среднего и Северного Урала, у города Крас- нотурьинска Свердловской области. Поселок по- чему-то называли «Арбах» (правильно Ауэрба- ховский), город – то Турьинскими рудниками, то Шахтой. За небольшим логом от нашего двора из четырех домов, принадлежащих Воронцовской геологической партии, начиналась тайга с кедр- ами и какими-то старыми отвалами и карьерами.

В школе-восьмилетке, куда мне пришлось пойти учиться, в маленькой комнатке-библиоте- ке площадью в несколько квадратных метров, мне не смогли дать книг ни о природе, ни о родном поселке.

Помощь пришла совершенно неожиданно. В

сарая, где лежали дрова и смолье для растопки, в старом шкафу я случайно наткнулся на журна- лы «Уральский следопыт». Они стояли аккуратны- ми рядами, завернутые в газеты – ровно по 12 в каждой пачке.

В журналах оказалась масса рисунков, фото- графий и небольших простых для восприятия ста- теек. Тут тебе и камни, и растения, и советы, и люди-герои. И все родное – уральское, а главное, сколько всего нового и незнакомого!

Оказывается, на Урале воевали китайцы, были землетрясения, а растение сусак зонтичный мож- но есть. Просто энциклопедия какая-то! Всем этим хочется поделиться со школьными друзьями, а вот тут-то и произошла заминка. Расскажешь что-то очень интересное, прочитанное в журнале, а тебе в ответ: «Врешь! Покажи, где написано!». Бежишь

Г.П.Ерохин.

Н.Г.Ерохин.

домой, лихорадочно листаешь в сарае одну стопку, другую, да где там! Журналов-то больше сотни. Попробуй быстро найти. И как ответ на это: «Врун, врун!». Такое в детстве запоминается надолго.

Вот бы сделать так, чтобы можно было быстро найти в журнале нужную информацию. Для начала выяснил, что в последний, двенадцатый номер вкладывалась отдельная книжка «Указатель статей за ... год», а позже указатель печатался прямо в последнем номере журнала. Попробовал использовать – не получается. Не всегда заголовок отражал содержание статьи. Что делать? Стал советоваться с отцом.

Мой отец, Геннадий Петрович Ерохин, работал техником-геологом в уже упоминавшейся геологической партии, там же работала и мать, Екатерина Ильинична. Она была сначала бухгалтером, а затем заведующей базой всей партии и содержала хозяйство в образцовом порядке. Вот почему и журналы стояли ровными стопочками и без единой потери с самого первого (последованного) номера, то есть с апреля 1958 года.

Подумали мы и решили, что надо создавать более подробный указатель. За основу взяли такой же тематический, но более подробный: тут тебе и «Геологи Урала» и «Метеорологические явления», и «Растения», и «Гражданская война»... Героическими усилиями сделали описание 7-летнего комплекта. Вскоре нам это наскучило, а вдобавок ко всему пользоваться таким указателем оказалось не удобнее, чем публикуемым.

В 1972 году по состоянию здоровья отца пришлось уехать с севера области. Вердикт врачей был суров: «Хотите жить – переезжайте южнее и меняйте работу!». Так мы переехали в Свердловск, отец стал работать главным геологом, а затем начальником планового отдела объединения «Уралзолото». А я по-прежнему интересовался краем, геологией, природой, историей и, наконец, поступил на географо-биологический факультет Свердловского государственного педагогического института.

Вот тут-то я и узнал, что к выпускам «Записок уральского общества любителей естествознания» был опубликован указатель, составленный Петром Петровичем Макаровым, преподавателем математики Свердловского горного института. А еще раньше к труду краеведа В.Н.Шишонко «Пермская летопись» были сделаны и опубликованы указатели личных имен и географических объектов (автор А.Н.Колотилов).

Вот оно, то, что надо, ведь почти любое событие связано с именем человека или местностью. Указатель к «Уральскому следопыту» должен быть именованным и географическим. Это «жестко», удобно и «энциклопедично». А журнал имеет четкий год выхода, номер и страницу с информацией. Взять по две цифры от года, номера и страницы – вот тебе и четкий шестизначный код-ссылка, где

и что искать. Работа, скорее всего, будет титаническая. Начать лучше с именного указателя, так сказать, «персоналии» «Уральского следопыта».

И вот с 11 апреля 1982 года работа закипела. За основу взяли половину стандартной карточки от советской ЭВМ. Стандартно, жестко и компактно. И использованные карточки – не дефицит, журналы в четком порядке стоят в шкафу. Для начала журнал прочитывался и на полях отмечались встреченные фамилии людей и их краткая биография. Затем ручку в руки – и вперед. Номер за номером, номер за номером. С семи вечера до часу ночи, каждый день, около 300 фамилий...

К сожалению, возраст сделал свое дело, уже с майского номера 1959 года работу пришлось делать одному – отцу стало не до того. Зато мне все это очень понравилось, масса интереснейшей информации четко укладывалась в голову и указателе, и уже через пару лет тысячи фамилий и судеб из этой картотеки шли по жизни вместе со мной.

Иногда работу приходилось приостанавливать: то институт закончить, то в школе учителем поработать, то в армию сходить. А новые номера журнала выходили и выходили, и мне, как бегуну из задачника, приходилось догонять все новые выпуски.

В конце концов, в июне 1986 года «бегун» догнал постоянно уходящий (выходящий) журнал и передал «именную картотеку» «Уральскому следопыту».

В отдельном шкафу и отдельном чемодане по алфавиту было расставлено 50000 карточек на 30000 фамилий. Картотека начала свою следопытскую жизнь сначала на улице 8-е Марта, 22в, а затем – Декабристов, 67. В новых номерах журнала стали появляться ссылки на материалы, опубликованные ранее. На карточках – отметки пользователей. Значит, картотека работает.

Время шло. Моя работа была разной, но при этом я всегда оставался патриотом Урала. Как ни странно, но, обладая богатым краеведческим материалом, делился им только в устной форме. Даже в любимом «Уральском следопыте» не напечатал ни одной статьи. Хотя были экспедиции и в тундру Ямала, и в пещеры Урала, и раскопки мамонтов, и древних поселений, восхождения в горы, и сплавы по рекам, работы по поиску останков семьи последнего русского царя, и целые программы работ по экологическому образованию...

Картотека же, как и «Следопыт», жила своей жизнью, и отнюдь не всегда безоблачной. Как и нашу страну, журнал «бросало» из стороны в сторону, было и резкое падение тиража, и совмещение номеров, и смена редакторов... Однако, проходя по улице Декабристов мимо редакции, я видел: «жив Курилка». И вот в апреле 2002 года не утерпел. Зашел.

Увы, встреча не была радостной, скорее, печальной. Тяжелые времена нанесли указателю почти смертельный удар. При аварии здания картотека была залита водой, масса карточек спеклась в «брикеты», часть картотеки была потеряна безвозвратно, а это 20% карточек!

Беда одна не ходит. В сентябре того же года мне пришлось отправить в последний путь на родину, в поселок Висим, отца – Геннадия Петровича Ерохина... Впору отчаяться.

Но время лечит. Вернулся и к картотеке. Современные методы обработки информации теперь базируются на электронных (компьютерных) базах данных. Предстояло перевести указатель на современный уровень, восстанавливать потерянное и дополнять информацией из новых номеров. Значит, опять бежать «бегуну».

Моя семидесятилетняя матушка в хозяйственной сумке за несколько заходов доставила ко мне бережно хранимые полтысячи номеров журнала...

А вот и 70-летие. «Бегун» все еще в пути, хотя он почти пересек планку тысячелетия (2000 год).

Каково содержание теперь уже компьютерной «именной картотеки «Уральского следопыта»?

За это время на страницах журнала «побывали» 55 000 человек (100 500 строк базы данных). Это широкое поле исходного поиска для самых различных направлений краеведческой работы. В этой поистине энциклопедической выборке упоминаются и горные деятели всех рангов, и ученые, и медики, инженеры, рабочие, крестьяне, репрессированные и их палачи, и многие, многие другие. Все они оставили свой след в истории, а некоторые – только на страницах этого журнала.

Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы, как истории планет... (Е.Евтушенко).

Мне хотелось бы закончить «Именной указатель «Уральского следопыта» за 50 лет. 1958-2008» к апрелю 2008 года и выпустить дополнительный 13 номер подписчикам журнала с этим каталогом. Сделать истинный подарок патриотам журнала. Пусть, благодаря каталогу, журнал живет долго-долго.

Эта статья – дань уважения «Уральскому следопыту» и моему отцу.

ориентироваться в поступках и интригах этого круга людей. Была домашним редактором первых сочинений Мамина-Сибиряка. Писатель дорожил ее мнением, руководствовался советами. Ее дом в Екатеринбурге (ныне музей писателя) был культурным центром местной интеллигенции. Отдавая должное влиянию жены, Мамин-Сибиряк писал: «В моих рассказах добрая половина принадлежит ей». Жизнь А. до встречи с Маминым описана им в незавершенном романе «Омут», где А. выведена под именем Марьи Кирилловны Останиной.

Дергачев И. Д.Н.Мамин-Сибиряк. Личность, творчество. 2-е изд. Св., 1981 (портр). Щенников Г.К. Лит. деюбты Д.Н.Мамина-Сибиряка \ Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч. в 20 тт. Т.1.Екат., 2002. С. 885-888.

АЛЕКСЕЕВА Н., поэтесса.

«К музыке», стихотв. в «Дамском журнале». 1823. № 24. С.223; «Прощание», там же, 1827. № 3. С.108-109.

Венгеров. Источ.; Слов. рус. писательниц.

АЛЕКСЕЕВА Н., мемуаристка.

Продавщица в казенной винной лавке, вдова акцизного чиновника. «Из записной книжки сиделцы». – «Наблюдатель». 1899. № 2. С.347-354.

ИДРДВ. Т.4. Ч. 1. № 695.

АЛЕКСЕЕВА Н., авт. популярных брошюр.

В серии «Библиотечка работницы и крестьянки» вышли книжки-брошюры А.: «Ткачиха Дуня» (Стихи). М.-Л., 1927; инсценировка «Несознательная» (1928); «Быть тебе комиссаром. О снижении цен» (Рассказ работницы). М.-Л., 1928; пьеса «Харитина» (1927); рассказ «Директора подтянули» (1928). Была авт. брош.: «День восьмого марта. Международнй день работниц и крестьянок». Артемовск, 1925; сб. «Кумачевая новь». Иваново-Вознесенск, 1927.

РНБ.

АЛЕКСЕЕВА Нина Николаевна (1886 – 1950-е гг), автор воспоминаний.

Певица. Оставила воспоминания о скульпторе А.С.Голубкиной в литературной записи Е.А.Рахмановой. – В кн. «А.С.Голубкина» М., 1983. С.179-188.

ИДРДВ. Т.5. Ч.2. № 2039.

АЛЕКСЕЕВА О.С.

Авт. стихотв. «Воспоминание» («Я беззаботен и весел порою...») - в «Сб. русских поэтов и поэтесс». СПб., 1901.

Голубева.

АЛЕКСЕЕВА Ольга Владимировна

Авт. кн. «Из детской жизни. Картинки из жизни детей». Спб., 1905. Сост.: «Библиография русских детских книг (1717-1854)» - в кн. «Материалы по истории рус. дет. литературы (1750-1855)» Вып. 2. М., 1929; «Хрестоматия по детской лит.: Для педагогич. училищ». Изд. 5-е, перераб. М., 1970.

РНБ.

АЛЕКСЕЕВА С.

Авт. неск. соч., напеч. в Альманахе молодой литературы «Блики». Кн.1. Екатеринослав, 1909: «Уходящие дни», «Мысли», «Настроения», «Ночной танец».

Голубева.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ А.П.

Авт. кн. «Спящая Россия. Иностраннй кошелек и русская промышленность. Обзор литературы о каменных углях европейской и азиатской России.» СПб., 1911. Изд. землемера В.П.Вишневого.

(Продолжение на стр.79)

ГРУППОВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ТУРИСТА-ВОДНИКА ВИДЫ СУДОВ

В современном водном туризме по-прежнему применяются следующие виды судов:

- шлюпки заводского производства: ялы, баркасы (про экспедиции на ялах юных кадетов из города Новосибирска было несколько публикаций на страницах «Уральского следопыта»);
- деревянные лодки местного производства;
- разборные каркасные байдарки заводского производства и самодельные (одно-, двух- и трехместные);
- разборные каркасно-надувные байдарки самодельные и заводского производства (одно- и двухместные);
- надувные байдарки заводского производства и самодельные (одно- и двухместные);
- разборные стеклопластиковые байдарки самодельные (одно- и двухместные);
- полиэтиленовые каяки;
- разборные каркасные каноэ самодельные (многоместные);
- надувные резиновые лодки заводского производства: лодки для охотников и рыбаков (одно- и двухместные), лодки авиационные спасательные ЛАС-3, ЛАС-5, лодка надувная типа НДЛ, плоты надувные спасательные типа СП и ПСН, туристская лодка-понтон ТЛП-1000;
- самодельные катамараны (одно-, двух-, трех- и четырехместные, реже шестиместные);
- каркасные плоты с гребями: на автомобильных камерах, на продольных надувных гондолах, на поперечных надувных гондолах, на надувных «подушках»;
- каркасные весельные плоты на поперечных

надувных гондолах (типа «Честер» и «Карабуль»);

- рафты (8-10-местные – применяются для коммерческих сплавов и соревнований);
- деревянные плоты.

В настоящее время в самодеятельном туризме практически не используются шлюпки, не применяются лодки местного производства, практически не строятся деревянные плоты. Мало стеклопластиковых байдарок, редко строятся каноэ и используются малые надувные лодки для охотников и рыбаков, мало осталось в эксплуатации лодок ТЛП-1000, выпуск их прекращен. Поэтому характеристики упомянутых судов будут рассматриваться менее подробно. Безопасность плавания судна зависит от его мореходных качеств – непотопляемости, ходкости. Кроме мореходных качеств, для судна имеют определенное значение и такие качества, как обитаемость и масса элементов конструкции судна, переносимых в рюкзаке, в расчете на одного гребца.

Обитаемость. Под обитаемостью понимается возможность удобной для работы посадки на судне необходимого количества гребцов и возможность удобного расположения всего необходимого для туристского похода груза. Наилучшую обитаемость имеют плоты на надувных элементах плавучести, хорошую – надувные лодки, катамараны, каноэ. Каркасные, каркасно-надувные и надувные байдарки имеют наименьшую обитаемость. Низкая обитаемость является одной из причин того, что каркасно-надувные и надувные

байдарки, а также каяки в дальних походах чаще всего используются вместе с катамаранами.

Величина массы переносимых деталей судна в расчете на одного гребца имеет серьезное значение, если от конечной точки, куда доходит транспорт, до начала сплава необходимо выполнить сколько-нибудь протяженный волок, а также если маршрут включает сплав по нескольким рекам с пешими переходами между ними. Подобные маршруты, называемые связками, становятся сейчас все более популярными. Наибольшая масса на одного гребца приходится в походах на каркасных байдарках заводского производства – от 16 до 25 кг, на каркасно-надувных модельных байдарках – от 10 до 14 кг, на надувных лодках и спасательных плотках – от 6 до 10 кг, на стационарных катамаранах – от 8 до 12 кг, на катамаранах с рамой, изготавливаемой на месте, – от 4 до 7 кг, на плотках с металлической рамой – от 10 до 12 кг, на плотках с рамой, изготавливаемой на месте, – от 4 до 8 кг.

Применение туристских судов в походах разной категории сложности. Наиболее массовыми туристскими гудами являются каркасные байдарки заводского производства. В стране имеется много типов этих байдарок старых выпусков отечественного и иностранного производства, а также выпускаемые промышленностью «Таймень-2» и «Таймень-3». Эти байдарки с небольшими доработками можно использовать в походах до третьей категории сложности включительно. (Многие уральские туристы удачно проходили сложные речные маршруты пятой и шестой категории сложности). Для более сложных походов, тренировок, соревнований по технике водного туризма и овладения современной техникой гребли и управления судами, включая элемента слаломной техники, больше подходят каркасно-надувные байдарки и каяки, а также стеклопластиковые и полиэтиленовые каяки.

Байдарка является наиболее подходящим судном для овладения первоначальными навыками водного туризма, которые включают приемы посадки и высадки, гребли и управления судном, знакомство с речной лоцией, основными препятствиями, приобретение умения с ходу грамотно выбирать линию движения на реке («читать» реку). Байдарка – достаточно «строгое» судно, немедленно реагирующее на ошибки экипажа на не очень сложной воде. Все другие суда гораздо менее чувствительны к ошибкам экипажа на несложной воде. Поэтому овладеть навыками водного туризма нужно только на байдарках, на других судах это овладение будет недостаточным, что неизбежно скажется затем в более сложных походах. К тому же начинать водный туризм с байдарки еще и интереснее благодаря доступности для нее малых рек.

На надувных судах, катамаранах или плотках ходить в походы первой – третьей категории

сложности слишком просто и неинтересно – благодаря их меньшей скорости и меньшей проходимости для них малых рек. В таких походах их потенциальные возможности используются не больше чем на четверть, они используются не как средство преодоления препятствий, а как средство передвижения. Начиная с походов третьей-четвертой категории сложности идет специализация туристов-водников на определенных судах.

Туристам, специализирующимся на байдарках, целесообразно переходить на каркасно-надувные суда. Каркасно-надувные байдарки и каяки можно использовать в походах любой категории сложности, но на реках более мощных – совместно с катамаранами.

Плоты с поперечным расположением гондол можно использовать в походах, начиная с третьей категории сложности и вплоть до самых сложных, по самым мощным рекам.

Четырехместные катамараны целесообразно использовать в походах, начиная с третьей категории сложности и вплоть до самых сложных. Одно- и двухместные катамараны так же, как и каркасно-надувные байдарки и каяки, следует использовать на менее мощных реках, а на реках мощных – совместно с четырехместными катамаранами. Четырехместный катамаран является также универсальным судном для активной страховки с воды. Плоты и катамараны, имея самую низкую массу переносимых деталей в расчете на одного гребца, позволяют совершать интересные походы – связки двух и более рек, что практически невыполнимо на других судах. Катамараны более приемлемы для походов-связок, так как имеют вдвое-втрое меньшее время сборки, чем плоты.

Надувные лодки и спасательные плоты целесообразно использовать в походах, начиная с третьей-четвертой категории сложности. В самых сложных походах практически уже произошла замена этих судов катамаранами.

Наш капитан

Записки очевидца

Памир, 1973 год. В глубоком каньоне бурлит стремительная и холодная Обихингоу. Мы бежим вдоль каньона, там внизу на перевернутом плоту плывет наш капитан. Он пытается зацепиться за скальные выступы и остановить плот. Уже почти потеряв надежду найти его живым, видим его на террасе. «Миша, ты жив?» – задаем глупый вопрос. «Жив, – отвечает он с натянутой улыбкой, – вот только сильно замерз». Осунувшееся скуластое татарское лицо. Мокрая одежда висит на небольшом сухом и жилистом теле. Таков наш капитан Шарапов Михаил. После службы на Северном флоте и окончания электрофака УПИ он был направлен на работу в Уралвагонзавод. Тогда и начался его звездный час как водника-туриста. Десятки лет под его руководством осуществлялись походы по рекам высшей категории сложности в районах Саян, Алтая, Тянь-Шаня, Памира, Кавказа, не считая весенних сплавов по рекам Урала. Спокойный и уравновешенный, даже в самых критических ситуациях он не повышал голоса, а настойчивостью и упорством добивался своей цели. Отчаянно смелому и в то же время осторожному, ему удавалось руководить группой и в критической ситуации. Ни разу не было

трагических случаев и даже серьезных травм с участниками. Сам он был всегда впереди с огромным рюкзаком за плечами. Не один раз он оказывался под плотом при прохождении порогов, но всегда выбирался. Мы так и прозвали его – непотопляемый Шарапов. Это время было его – Шарапова, он одним из первых получил в Нижнем Тагиле звание мастера спорта по туризму, потом и звание «Заслуженный путешественник России».

На Уралвагонзаводе он прошел путь от электромонтера до заместителя главного энергетика объединения. Огромную работу проводил в туристском клубе – создал секцию водного туризма, был председателем клуба туристов, организовывал встречи, лекции, добывал кинокамеры и пленки для съемок в походе, пробивал деньги для путешествий. Его семья – жена Галя и родственники были активными участниками походов. Я не находил в нем серьезных изъянов, наверное, кроме фантастической преданности своему увлечению. В свои 65 лет он полон замыслов о новых путешествиях. Теперь участниками его походов стали внук Ваня и внучки Даша, Света.

С Мишей я прошел несколько увлекательных путешествий, в которых близко сошелся с ним, уз-

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

нал его как человека и как руководителя.

Наиболее ярким было наше путешествие по реке Казыр в Восточных Саянах. В 1942 году в Саянах работала специальная экспедиция изыскателей железных дорог. Опытный таёжник Александр Михайлович Кошурников с двумя ребятами – Алешей Журавлевым и Костей Стофато в условиях суровой Саянской осени вывели трассу дороги от Нижнеудинска на Верхнюю Гутару, наметили туннель под Иденским перевалом и, продолжая изыскания вдоль реки Казыр, погибли в районе улова Семи Братьев. Героическая борьба этой маленькой группы с природой Восточных Саян, прекрасно описанная Чивилихиным в книге «Серебряные рельсы», вдохновила нас, и спустя 30 лет мы пошли тем же путем. Нас было 10 человек: Олег Зорихин – транспортник, Женя Перезолов – завсар, Гена Горсеван – хронометрист, Женя Степанов – физорг и охотник, Юра Останин – замполит, Володя Потапов – кинооператор, Вадим Митрофанов – летописец, Нина Лысенко – доктор, Люда Дыченко – завхоз и руководитель – Миша Шарапов.

«Кукурузник», забитый под самую кабину рюкзаками, куда пилот пролез на четвереньках, летит из Нижнеудинска в Верхнюю Гутару. Слева виден грозовой фронт, ниже вертолет с трудом пробивается через перевал. Но вот мы в Верхней Гутаре. Небольшое поле среди гор, у реки сарайчик аэропорта, в метрах 300 поселок тофаларов – охотников и оленеводов. Наш руководитель договорился с вертолетчиками, что они забросят груз и часть группы на Левый Казыр.

Через три дня вертолет забрал большую часть группы и ушел по распадку за перевал. Нас осталось четверо: руководитель Шарапов, «летописец» Митрофанов, кинооператор Потапов и хронометрист Горсеван. Надеваем облегченные рюкзаки и дружно за руководителем шагаем на перевал. Иденский перевал, по которому в 1942 году прошла экспедиция Кошурникова, был в 1969 году переименован в перевал имени Федосеева. Но вот и перевал. Слева от тропы на возвышении памятник Г.А. Федосееву – изыскателю и писателю. Кладем к его подножью цветы. Выше памятника тур, куда мы положили свою записку, здесь же послания туристов из Кургана, Уфы, Москвы. С перевала открывается величественная картина Восточных Саян: многометровые водопады на реке Кишта, белоснежные вершины гор. Начинает накрапывать дождь. Гена Горсеван шутит: «Миша, ты куда нас завел»? Но шеф уже подгоняет: быстрее, быст-

рей вниз. Через два часа руководитель сбрасывает рюкзак. Ночевка. Устраиваемся в расщелине, укрытой от дождя. Есть наколотые дрова и лапник под палатки, оставленные предыдущими группами. Уходя, мы тоже наколоты дров.

На следующий день спустились в долину Казыра, в охотничьей избушке записка: «Идем девять дней, дойдем ли – не знаем, но победим». Пройдя несколько километров «гиблого леса», вышли на берег Правого Казыра. Надвигается гроза, необходимо срочно организовать переправу: проливной дождь может сделать переправу вброд невозможным. Шарапов ведет группу в верх по реке, находит расширение русла, где глубина меньше, и организует переправу. Стремительный поток Прямого Казыра переходим обнявшись за плечи – «таджикской стенкой».

Кинооператор Потапов начинает все больше хромать – видно, растяжение. Вечереет, тропа то уходит в бурелом, то прижимается к самой реке. 10 часов вечера, Потапов идти уже не может, руководитель решает вдвоем с Горсеваном дойти до группы и вернуться вместе с помощью.

Затаскивая рюкзаки повыше, устанавливаем полог, располагаемся вдвоем на ночевку. Прошло более часа, вдруг слышим голоса – это Миша привел ребят на помощь. Через час мы у костра. Избушка, знакомые лица.

На другой день утром капитан Шарапов, посмотрев на приготовленные плоты, подверг их резкой критике, отмечая основной недостаток – большой вес. Ребята шутят над Олегом, мол, на таких «дредноутах» можно спрямить все извилины Казыра.

А сам Казыр, правый приток Енисея, протяженностью около 400 километров, пользуется дурной славой у местных жителей и заслуженным авторитетом у туристов. Быстрое течение и обилие заломов вверху, мощные и опасные пороги в среднем и нижнем течении, большая протяженность «не населенки», низкая температура воды (6-9 градусов)

делают Казыр желанным для опытных водников. Два дня ушло на переделку плотов, подготовке к сплаву и помывке в таежной бане.

Но вот руководитель распределяет экипажи по плотам, и мы по быстрой стремнине несемся мимо заломов.

Вдруг с берега слышим крик:

– Помогите! Завал!

По камням вдоль берега вслед нашим плотам бежит девушка. Причаливаем. Оказывается, группа московских туристов попала в завал в одном из протоков.

Миша отбирает пять крепких ребят, берем топор и веревки, пилу и идем выручать. За полчаса разобрали залом и перетащили плот на свободную воду, у студентов к нашему руководителю возникло большое уважение, ведь они полдня бились безрезультатно.

Через день подошли к порогу «щеки», или, как его называют, «казырское пугало». Нижние щеки – узкий каменный каньон с высотой стен местами до 20 метров. В середине – узкое горло, где струя бросается от одной стенки к другой, поворачивая более чем на 90 градусов. Здесь стоят три грозных подводных зуба, которые заставляют задуматься немало отважных туристских голов. Прохождение «щек» за всю историю Казыра было исключительным событием, в лучшем случае оно кончалось поломкой гребли, в худшем – переворотом плота.

Миша и Олег ушли на разведку и были свидетелями, как красноярцы без разведки врезались в порог. На первом же прижиге их перевернуло. В узком горле, где Казыр грохотал, раздался крик:

– Зуб!

И две человеческие фигуры прыгнули с перевернутого плота в это адское месиво. Им удалось выбраться на другой берег, но плот их намертво засел на подводной гряде, где почти все продукты и часть имущества были безвозвратно потеряны.

Трое ребят из Красноярска, в том же составе, что

и погибшая экспедиция Кошурникова, решили пройти их маршрутом. Учитывая наступившую напряженность с продуктами, маленький плот и невозможность страховки с берега делало их путешествие очень рискованным.

Под самый зуб спустили на веревке кинооператора, он притулился в расщелине и повис над потоком. Первый плот готовился к прохождению.

И вот плот в узком горле. Видно, как огромными усилиями пытаются уйти от прижима к скале. Еще мгновение – и плот вынырнул камерами вверх, людей нигде не видно. Но вот на плот вылез руководитель, за ним – второй, третьего Миша вытащил наполовину.

Озираясь вокруг, он испуганно кричит: «Где четвертый? Где четвертый?»

Да, где Горсеван? Но вот на другом берегу среди скал показывается его фигура, он успел выпрыгнуть на берег. В нижнем улове плот прибывает к отвесным скалам. Оказываем помощь и нашему экипажу, и красноярцам.

Олег шутит над Мишей: «Миша, один – ноль!»

Непросто дается переход от деревянных плотов к камерным плотам, меняется техника прохождения препятствий. До 1971 года мы совершали путешествия на деревянных плотках, к этому времени мы только начали осваивать камерные плоты.

Но Шараров не успокаивается, делает выводы и говорит: «За битого двух небитых дают». Готовится второй плот, капитан снова Миша. На этот раз плот экипаж провел блестяще. За прохождением плота с восхищением наблюдали группы москвичей и красноярцев. Успешное прохождение второго плота вселило надежду в москвичей. Они долго консультировались с нашим руководителем и решили проходить, хотя это им было запрещено.

Прошли они сумбурно, но без переворота. Они сами потом шутили, что прошли порог так, что не удалось ни разу толком гребнуть.

Поделив с красноярцами продукты, отплываем. Впереди самый мощный и красивый порог Казыра – Базыбай, или Чертова мельница. Перед порогом на крутом берегу заметили красное полотнище – предупреждение туристам. Порог Базыбай – один из самых опасных, здесь трехметровый водопад, а далее вода уходит в подводные гроты, и на выходе водяной гриб и пузыри. На скале, чуть ниже, возвышается памятник погибшим туристам: «Товарищ! Этот памятник поставлен ребятам – туристам, рискуя жизнью, бросившимся в порог, спасая жизнь товарища.

Фролов М.И. 1938 г.

Батин Н.Ф. 1945 г.

Синцов В. А. 1943 г.

3 августа 1967 г.»

Другая записка: «Мы пришли сюда, чтобы поклониться вашему мужеству, одним из первых проложивших дорогу через Базыбай. Пусть эта жертва будет последней».

Немного дальше – еще памятник: погиб Анатолий Тимченко.

Да, суровая «визитная карточка» порога. Москвичи, которые упорно держатся за нас, с опаской спрашивают, будем ли мы проходить его. Руководителю нелегко, ведь он не только себя подвергает опасности, но и тех, кого берет на плот. Здесь малейшая несогласованность, малейший просчет – и «чертова мельница» возьмет новые жертвы. Но вот решение принято. Миша ведет, крадучись вдоль левого берега, выжидая хороший момент...Плот вышел на нужную позицию и ринулся в пучину водопада. Клубящаяся пена скрыла экипаж до пояса, плот накренился. Через шум водопада слышен крик капитана: «Держи гребь!» Самые сильные гребцы – Перезолов и Горсеван – с трудом отбивают нос плота от камня, корма попадает в поток, который с шипением уходит под скалу. Удар! Шарапов с силой ударяется в отвесную скалу и ему удается оттолкнуть корму. Еще метров 50 схватки с яростным потоком – и плот уже в тихом плесе.

Итак, ключ к Базыбаю подобран. Миша успешно проводит второй плот и плот москвичей. Выстраиваемся у памятника, даем прощальный залп, оставляем свою записку и отплываем дальше.

На Нижне-Казырской заимке на косогоре у мощного кедра стоит обелиск, обрамленный кованой цепью: «Изыскатель Кошурников А.М. 1905 – 1942 г.г.». Живые цветы не увядают на его могиле. Их приносят изыскатели, геологи, туристы, отдавая дань уважения тем, кто пожертвовал жизнью ради освоения этого края.

Маршрут закончен. Дневка. Разбор похода. Руководитель собирает группу и просит высказаться каждого: об организации похода, о выбранном маршруте, об участниках похода, о себе, о руководителе. Эта, на мой взгляд, замечательная традиция осуществляется Шараповым в конце каждого сложного похода.

Да, это было в августе 1972 года, но свежи в памяти воспоминания, сохранились записи и фотографии.

С распадом СССР резко сократилось количество районов для спортивных путешествий. В ближнем зарубежье политическая обстановка нестабильна, сибирские походы стали экономически очень невыгодны. Но даже сейчас, когда старые соратники отошли, Шарапов пытается организовать молодежь. 2004 год был для него юбилейным. Первое спортивное путешествие он совершил в 1954 году. С тех пор свое свободное время отдает любимому занятию. Да и 2005 год у него почти юбилейный – 40 лет его активной туристской деятельности на Уралвагонзаводе.

АЛЕКСИНА Мария

Авт. «Путевых заметок Мани» \ \ Семейные вечера (младший возраст). 1864. Апрель, июнь, авг., ноябрь, дек.

Слов. рус. писательниц.

АЛЕКСИНСКАЯ Татьяна Ивановна (урожд. Евтихиева; 1886 - 1968), прозаик, журналистка, мемуаристка.

Жена видного социал-демократа и публициста Г.А.Алексинского. Фельдшерница. В годы первой мировой войны была сестрой милосердия и выпустила кн. «Среди раненых» (Париж, 1916). Авт. «Санитарный поезд: (Из запис. книжки фельдшерницы)». – «Совр. мир». 1916. № 9. С.75-137. Печат. стихи в «Журнале для Всех» (кон. XIX-нач.XX в.). В 1918 эмигрировала; основала в Париже «Союз русских сестер милосердия участниц Великой войны 1914-1918 годов им. баронессы Вревской», кот. просуществовал до оккупации. В послевоен. период опубл. в журн. «Возрождение» (Париж) цикл очерков по истории первой волны эмиграции («Русская эмиграция 1920-1939 гг. Ее костяк - Белая армия», № 60; «Эмиграция и ее молодое поколение». № 65; «Эмигрантская печать и писатели-эмигранты», № 70; «Русские художники эмигрантского Возрождения», № 76, 90). Как прозаик, сотр. в эмигр. изд. «Новый журнал» (Нью-Йорк), газ. «Русская мысль» (Париж). Незадолго до смерти законч. работу над кн. воспоминаний «1917-й год». «Из дневника Татьяны Алексинской» \ \ Троицкий Л.Д. Портреты революционеров (1988).

Русский Париж; Кн. рус. зарубежья.

АЛЕНТЬЕВА Л.

Авт. двух стихотв. в «Новочеркасском альманахе» Вып.1. Май, 1914.. Первый сб. произв. местных авторов. Новочеркасск, 1914.

Голубева.

АЛИЕН В.

(См. Абрамова-Калицкая В.П.)

АЛИХАНОВА Д.

Авт. двух стихотв. в альманахе «Зарницы», издаваемом научно-литературно-худож. кружком слушательниц Тифлиских высших женских курсов. Тифлис, 1916.

Голубева.

АЛЛАР Ольга

Авт. кн. «Та самая. Рассказ для детей». М., 1898. - Рец. «Рус. мысль». 1901. № 4. С.119.

РНБ.

АЛМАТИНСКАЯ Анна Владимировна (псевд.; наст. фам. Држевицкая, в замуж. Панкратьева; 1882 - 1973), писательница.

Была одним из создателей Ташкентской ассоциации пролетарских писателей (ТАПП). В главном произв. А. - ром. «Гнет» воссоздана картина жизни дорев. Туркестана, события революции 1905-07 годов и Октябрьской рев. в Ср. Азии; «Клятва солнцу», пов.; «Побеждающая смерть» (в соавт. с Махмудовой Н.М.). Авт. кн. «Минувшее. Воспоминания» (Ташк., 1971). Была ред. первого туркестанского лит.-худож. альманаха «Степные миражи». Кн. 1. Ташкент, 1914. и опубликовала в нем неск. своих стихов.

КЛЭ; Указ. загл.; Голубева.

ALLEQRO

(См. Соловьева П.С.)

АЛТАЕВ Ал.

(См. Ямщикова М.В.)

АЛОВА Наталия

Ее стихотв. напечатано в лит.-худож. сб. «Багульник» кн. 1. Харбин, 1931.

Кн. рус. зарубежья.

(Продолжение на стр.83)

Первая культурная революция

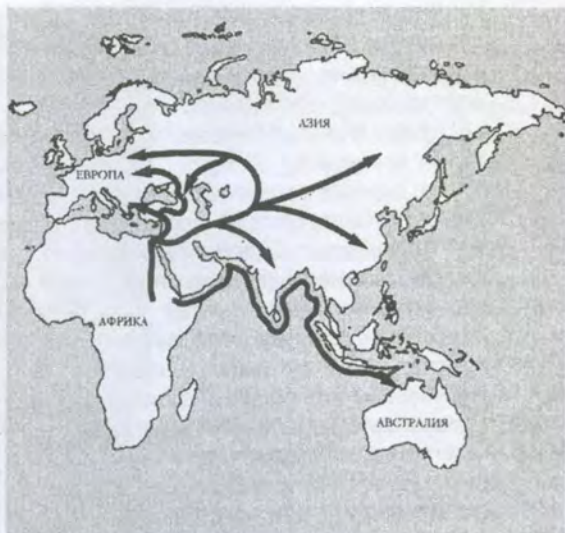

Схема предполагаемого расселения *Homo Sapiens* из Африки

Эта статья развивает тему, заявленную в прошлом номере «Уральского следопыта» о происхождении современного человека и о цивилизационном взрыве, происшедшем 6 – 8 тысяч лет назад. Корректировка данных углеродного анализа, новые артефакты и достижения других наук в конце 20 столетия позволяют по-новому взглянуть на историю происхождения человека и цивилизации. Архаичные представления о Средиземноморье как о колыбели цивилизации уходят в прошлое.

Особый вклад в изучение происхождения человека в последние годы сделала генетика. Расшифровка ДНК у различных этнических групп позволила определить не только пути миграции древних людей, но и доказать, что прародиной *Homo Sapiens* была Африка. Появившийся на свет около 200 тыс. лет назад, человек современного типа отправился, как ранее отправлялись и другие приматы, завоевывать весь мир. Примерно 60–90 тыс. лет назад началось его расселение по всей Евразии и далее в Австралию и Америку. К концу последнего ледникового периода человек уже обжил все доступные для него места. При этом можно условно считать, что культурный и технический уровень людей в разных уголках земного шара был сопоставим. Прекрасные наскальные изображения, поражающие проработкой деталей и цветовой гаммой, можно встретить в Африке, Евразии, Австралии и Америке. Каменные орудия труда были примерно на одном техническом уровне. Но около 8 тыс. лет назад во многих уголках Евразии плавное течение эволюционного развития человека нарушилось. За короткий промежуток времени произошел переход от па-

леолита (каменный век) через мезолит к неолиту (новый каменный век). Случились революционные преобразования в орудиях труда (были изобретены лук, ткацкий станок и др.), появились новые виды деятельности (земледелие, ремесло, скотоводство). Что же могло стать причиной столь решительных изменений у практически не связанных между собой групп населения на бескрайних просторах Евразии?

Обратимся за помощью к лингвистам. Подавляющее большинство из них утверждает, что все языки мира имеют общее происхождение, один корень. Считается, что от общего афроевразийского языка произошло несколько групп языков. Основные из них это афроазиатская, сино-кавказская, уральская, алтайская и индоевропейская группы. В первую входят североафриканские и семитские языки. Обладатели других основных языков проживают на всей территории Евразии, за исключением Ближнего Востока. Обособленные языки, такие, например, как у аборигенов Австралии, Новой Гвинеи, Южной Африки и других народов, еще несколько сот лет назад находившихся на первобытном уровне, почти не связаны с языками народов, затронутых цивилизационными изменениями. При этом расчетное время разделения на основные группы языков, по различным оценкам, составляет примерно 7 – 16 тыс. лет. Некоторые называют это «лингвистическим взрывом». Думается, что такое совпадение дат культурного скачка в археологии и лингвистике не случайно. На огромных пространствах при малом количестве людей и за короткое время такой «взрыв» возможен только при наличии единого генерирующего центра.

Возможно, дело обстояло следующим образом. К концу последнего ледникового периода на Земле сложились большие отдельные этнические группы. За десятки тысяч лет обособленной жизни они обрели не только характерные черты внешности, по которым и сейчас можно определить этническую принадлежность человека, но и сформировали свои языки. Причиной столь внезапно изменения культуры и языка на территории Евразии должен был стать очаг генетических мутаций, предопределивший последующие события. Преобразования коснулись в первую очередь малого количества регуляторов, позволивших увеличить число внутрикорковых связей коры головного мозга. Это, в частности, определяет нетривиальное поведение, творческую одаренность и ассоциативное мышление. Мутационные изменения – процесс непрерывный. Происходят они и сейчас. Появление среди нас гениев и есть проявление одного из таких изменений. Не стоит забывать, что, по некоторым расчетам, человек использует свой мозг только на 3%. Мутационные изменения приводят в некоторых случаях к гигантизму и к другим физическим и физиологическим изменениям. Причиной мутаций в те времена, когда не было техногенных загрязнений и сильного электромагнитного излучения, скорее всего, стал локально высокий радиационный фон и выбросы радиоактивных элементов через разломы земной коры.

Проанализировав большой объем материала по мифологии, истории древнего мира, палеографии, климатологии и биофизике, мы предложили район полуострова Мангышлак в качестве наиболее вероятного места возникновения протоцивилизации (см. «УС» № 3, 2005). Одним из поводов для такой версии является высокий радиационный фон этой местности в районе огромной рифтовой трещины земной коры, ставший причиной активного мутагенеза. Кроме того, в пору последнего ледникового периода и позже этот регион наиболее соответствовал по физическим и климатическим характеристикам месту, где, согласно практически всем мифам народов мира, произошло сотворение земли и людей.

Здесь уместно будет обратиться к великой книге – Библии. Скорее всего, Библия была книгой о реальных событиях древности, и именно территория полуострова Мангышлак могла стать тем центром, откуда взяли начало все остальные цивилизации. Можно пред-

положить, что в Ветхом Завете описано зарождение человека нового типа. Первым человеком, вкушившим плодов от древа познания, был Адам. Кстати, по мнению многих исследователей, он обладал огромным ростом. Двое детей Адама символизируют, возможно, два народа, объединившихся во время последнего ледникового периода на определенном географическом пространстве (Эдем). Сам Адам был тем первым гением, под крылом которого они объединились. Позже к ним присоединился третий народ, названный еще одним сыном Адама – Симом. Согласно Библии, Каин был скотоводом, а Авель земледельцем. «Каин убил Авеля» означает, что из-за неблагоприятных климатических условий земледелие заглохло. Но уже у праправнуков Каина и Сима снова возрождается земледелие. Активные генетические изменения возделываемых культур позволяли осуществлять эффективную селекционную работу. Постепенно появляется наука, искусство и ремесла. Библия недвусмысленно указывает и на появление у нового этноса патриархата. У потомков

Адама, по Библии, идет постепенная замена понятия «женщина родила ребенка» на понятие «мужчина родил ребенка». «Великий потоп», уничтоживший этот этнос, перенес его часть (Ной), а с ним накопленные знания и генетический материал к подножию Арарата в устье реки Аракс. Неслучайно генетик Н.И. Вавилов в середине прошлого века обнаружил на Кавказе селекционный центр, откуда ведут свою родословную многие культурные растения современности.

Около 8 тыс. лет назад с отрогов Кавказских гор началась великая техническая и культурная экспансия этого народа. Расселяясь группами по всему свету, кавказцы начали передавать свои знания, выступая в роли царей, администраторов, жрецов и т. п. В то время, когда не было письменности, вся информация передавалась от человека к человеку устно. Важно было передать знания из слова в слово. Видимо, отсюда берет начало общность легенд большинства народов мира о происхождении земли и человека. Самых же миссионеров местное население стало отождествлять с богами или с детьми богов. Одновременно со знаниями они передавали аборигенам свой язык – язык знаний. Это происходило не насильно, а путем смешения языков и вытеснения слов. Со всем недавним историческим примером может служить влияние латыни на современные языки Европы, например, на германские и романские группы языков. Постепенно воспринимая и перерабатывая новые знания, народы получали шанс перейти на другой уровень – на уровень цивилизации.

После Всемирного потопа и обоснования первой цивилизации на Кавказе произошла миграция носителей знаний в двух направлениях: на юго-запад и на северо-восток. Первое направление дало более ощутимые результаты, т. к. это были цивилизации, основанные на строительстве зданий из камня и кирпича. Сначала они обосновались на равнинной части современной Турции (Анатолия). Там сохранились остатки городов, здания которых сделаны из необожженного кирпича. Их возраст археологи определяют в 8 тыс. лет. Часть миссионеров юго-западного направления отправилась через проливы Босфор и Дарданеллы в Европу. Согласно археологическим исследованиям, остатки охотников и собирателей в Западной и Центральной Европе с окончанием ледникового периода были вытеснены и замещены новым этническим материалом – земледельцами и скотоводами из Анатолии и Леванта (часть Ближнего Востока).

Однако исследования показывают, что большинство генетических линий у жителей современной Европы происходит от предков, живших в Европе еще в эпоху палеолита. Это означает, что новая материальная культура была привнесена извне. Задолго до возникновения средиземно-

Направления культурной экспансии

морской «колыбели» обитатели современной Болгарии, Румынии и Венгрии уже были знакомы с металлургией, использовали золото для различных украшений. Конечно, эти изделия, датированные серединой 5 тысячелетия до н.э., с современной точки зрения далеки от совершенства, но в какую глубину веков отодвигается появление ювелирного искусства! На острове Мальта близ Италии обнаружены остатки огромного каменного города с множеством грандиозных храмов. Возраст этих поистине циклопических сооружений 5600 – 6000 лет. Интересно отметить, что каменные орудия труда для обработки массивных блоков доставлялись с соседней Сардинии по морю. Не менее почтенны по возрасту и другие мегалитические постройки на территории Западной Европы: гробницам в Бретани 6000, а гробницам в Испании 5100 лет. Влияние этой древнейшей культуры прослеживается в архитектуре более поздней крито-минойской цивилизации.

Другая часть миссионеров из Анатолии направила свои стопы на юг – в Месопотамию и Египет. Созданные ими грандиозные цивилизации поражали своими масштабами не только современников, но и все последующие поколения. Через Египет часть миссионеров прошла по всей Северной Африке, более пригодной для жизни в то время. Несколько позже они стали совершать вояжи (а может быть, своего рода крестовые походы?) в Центральную Америку. Возможность этого убедительно доказал Тур Хейердал своими экспедициями на «Ра-1» и «Ра-2». Так на территории Америки возникли первые цивилизации с каменными городами и пирамидами, похожими на египетские. Были привнесены традиции ремесел и культа.

Северо-восточное направление движения миссионеров характерно отсутствием развитой культуры каменного строительства. Ведь на огромных территориях евразийских равнин население занималось в основном охотой и собирательством, не ведя оседлый образ жизни. Это затрудняло не только просветительскую миссию, но и делало проблематичным до определенного времени создание государств на этих территориях. Происходила довольно длительная передача навыков скотоводства, земледелия и ремесла местному населению, причем не всегда успешно. Первая волна цивилизации докатилась до Сибири и Дальнего Востока. Это сино-кавказская и алтайская группы языков. Позднее с территории Южного Урала ушли на северо-запад представители уральской группы (финно-угорский и самодийский языки). Оставшееся население на просторах от северного побережья Черного моря до Алтайских гор примерно на 50-й параллели образовало свою независимую индо-европейскую культуру. Ее материальные остатки – это система городов и курганов на огромной территории. Уже обнаружено более 20 городов в виде круга, сделанных из деревянных стен и земляных валов (в т.ч. Аркаим). Более 4 тыс. лет назад отделились и ушли в Европу германские и славянские племена. Чуть позже на территорию Ирана и Индии направилась другая группа. Оставшиеся на месте скифы из-за климатических изменений перешли к кочевому образу жизни, сохраняя при этом обретенные культурные традиции. До остальных народов, находящихся на первобытно-общинном уровне, волна цивилизации докатилась лишь в последнее тысячелетие.

Такова в общих чертах наша предполагаемая модель «большого цивилизационного взрыва», нарушившего несколько тысячелетий назад плавное течение эволюции древнего человека. Интересно отметить, что в момент крутых перемен в жизни древнего человека исследователи отмечают любопытные изменения в культуре. В момент соприкосновения с новым большим объемом знаний происходило упрощение искусства, в т.ч. упрощение изображений в наскальной живописи. Неолитические сцены охоты, изображения животных и людей предельно упрощены и мелкомасштабны. Изображения становятся более схематичными, все подчинено действию. Человек уже не успевает думать о Прекрасном. Необходимо осваивать новые знания, появляется море забот. Со временем происходила культурная, а возможно, частичная генетическая адаптация. Разцветала культура новой цивилизации. Так уже не раз было в истории современного человечества. Нечто подобное, вероятно, происходит и в последние 200 лет в период небывалого скачка научно-технического прогресса. Какие цивилизации могут вскоре возникнуть? Кто грянет? Homo informaticus?

АЛТАЙСКАЯ Е., поэтесса и собирательница частушек.

Сотрудничала в газ. «Народная свобода» (Пермь, 1918).

Голдин.

АЛТАЙСКАЯ Ольга

Авт. кн. «Рассказы и стихотворения». Кострома, 1913.

Тарасенков.

АЛФЕРОВА Александра Самсоновна

Сотр. «Рус. ведом.» (1909); педагог, владелица женской гимназии в Москве. Авт. ст. «Постановка преподавания арифметики в начальных школах» - «Вестн. воспит.» 1906. № 7. С.114-121.

Масанов; Белевцева Н.А. Глазами актрисы. - М.; ВТО, 1979; Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1983.

АЛФЕРОВА Екатерина Федоровна, поэтесса.

Венгеров. Источ.

АЛФЕРОВА Наталья, авт. дневника.

Учительница церковной школы для чувашей в дер. Старое Иглайкино Самарского уезда. «Из дневника учительницы инородческой школы грамоты». - «Правосл. благовестник». 1899. Т. 3. № 21. С. 208-213; № 22. С. 260-263.

ИДРДВ.Т.4. Ч.1. № 1324.

АЛФИМОВА Анна Ефимовна

Перевела и издала в пользу Киево-Николаевского монастыря «Беседы Массильона, епископа Клермонского, славного проповедника французского, собранные и расположенные в систем. порядке». 7 частей. СПб., 1824-1825. О ней: М.Ф.Де-Пуле. Отец и сын // Рус. вестник. 1875. № 8. С.551, 580, 596.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

АЛЧЕВСКАЯ Христина Алексеевна (1882 - 1931), поэтесса, переводчица.

Педагог; дочь педагога Х.Д.Алчевской (см). Авт. кн. «Тоска по солнцу» (1907), «Грезы». (Харьков, 1916); сб. стихов «Пробуждение» (1917); драматич. поэмы «Луиза Мишель» (1930) и др. При ее участии учительницами воскресных школ составлена «Книга взрослых». М., 1900; участв. в «Женском сборнике в пользу Ялтинского попечительства» (1915); пер. «Последнюю поэзию» Поля Бурже. - журн. «Правда», 1905, № 7.

КЛЭ; Гнесин М.Ф. Страницы воспоминаний. - В кн. М.Ф.Гнесин. М., 1961.

АЛЧЕВСКАЯ Христина Даниловна (урожд. Журавлева; 1841 - 1920), общественный деятель, педагог, публицист, мемуаристка.

Жена А.К.Алчевского, руководителя харьковского либерального кружка «Громада». В 1862 году организовала воскресную женскую школу, которая стала образцом и методическим центром для воскресных школ России. С именем А. связано целое общественное движение в области народного просвещения. Выступила организатором, составителем и частично автором 3-томного труда «Что читать народу?» - первой в России книги читательской критики, где собраны устные и письменные отзывы о книгах читателей из народа. Экспериментально проверяла воздействие на простого, подчас неграмотного, читателя классической литературы: Пушкина, Достоевского (с ним была лично знакома и переписывалась), Шекспира и др. Книга получила высокую оценку современной критики и высшую награду на Всемирной выставке 1889 года в Париже. Как человек больших нравственных достоинств предстает А. и в своих мемуарах «Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания» (М., 1912). В числе шестерых детей А. - поэтесса Х.А.Алчевская (см), композитор Г.А.Алчевский, певец И.А.Алчевский.

Русские писатели (портр.); Масанов; Венгеров. Сл.; «Воспоминания и дневники»; ИДРДВ. Т.3. Ч.4; Т.4. Ч.4 (Указ. имен). Голубева.

(Продолжение в следующем номере).

МАЛАХИТ

ПЕРВЫХ РУДОЗНАТЦЕВ

Когда Екатерина II своим именным указом создала «Экспедицию по поиску и добыче цветных камней на Урале», в Екатеринбург был направлен генерал-майор и кавалер святой Анны Яков Иванович Данненберг. Приехав в Екатеринбург, он посылает на север, за Верхотурье, гранильных дел мастера Семена Ваганова, каменотесца Гаврила Белозерова и екатеринбургских купцов Дмитрия Хлепетина и Петра Зырянова. А Верхотурской воеводской канцелярии дает предписание, чтобы все, «кто имеет при себе цветные и другие годные камни» и знает, в каких местах они сысканы, принесли бы их в канцелярию. Канцелярии же следует произвести их регистрацию и немедленно отправить в Екатеринбург. И если при опробовании камней окажется, что они пригодны для дела, то их предъявителю будет выдано вознаграждение.

Для поиска и добычи камней Данненберг выдает особые билеты. Их получают купец и заводо-держатель Максим Походяшин с сыном Василием и походяшинский рудоискатель Григорий Посников со Степаном Богомоловым.

После сбора всех объявленных камней и определения их пригодности за Верхотурье, на Петропавловский завод Походяшина вновь отправляется Ваганов. Ему поручается определить место, где можно построить камнеобрабатывающую фабрику («шлифовальную мельницу и другие нужные машины»); отыскать водный путь для отправки камней до Петербурга; обследовать запасы отдельных месторождений и определить стоимость камней, добываемых на рудниках Походяшина.

Ваганов справился успешно и с этим заданием. В своем рапорте от 20 ноября 1766 года он сообщает, что удобное место для фабрики имеется на Истоке из озера Троицкого, в 5 верстах от Петропавловского завода (ныне г. Североуральск), у новосооружаемой плотины Походяшина. Был отыскан и водный путь в Петербург. Он начинался от пристани на реке Улсуе (Улсе) при впадении в нее Лямпы. Расстояние от намечаемой фабрики до пристани, если следовать «горой» (сухопутным путем), было шестьдесят верст.

В выданном Ваганову задании по обследованию

месторождений камней в первом месте указывается зеленая медная руда, т. е. малахит. Тогда слово «малахит» еще не употреблялось и камень называли просто «зеленой медной рудой».)

О запасах малахита Ваганов сообщает, что уже заготовлено 50 пудов. (Малахит на рудниках добывал Белозеров. Он еще осенью 1765 года пролил у Верхотурской канцелярии людей.)

Добычу малахита на своих рудниках Походяшин разрешил производить бесплатно, поставив только одно условие: чтобы добываемая совместно с малахитом белая глина передавалась ему, так как в ней имела медь. В дальнейшем стоимость малахита резко возрастает и через 80 лет достигает 700 рублей за пуд.

В. Б. Семенов в книге «Малахит» отмечает, что в 1765 году в мастерскую Екатеринбургской гранильной фабрики действительно поступил для пробной обработки малахит. Из него стали делать пуговицы для парадных камзолов. Но уже в 1771 году Походяшин сообщает в Экспедицию: «Ныне столь мало сей зелени выходит, что по велению Его превосходительства Дениса Ивановича (сибирского губернатора Чичерина. — Авт.) едва чрез год до трех пудов сыскалось».

Интересно сообщение Ваганова о том, что Походяшин еще раньше добывал малахит и делал из него краску путем его измельчения и промывания.

Вторым цветным камнем, запасы которого поручалось выяснить Ваганову, была голубая краска (вероятно, азурит. — Авт.) Однако с запасами азурита дело обстояло значительно хуже. Ваганов пишет, что рудник, в котором попадалась голубая краска в

белой глине небольшими кусочками совместно с малахитом, был выработан. В других местах голубая краска хотя и имеется, но встречается в виде тонкого налета на камнях, и снять ее практически невозможно.

К сожалению, Ваганов не назвал рудников с малахитом и азурилом. Возможно, они были нанесены на план, который прилагался к его рапорту, но в архиве (ГАСО) его не оказалось.

Турьинские рудники разрабатывались довольно долго и были досконально обследованы и описаны. В них действительно попадался малахит, но он не был поделочным. Поделочный малахит Походяшин мог добывать на других рудниках, в частности, у с. Всеволодоблагодатского. Там геолог Левинсон-Лессинг в 1899 году в старых шахтах обнаружил белую аплитовую жилу, в которой содержался малахит и азурило. В архиве также хранится старинный план (1769 г.) с отметкой трех медных приисков с зеленой медной рудой около Всеволодоблагодатского.

Орудниках в окрестностях Всеволодоблагодатского есть сведения и у В. Весновского. Он пишет: «В 1836 году при очистке старых штолен найдены жилы медной малахитовой зелени, которые вновь указывают на хорошее месторождение меди в этом участке. В 1884 году, кроме указанных шести известных шахт, найдены были еще 7 медных рудников, разрабатывавшихся доисторическим народом – чудью.»

Разработка малахита чудью в какой-то степени подтверждается и наличием чудского могильника в 2-х верстах от Всеволодоблагодатского. Известно, что чудь получала медь из малахита, так как его легко добывать и плавить. Аналогичная добыча малахита производилась и в Гумешках (г. Полевской). Вероятно, поэтому и появились у П. Бажова знаменитые сказы о Хозяйке Медной горы. Видимо, чудский народ оставил после себя большую энергетику в шурфах, и местные жители ощущали ее, испытывая всевозможные видения и страхи, которые и породили веру в существование Хозяйки.

Кроме малахита и азурита, Ваганов обследовал месторождение темноватого агата. Оно находилось вверх по Ваграну, в двадцати пяти верстах от Петропавловского завода. (По более поздним источникам, там значится месторождение темнокофейной яшмы.)

По этой же дороге в 25 верстах от завода в высокой горе (Кумбе) он указывает на месторождение хрусталя. (О хрустале на Кумбе сообщал и Паллас. Кроме хрусталя, на Кумбе имелись: гранат, эпидот и зеленатовый хрусталь, но Ваганов о них ничего не сообщает.)

Особого внимания заслуживает сообщение известного ученого-естествоиспытателя В. Севергина о находке на Вагране изумруда. При этом он

Малахит. Месторождение Турьинские рудники, рудник Богословский.

Малахит. Месторождение Турьинские рудники, рудник Фроловский.

ссылается на «Минералогию» немецкого автора Брюннинкса, (1781 г.). Остается загадкой и до настоящего времени: почему об изумруде на Вагране знали в Германии, но не знали в России? Капитан Карпинский, исследуя в 1837 году верховья Ваграны, обнаруживает там слюдяной (слюдистый) сланец. (Слюдяной сланец является вмещающей породой для изумруда.) Не исключено, что Посников в поисках слюды мог найти и изумруд.

В заключение можно отметить, что основные богатства Северного Урала были открыты в течение первых 50 лет. И нельзя не восхищаться мастерством наших рудознатцев. Ведь они не имели ни буровых установок, ни геофизических приборов, ни современных транспортных средств. И заслуженно А. Г. Козлов в своем биографическом справочнике называет Посникова выдающимся рудознатцем.

руды. То же самое и в...
решениям... и петро...

ЧИТАЙТЕ В МАЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

В ряду очерков, воскрешающих трагические и героические события Великой Отечественной, журнал познакомит вас с историей создания необычного обелиска на горе Вересовой под Лыськанаром. Это память о ветеранах войны из деревни, которой уже не существует.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТ

GPS, система глобального позиционирования, позволит не только найти дорогу из пункта А в пункт Б. Она открывает новые возможности для активного отдыха.

АЗАЛИТА

Майский номер журнала «Уральский следопыт» посвящен Дню Победы, поэтому в нем в знак памяти о ветеранах Великой Отечественной войны опубликованы стихи о войне известных поэтов Урала. Также читателя ждет увлекательная повесть, продолжающая тему животных, начатую в юбилейном номере журнала. Повесть «Боцман» - это история жизни рыси, история жизни всей тайги после вмешательства в нее человека. Очень добрая и обаятельная история.

Хочешь двигаться - ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

ХИМТЕХ
СТРОЙ

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2005, №4 (574)